

44-55
81.077
T-37

1088779

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

выпуск 22

Тетради
ПЕРЕВОДЧИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК 22

*Под редакцией
кандидата филологических наук
доцента С. Ф. Гончаренко*

1088779

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1987

Редакционная коллегия

М. П. Брандес, С. А. Бурляй, Ю. В. Ванников, С. Ф. Гончаренко
(отв. редактор), В. М. Завьялова, Ю. В. Кирсанов, В. Н. Комиссаров,
А. В. Михеев (отв. секретарь), М. Я. Цвиллинг, Г. В. Чернов, А. Д. Швейцер

Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник.
Т 37 Вып. 22/ Под ред. С. Ф. Гончаренко. — М.: Высш. шк.,
1987. — 160 с.

В выпуске рассматриваются новые задачи, пути и методы подготовки переводчиков, даются практические советы начинающим переводчикам, известный поэт-переводчик Павел Грушко делится своим опытом перевода.

Для студентов старших курсов языковых вузов и лиц, интересующихся проблемами перевода.

Т 460200000(430900000)—308
001(01)—87

КБ—53—21—86

ББК 81
4

Научное издание

**ТЕТРАДИ
ПЕРЕВОДЧИКА**

*Научно-теоретический
сборник*

ВЫП. 22

Зав. редакцией Э. А. Проницева. Редактор В. П. Торлакова. Младший редактор Л. В. Демешова. Художественный редактор М. Г. Мицкевич. Технический редактор Э. М. Чижевский. Корректор Е. П. Гречаная

ИБ № 6718

Изд. № Р-499. Сдано в набор 22.12.86. Подп. в печать 15.05.87. Формат 60×90/16. Бум. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 10 усл. печ. л. 10,25 усл. кр.-отт. 10,36 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Зак. № 1765. Цена 65 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

А. Д. Швейцер

(Москва)

НОВЫЕ ЗАДАЧИ «ТЕТРАДЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»

Советская школа перевода снискала себе заслуженную славу во всем мире. Широко известны выдающиеся достижения советских переводчиков мировой классики, произведений литературы народов СССР, научной литературы и публицистики. Широким признанием пользуются труды наших теоретиков перевода — тех, кто заложил основы современного переводоведения, и тех, кто продолжает их разрабатывать и развивать в наши дни.

Вместе с тем взаимодействие и сближение культур нашей многонациональной страны, ее растущие международные связи в области науки, техники и культуры — все это ставит перед теорией и практикой перевода новые задачи, решение которых требует дальнейшей разработки теоретических основ переводоведения, обобщения огромного практического опыта, накопленного в различных видах и жанрах переводческой деятельности.

Для решения этих новых задач чрезвычайно важно объединение усилий различных дисциплин и, в первую очередь, языкознания и литературоведения, заинтересованных в изучении перевода и разрабатывающих его проблемы. В этом отношении «Тетради переводчика» представляют собой уникальное издание. С момента выхода в свет их первого выпуска они характеризовались разносторонним и многогранным подходом к переводу, стремлением учесть разнообразные теоретические и профессиональные интересы своей читательской аудитории. На их страницах выступали теоретики (лингвисты, литературоведы, психологи и др.), выдвигавшие — порой в остро полемической форме — новые концепции и оспаривавшие старые; известные переводчики-профессионалы, делившиеся с читателем своим богатым творческим опытом, поднимавшие актуальные вопросы переводческой деятельности, а порой просто предлагавшие для широкого обсуждения новые варианты перевода известных текстов, аргументируя собственные решения.

Что касается лингвистических исследований перевода, то они всегда занимали видное место среди материалов, публикуемых в «Тетрадах». Эта традиция, безусловно, заслуживает продолжения. Необходимо и в дальнейшем знакомить научную и пе-

дагогическую общественность, всех читателей «Тетрадей переводчика» с новейшими достижениями лингвистической теории перевода у нас в стране и за рубежом. Не подлежит сомнению, что современное языкознание создает благоприятные предпосылки для эффективной теоретической разработки фундаментальных проблем теории перевода. Развитие социо- и психолингвистики, лингвистики текста, теории речевых актов и других направлений коммуникативной лингвистики — все это дает возможность отойти от традиционного подхода к лингвистическим проблемам перевода, сводившего теорию перевода к сопоставительному языкознанию, к сравнению отдельных языковых единиц, и глубже проникнуть в сущность переводческой коммуникации, в специфику перевода как процесса межъязыкового и межкультурного общения.

Думается, что этот новый подход расширит базу для взаимодействия лингвистической теории перевода с теориями, разрабатываемыми в рамках других дисциплин и, в частности, литературоведения. Более того, многие из создаваемых на его основе понятий могут войти и в понятийный аппарат литературоведческой теории перевода. Известно, что в прошлом некоторые представители литературоведческого направления теории решительно отрицали плодотворность лингвистического подхода к научному описанию перевода художественного текста, усматривая в лингвистическом анализе художественного перевода «проповедь формализма». С течением времени накал полемических страстей стал постепенно остывать. Среди теоретиков перевода — лингвистов и литературоведов — возобладал более терпимый и заинтересованный подход к поискам другой стороны, находящейся по ту сторону междисциплинарного барьера. Однако до подлинного сотрудничества и объединения усилий в деле решения актуальной задачи — создания общей теории перевода — пока еще далеко. Решение этой задачи, естественно, требует успешного преодоления преград, разделяющих работающих в этом направлении специалистов.

Думается, что важной методологической предпосылкой для совместного поиска основ должно быть представление о переводе как о сфере взаимодействия не только языков, но и культур. Из этого разумеется, не следует, что языковые аспекты перевода не заслуживают самого пристального внимания. Важность этих аспектов не подлежит никакому сомнению хотя бы потому, что перевод является актом языковой коммуникации, осуществляемым с помощью языковых средств. Однако высказываемый порой взгляд на перевод как на чисто языковую операцию представляется явно односторонним. Необходимо учитывать, что перевод — это не просто перекодирование исходного текста в конечный, не простая смена языкового кода. Это еще и переориентация текста на другую читательскую аудиторию, приспособление его для восприятия носителями не только другого языка, но и другой культуры.

«Тетради переводчика» представляют отличную возможность не только для рассмотрения перевода с позиций различных дисциплин (это имело место и раньше), но и для сближения этих позиций, для подлинно междисциплинарного подхода, необходимого для разработки теоретических основ теории перевода. Первый опыт интеграции достижений различных наук при изучении перевода уже дал обнадеживающие результаты. Достаточно сослаться на основанные на органическом соединении лингвистического и психологического анализа синхронного перевода работы Г. В. Чернова, А. Ф. Ширяева и др.

Думается, что подобное расширение теоретической базы переводоведения даст возможность показать всю многомерность и многогранность перевода и по-новому осветить такие его «вечные проблемы», как переводимость, адекватность и эквивалентность.

С самого начала «Тетради переводчика» посвятили себя еще одной задаче, сохранившей свою актуальность и в настоящее время — сближению теории и практики перевода. Предоставляя трибуну как теоретикам перевода, так и переводчикам-практикам, «Тетради» способствовали диалогу между ними. В настоящее время взаимодействие и взаимопонимание между ними необходимы более, чем когда-либо раньше. Это даст возможность, с одной стороны, приблизить теоретические штудии и нуждам переводческой практики, увеличить их выход в практику перевода, а, с другой, глубже внедрить достижения теории перевода в практику переводческой деятельности. Особого внимания заслуживает бурно развивающаяся отрасль научно-технического перевода, которая служит источником интересных данных для теории перевода и опыт которой нуждается в серьезном теоретическом обобщении.

Еще одной сферой приложения теории перевода является методика его преподавания. Как представляется, именно здесь можно обеспечить связь переводоведения с практическими задачами обучения иностранным языкам, а это одно из важных направлений в перестройке высшего образования. Хорошее знание иностранных языков, умение свободно ориентироваться в иноязычной литературе и переводить необходимые материалы с иностранных языков — эти требования предъявляются сегодня к каждому квалифицированному специалисту. Ответить на эти требования может дальнейшая углубленная разработка методики преподавания перевода.

К сожалению, до сих пор ощущается известный разрыв между теоретическими исследованиями перевода и практикой его преподавания. Богатый опыт, накопленный преподавателями перевода, еще ждет своего обобщения. Думается, что благоприятные возможности для установления прочных связей между теорией перевода и методикой его преподавания имеются, поскольку «Тетради» выходят при преимущественном участии Московского государственного педагогического института ино-

странных языков имени Мориса Тореза, известного центра подготовки высококвалифицированных переводчиков.

Предлагаемый вниманию читателей выпуск 22 «Тетрадей переводчика» свидетельствует о том, что, оставаясь верным своим традициям, этот научно-теоретический сборник одновременно ориентируется на выполнение стоящих перед ним новых задач. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы, посвященные как лингвистическим проблемам перевода, так и вопросам художественного перевода, а также задаче обеспечения органической связи между теорией перевода и методикой его преподавания, союзу теории и практики перевода.

В сборнике появилась новая и, на наш взгляд, нужная рубрика «Наша информация». Новым является также раздел «В творческой лаборатории переводчика», в котором известные переводчики делятся своим опытом.

Сборник сохраняет верность еще одной своей традиции — ориентации на самый широкий круг читателей — специалистов-переводоведов, студентов и аспирантов; изучающих перевод и контрастивную лингвистику, переводчиков-профессионалов, начинающих переводчиков и всех тех, кого интересует перевод с его загадками и парадоксами.

От редколлегии

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ ПРОФ. Л. С. БАРХУДАРОВА

7 июня 1985 г. скончался Леонид Степанович Бархударов, бессменный редактор «Тетрадей переводчика» с момента их основания. Профессор Л. С. Бархударов был ученым широких лингвистических интересов и всемирной известности. Его труды издавались не только в Москве, но и в Берлине, Лейпциге, Гааге, Париже, Нью-Йорке, Дели. Он выступал с лекциями и докладами не только в родном МГПИИЯ им. М. Тореза, который стал для него вторым альма матер, но и в Вене, Париже, Лондоне, Хельсинки, Белграде и Праге. Он был членом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и Международной федерации переводчиков. И если в СССР Л. С. Бархударов был известен как блестящий англист, то для всего мира он остается видным теоретиком перевода. В Индии он оставил о себе память как выдающийся проректор Делийского университета им. Джавахарлала Неру по Институту русских исследований в составе университета в ответственный период становления института. Его перу принадлежит более 80 научных трудов, в том числе известная монография «Структура простого предложения современного английского языка» (1966), «Очерки по морфологии современного английского языка» (1975), и, наконец, фундаментальное исследование

«Язык и перевод» (1975), которое вошло в золотой фонд трудов, создающих лингвистическую теорию перевода последних десятилетий.

В своих трудах по теории перевода Леонид Степанович Бархударов развивает идеи, которые позднее он обобщил в семантико-семиотической модели перевода в следующих словах: «...для перевода важно прежде всего ЧТО именно выражается, а то, КАК оно выражается, должно быть подчинено первому, как и вообще в любом акте коммуникации передаваемая информация является целью, а пути ее передачи — средством достижения этой цели. Поэтому достаточно адекватная и «сильная» модель перевода должна быть прежде всего моделью семантической, а поскольку семантика, то есть значение, есть функция знака, она не может не быть в то же самое время моделью семиотической...» (Бархударов Л. С. «Язык и перевод». М., 1975. С. 235.)

Научная биография Леонида Степановича началась на кафедре германской филологии Военного института иностранных языков Красной Армии в грозные годы войны, после двух лет, проведенных им на фронте. В то время на этой кафедре работали такие выдающиеся германисты, как профессора О. И. Москальская и В. Н. Ярцева, под влиянием и руководством которых он и складывался как ученый.

Первоначальные интересы Леонида Степановича лежали в области грамматики английского языка, но уже в 1962 г. (а начиная с 1956 г. Л. С. Бархударов работал в МГПИИЯ им. М. Тореза) сложился глубокий интерес Л. С. Бархударова к теории перевода. В 1962 г. вышла первая из серии работ Леонида Степановича по теории перевода: «Общелингвистическое значение теории перевода» (в сб.: Теория и критика перевода. Л., 1962), в которой проводится четкое разграничение предмета и метода структурно-типологического исследования языков и переводоведческих исследований и выдвигается постулат законности межуровневых сопоставлений, как отличительной черты специфического переводческого подхода к языковому материалу. «Для теории перевода совершенно не играет роли принадлежность сопоставляемых единиц к одному и тому же аспекту или уровню языковой системы (напр., лексическому, грамматическому и пр.) — соображения, неизменные для структурно-типологического изучения языков» (Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода). Это положение Леонид Степанович развивал в своих последующих работах. В течение ряда лет Л. С. Бархударов неоднократно обращался к проблемам перевода. Кроме известной монографии, он написал около 20 работ по теории перевода. Среди них такие важные для становления концепции Леонида Степановича работы как «Процесс перевода с лингвистической точки зрения» (в сб.: Лингвистика и методика в высшей школе, IV. М., 1967) и «Уровни языковой иерархии и перевод» (Тетради переводчика. Вып. 6.

М., 1969). Эта серия его работ завершилась выходом в свет монографии «Язык и перевод».

В том оркестре лингвистической теории, который последние три десятилетия проявлял все большую сыгранность, Л. С. Бархударов играл роль первой скрипки. При его активном участии и были выработаны и отточены основные понятия и методологический аппарат теории перевода в том виде, как она сложилась на сегодняшний день: понятие об уровневом характере эквивалентности; примат содержания (т. е. значения) над языковой формой; постулаты закономерности межуровневых переходов при установлении переводческих соответствий; рассмотрение в теории перевода целых речевых произведений и многое другое.

В работе «Уровни языковой иерархии и перевод», опубликованной в «Тетрадах переводчика» в 1969 г. (Вып. 6), Л. С. Бархударов поставил вопрос об уровневом характере эквивалентности в переводе, впервые выделив и рассмотрев перевод на уровне фонем, морфем, а также перевод на уровне текста. При этом Л. С. Бархударов отмечает, что «на протяжении одного и того же текста уровень перевода, как правило, постоянно меняется». К идеям уровневой иерархии эквивалентности Л. С. Бархударов не раз возвращался впоследствии, прежде всего в монографии «Язык и перевод».

Такое понимание уровней эквивалентности связано с другим постулатом, постоянно развиваемом Л. С. Бархударовым, начиная с работы 1962 г. «Общелингвистическое значение теории перевода»: «Для перевода основным является адекватная передача содержания, выраженного средствами одного языка, при помощи средств другого языка; стало быть, сопоставление языковых единиц в теории перевода может производиться только на основе общности выражаемого ими содержания, иными словами на основе семантической или смысловой, общности данных единиц» (С. 9). И далее: «...теория перевода безразлична к языковому характеру сопоставляемых единиц, к тому, относятся ли они к грамматическим, лексическим или еще каким-нибудь средствам; для нее существенным является лишь их семантическое тождество, т. е. единство выражаемого содержания...»

Развитию этой идеи — идеи примата содержания над языковой формой в переводе — посвящена ставшая классической монография Л. С. Бархударова «Язык и перевод».

Сущность излагаемой Л. С. Бархударовым в этом труде семантико-семиотической модели процесса перевода изложена прежде всего в двух центральных главах монографии: «Языковые значения и перевод» (гл. 2) и «Семантические соответствия при переводе» (гл. 3). При этом 5-я глава «Переводческие трансформации» также является развитием идей, которые автор высказывал еще в работе 1967 г. «Процесс перевода с лингвистической точки зрения»: «...трансформации можно свести к четырем основным типам изменений, ...а именно: 1. Переста-

новки (в наиболее простом виде — изменения порядка слов в предложении), 2. Замены (замены частей речи; замены слов с более общим значением словами с более частным значением и наоборот; антонимические замены и пр.), 3. Добавления (обычный случай — лексические добавления в качестве компенсации утраты грамматических средств выражения тех или иных значений), 4. Опускания (действие обратное добавлению и производимое в прямо противоположном случае)». Достаточно сравнить это перечисление с содержанием главы 5-й монографии «Переводческие трансформации», чтобы убедиться в том, что в зародыше классификация переводческих трансформаций сложилась у Л. С. Бархударова еще тогда, когда писалась работа, опубликованная в 1967 г.

Нельзя не упомянуть и ряд работ Л. С. Бархударова, в которых содержится анализ конкретных переводческих проблем, как правило, на материале анализа художественных переводов, в том числе поэтических («О лексических соответствиях в поэтическом переводе» (на материале перевода И. А. Бунным «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло)// Тетради переводчика. № 2, М., 1964; «Что нужно знать переводчику?»//Тетради переводчика. № 15. М., 1978; «Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык»//Тетради переводчика. № 21. М., 1984, включая примеры собственных поэтических переводов (см. «Некоторые проблемы...». С. 43, 44, 47).

В заключении следует указать и на то, что вклад Л. С. Бархударова в развитие теории перевода не ограничивается его трудами по теории перевода. Как бессменный редактор «Тетрадей переводчика» в течение более 20 лет Л. С. Бархударов внес значительный вклад в развитие теории перевода в нашей стране через это издание. Этому процессу в значительной степени способствовал заботливый подход Л. С. Бархударова как редактора и педагога к развитию таких теоретических позиций в теории перевода, которые не соответствовали его собственной позиции, но которые в целом были необходимы для развития теории перевода. «Тетради переводчика» и впредь будут верны его заветам: «Перевод — слишком сложное и многостороннее явление, чтобы полностью укладываться в неизбежно ограниченные рамки какой-нибудь одной модели или теоретической схемы. Чем больше будет таких моделей и схем, тем лучше, тем глубже мы сможем познать сущность перевода» (Бархударов Л. С. Язык и перевод. С.235).

С. И. Канонич

(Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПЕРЕВОДА

В речевом функционировании ограниченный языковой материал подвергается неограниченному количеству изменений¹. Одной из основных трудностей в работе переводчика является уловить и передать именно то значение слова, которое возникло в данном тексте, в данном сочетании его с другими словами, учитывая характер текста и его главную коммуникативную задачу. Восприятию адекватного значения слова в тексте помогает системный характер этого значения, его включенность в глобальные для данного текста семантические категории. На уровне семантической категории переводчик подбирает эквивалент в переводящем языке (ПЯ).

«Фактически сущность перевода и состоит в объединении двух актов речи на разных языках в едином акте общения²».

Текстовое значение слова формируется в его последовательном превращении из сигнификата в денотат, из денотата в коннотат. В переводческом анализе значения слова эти три семантические категории чередуются, каждая из них требует подбора соответствия в ПЯ.

Фундаментом текстового значения служит сигнификативный компонент, наиболее устойчивый, постоянно сохраняющийся в данном слове во всех его употреблениях. Именно сигнификативное значение слова находит отражение в словаре. Так, в слове *стул* словарь отразит наличие следующих сем: 'предмет, используемый для того, чтобы на нем сидеть', 'с сиденьем', 'с ножками', для 'одного человека'. В слове *кресло* добавится сема 'с подлокотниками', в слове *скамья* добавится сема 'для нескольких человек', исчезнет сема 'с подлокотниками'.

Используя в переводе одно из слов из ряда *стул, кресло, скамья, диван, софа*, переводчик учитывает фразеологическое окружение слова, не совпадающее в разных языках. Слово *скамья* в сочетании *скамья подсудимых* переводится на

¹ Pottier B. *Lingüística moderna y filología hispánica*. Madrid, 1976. P. 129.

² Комиссаров В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 4.

* Pottier B. Op. cit. P. 111.

испанский язык близким по форме сочетанием *el banquillo de los acusados*. Но испанское сочетание *estar en el banco de la paciencia* переводится на русский язык сочетанием *переносить тяжелое испытание*, в котором отсутствует слово *скамья*.

На уровне сигнификатов производится характерное для данного языка членение мира и выявляются специфические неперебиваемые на другой язык реалии. К ним относятся в русском языке слова *колхоз, самовар, самокрутка, сутки, квас, борщ, кизяк* и др. По-русски говорят *У него семь пятниц на неделе*, по-испански *A la poche chichirimoche y a la mañana chichirinata*. По-испански говорят *semana de dos jueves*, по-русски *то, что никогда не сбудется*. Испанское *cosa de otro jueves* переводится на русский язык *необычайная вещь*.

К испанским реалиям относятся, в частности, *jabega* — ‘охапка соломы’ (как мера), *jaïque* — ‘арабский плащ с капюшоном’, *jota* — хотя (испанский танец).

Слово как сигнификат предстает перед переводчиком как номинативная единица языка, как элемент языковой системы, включенный в определенные синонимические и антонимические ряды, с набором потенциальных возможностей реализации в тексте. Сигнификативные, отвлеченные от конкретного акта речи значения слова, обнаруживаются в толковых и идеологических словарях, в словарях синонимов и антонимов, в двуязычных словарях.

Когда же слово попадает в корпус одного отдельно взятого текста, под влиянием коммуникативной задачи текста оно вычленяет один из возможных вариантов значения и становится денотатом. В денотативном значении слова отражены отношения, характерные для данного типа текста. В юридическом тексте слово *скамья* будет обозначать *скамью подсудимых* и будет связано с преступлением, послужившим причиной того, что человек попал на скамью подсудимых. Здесь слово *скамья* включается в общую модальность текста, в модальность *долженствования*.

Если в юридическом тексте слово *скамья* еще не связано с конкретным лицом, сидящим на ней, поскольку в этом типе текста конкретные лица не упоминаются, в диалогическом разговорно-бытовом тексте слово *скамья* получит признак принадлежности конкретному лицу, признак места, времени и свяжется с одним частным предметом, т. е. денотатом, входящим в денотативную сферу текста.

Переводчику необходимо уловить денотативное значение слова, для того чтобы не ошибиться при составлении словосочетаний, чтобы не исказить смысл текста, перенести его как можно более адекватно на другой язык. Исходя из особенностей смысловой сферы текста, переводчик подбирает соответствующее оригиналу слово и его окружение. При этом он учитывает также и пресуппозицию адресата перевода, именно ему должно быть доступно денотативное значение слова в тексте. Удачный подбор

значения зависит от эрудиции переводчика, от его знания социо-культурных факторов и их исторической изменчивости.

Сигнификативное значение слова включается в его денотативное текстовое значение и отдельно не фигурирует. Фиксируемое в словарях сигнификативное значение слов, отвлеченное от конкретных актов общения, представляет собой некую усредненную величину, извлеченную из множества их употреблений как наиболее частотную.

Денотативные значения, базирующиеся на сигнификативных значениях, связывают слово как единицу текста с конкретной экстралингвистической ситуацией, составляющей информативное ядро текста. Путем номинации слово соотносится с конкретным предметом действием или состоянием, качеством. Денотативные значения отражают фактическую экстралингвистическую ситуацию текста, видоизменяя для этого сигнификативные значения слова.

Слово *стол* в своем сигнификативном значении содержит варианты 'письменный, обеденный, диетический, деревянный' и т. д. но в денотативном значении оно обозначает одно, совершенно определенное понятие, оно н о м и н у е т один определенный предмет, о котором идет речь в данном тексте. Его денотативное значение переводится на другой язык.

Воспроизведение денотата в ПЯ осуществляется нередко путем замены, приращения или компрессии смысловых элементов слова.

Эту операцию переводчик проводит с опорой на контрастивный анализ лексики двух языков.

В каждом языке семантические поля, лексические, грамматические и лексико-грамматические, имеют собственную структуру. Различие в структуре семантических полей в двух языках порождает различие в сочетаемости и в согласованности слов и грамматических форм на уровне денотативного значения.

Нельзя согласиться с бытующим мнением о том, что грамматика легче моделируется, чем лексика³. Оно отчасти справедливо лишь на уровне сигнификативных значений, но на уровне денотативных, текстовых значений функциональный анализ грамматических форм и значений выявляет неограниченное множество моделей и парадигм там, где нормативное описание отмечает наличие только одной формы или только одного значения⁴. В этом кроется еще одна причина расхождения между сигнификативными и денотативными значениями слова или грамматической формы, расхождения, которое усугубляется при переводе с одного языка на другой.

При подборе эквивалентов денотативных значений единиц текста ориентиром служит семантическая категория коннотативности.

³ *Martinet A. Structural linguistics. С. 582.*

⁴ *Канонич С. И. Принципы типологии контекстных грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 89.*

Коннотативные значения слов и словоформ соотносят речевой акт не с экстралингвистической действительностью, как это делают денотативные значения, а с ситуацией порождения текста. К ситуации порождения текста относятся конкретный отправитель и получатель коммуникации, конкретная точка во времени и пространстве, в которой возник текст, другие его конкретные показатели. Основным признаком коннотативных значений является модальная семантика текста. В коннотативной модальности текста отражается отношение отправителя коммуникации к получателю, желание воздействовать на него, т. е. прагматическая цель коммуникации. Модальность на уровне денотативных значений трактует отношения коммуникантов к экстралингвистической действительности. Поскольку все что и как говорится в акте общения предназначено получателю коммуникации, оно служит достижению прагматической функции речи, осуществляет речевое намерение говорящего по отношению к адресату.

Коннотативные значения представляют межличностные отношения между коммуникантами, между говорящим и адресатом и потому они прагматически окрашены. О. Каде считает, что прагматическое значение, выражающее отношение между знаками и теми, кто ими пользуется, следует рассматривать как особый компонент текстового смысла⁵. А. Нойберт подчеркивает: «Любой языковой акт имеет прагматический аспект»⁶.

Восстановление на переводящем языке прагматической установки автора оригинала нередко влечет за собой перестройку сигнификативных значений слов, но при этом оно не затрагивает денотативных значений. «...прагматический аспект коммуникации может потребовать несоблюдения и изменения сигнификативного значения знаков ИЯ при переводе, то есть сохранение релевантной прагматической информации, ИЯ может потребовать отказа от передачи сигнификативного значения определенных сегментов текста»⁷.

Категории модальности, времени, лица воспринимаются и воспроизводятся переводчиком как надфразовые текстовые категории, складывающиеся из фразовых показателей.

В их выражении участвуют и лексические и грамматические средства языка. С их помощью дифференцируются разные типы текста. Так, для текста научной статьи характерны модальность доказательства, аргументации, время настоящее, лицо третье. Для текста законодательного характерны модальность должностования, время настоящее, лицо третье. Для текста рекламы характерна побудительная модальность, которую можно трактовать как внушение адресату желания приобрести рекламируемое изделие. Время этой модальности — ближайшее будущее,

⁵ Каде Отто. Проблемы перевода в свете теории коммуникации//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 79.

⁶ Нойберт Альбрехт. Прагматические аспекты перевода//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 190.

⁷ Каде Отто. Указ. соч. С. 79.

лицо третье. В эпистолярном стиле, непосредственно связанном с отношением между коммуникантами, модальность может быть коннотативной: она выражается в отношении к адресату, и денотативной: ее целью является сообщение об экстралингвистической действительности. Время коннотативной модальности — настоящее или соотнесенное с настоящим временем порождения текста, денотативное — любое. Лицо — первое и второе в коннотативной модальности и любое в денотативной модальности.

Вся перформативная лексика, обозначающая речевые действия («умоляю, прошу, заклинаю, проклинаю, назначаю, ругаю, хвалю» и т. п.), используется при выражении коннотативной модальности. Коннотативная модальность выражается всем арсеналом риторических фигур языка, сильно видоизменяющих сигнификативные значения слов.

Одна и та же модальность текста, свидетельствующая об отрицательной оценке курения, как явления, приносящего большой вред обществу, выражается в научном тексте фразой:

«La sospecha de que fumar tiene algo que ver con el cáncer de pulmón se constata ahora por muchos médicos».

На русский язык она переводится фразой:

«Подозрение, что курение имеет отношение к раку легких, отмечается сейчас многими врачами».

В диалогическом разговорном тексте ей близка по модальности фраза:

«— ¡Déjate de fumar! ¡No hay que correr riesgo!»
«— Бросай курить! Не нужно рисковать!»

Сравнение этих двух типов текстов показывает, как в каждом из них текстовая коннотативная модальность повлияла на сигнификативные значения слов.

Различное распределение сигнификативных элементов не препятствует выражению одной и той же ситуации в приводимых А. Мартине примерах: «J'ai mal à la tête, Mi duole il capo». Добавим русский перевод «У меня болит голова», дающий еще один вариант сочетания сигнификативных элементов.

Коммуникативная смысловая сфера текста создается взаимодействием названных выше категорий. Наличие и тесное переплетение этих категорий характерно для любого текста, независимо от его специфики. Названные выше категории могут относиться не только к поверхностной структуре, но и к глубинной структуре текста, могут выражаться подтекстом.

Для упрощения лингвистического анализа, производимого переводчиком, Тейбер и Найда вводят понятие четырех семантических категорий⁸. Они делят все слова на четыре категории в

⁸ Taber Ch., Nida E. A. La traduction: théorie et méthode. С. 34.

зависимости от того, обозначают ли они предмет, событие, качество или отношение. При этом они подчеркивают, что эти категории не совпадают с соответствующими классами частей речи (существительным, глаголом, прилагательным, наречием и конъюнктивами), так как части речи располагаются только на поверхностном уровне высказывания, тогда как выделяемые ими категории могут относиться и к глубинной структуре высказывания.

К глубинной структуре высказывания могут относиться и выделяемые в данной статье сигнификативные, денотативные и коннотативные семантические категории.

При переводе подбор имеющихся в ПЯ сигнификативных значений, соответствующих денотативному и коннотативному уровням текста, составляет главную задачу переводчика, и часто проявляется в замене единиц текста, в добавлениях или опущениях.

И чем сильнее в тексте заметен коннотативный элемент, тем более эмоционально окрашен текст, тем труднее его переводить. Возьмем для примера небольшой фрагмент из текста, посвященного Гарсиа Лорке, в котором ярко обозначено различие двух языков в их сигнификативных, денотативных и коннотативных отношениях.

Como siempre, Lorca, alegre, de sano contento íntimo, charia animadamente, cuenta sus proyectos, comenta los de sus amigos, anima con gesto y gracia de diálogo anécdotas propias y ajenas.

— Todo el mundo — nos dice — ha quedado entusiasmado. (J. Chabás).

Лорка, как всегда веселый и дружелюбный, оживленно рассказывает о своих планах, обсуждает планы своих друзей, жестикулируя и пересыпая речь анекдотами.

— Все были в восторге, — говорит он нам.

Переводчику приходится учитывать при подборе эквивалентов три ситуации: сигнификативную, требующую выбора лексического и грамматического эквивалентного материала, денотативную, раскрывающую информативное содержание текста и его предметную сферу, и коннотативную ситуацию, создаваемую участниками коммуникации и программой речевого воздействия на получателя коммуникации. Именно эти три категории образуют ситуацию текста, являющегося объектом перевода. На воспроизведение этой ситуации и направлено внимание переводчика.

В семантической ситуации перевода главной фигурой является сам переводчик, его лингвистическая, социальная и культурная компетенция, его профессиональная подготовка и интуиция. Он становится автором переводимого текста, в котором он должен сохранить те же категории, которые имеются в оригинале. Переводчик в этой вторичной коммуникации сам становится

ее отправителем. Его задачей является так воспроизвести переводимый текст, чтобы адресат перевода воспринял его как акт первичной коммуникации.

В ситуации перевода возникает другой набор действующих лиц: автор и адресат оригинала, переводчик и адресат перевода. В ряде случаев адресат оригинала и адресат перевода могут совпасть.

В семантической ситуации перевода сигнификативные, денотативные и коннотативные категории переводимого текста воспринимаются переводчиком в сравнении с ПЯ, денотатом для переводчика является тема текста и характер его автора, возникает новая коннотация: перевод зависит от компетенции переводчика и адресата перевода. Если адресат новый, возникает необходимость в коррекции переводимого текста на получателя перевода, на время и место восприятия текста. Сохранение коннотативного значения, сохранение эффекта коммуникации требует учета типа текста.

Для переводчика «...небезразлично, осуществляется ли перевод и оценка перевода спецификации товаров, юридического документа или философского исследования»⁹.

А каждому типу текста присущ собственный коммуникативный эффект, собственное воздействие на получателя перевода.

Перевод как особый вид межъязыковой коммуникации — мощное средство обогащения членов общества новой информацией во всех областях социальной и культурной жизни народов, открывающее путь для разнообразных политических, экономических и культурных контактов между народами. Высокая социальная значимость и перспективность перевода привлекает к этому виду лингвистической деятельности внимание ученых разных профилей и направлений.

«...В акте перевода осуществляется своеобразная триединая манифестация двух языковых систем: в нем участвуют тексты на двух языках, то есть функционируют две языковые системы, но они функционируют не независимо друг от друга, а соотносительно, с параллельным использованием коммуникативно равноценных единиц. Другими словами, мы имеем дело с особым типом использования языка (языков) в процессе общения. Исходя из этого, перевод может быть определен в лингвистическом плане как особый вид соотносенного функционирования языков»¹⁰.

⁹ Райс Катарина. Классификация текстов и методы перевода//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 203.

¹⁰ Комиссаров В. Н. Указ. соч. С. 6.

ЭТА МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ НЕПЕРЕВОДИМАЯ «АЛИСА»

(ИМПЛИКАТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД)

«...концепция переводимости достигла сейчас такой степени зрелости, что актуальнейшей задачей сделался анализ явлений непереводимости...»

А. В. Федоров

"The question is", said Alice, "whether you *can* make words mean so many different things."

"The question is", said Humpty Dumpty, "which is to be Master — that's all."

Lewis Carroll

1. К теории импликативности

Из математической логики известно, что импликация есть логическая операция, в которой два высказывания связываются в одно сложное высказывание с помощью логической связки «если... , то...»: «Если А, то В», по формуле « $A \rightarrow B$ », где А — антецедент, а В — консеквент, что читается как «А влечет (имплицирует) В» или «В следует из А»¹.

Напротив, лингвистическое понятие импликации, которое (как и лингвистическое понятие пресуппозиции, хотя они оба и основаны на логическом понятии) по сути не является операцией вывода, хотя большая часть лингвистических работ по проблеме пресуппозиции и импликации заверяет нас в этом, а является результатом операции вывода, самим выводом, что весьма существенно. В отличие от логической операции, где имеются два термина — антецедент и консеквент, лингвистика, имея дело с импликацией и пресуппозицией, сталкивается лишь с одним эксплицитным термом: либо антецедентом, либо консеквентом, и именно это диагностирует, с чем именно лингвист имеет дело — с импликацией (в лингвистическом понимании) или с пресуппозицией. Когда имеется эксплицитный антецедент, из него выводится импликатура («А влечет (имплицирует) В»), при наличии эксплицитного консеквента, мы знаем, что он выведен из пресуппозиции (как условия правильного осмысления высказывания В), т. е. «В следует из А». На самом деле А не дано нам в тексте, в высказывании, мы только полагаем (хотя и с достаточными основаниями), что А по необходимости имел в виду говорящий, если он

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.

ожидал правильного осмысления эксплицитного В. Поскольку и импликация (имплицатура) и пресуппозиция — это понятия науки лингвистики, т. е. результат нашего анализа, — и в том, и в другом случае мы сами делаем вывод: за говорящего (пресуппозиция) и за слушающего (имплицатура), — мы связываем эти понятия так тесно с двучленной логической формулой.

Если же провести четкое различие между анализом лингвиста, т. е. методом познания явления, и самим явлением — предметом анализа, нам потребуется уже не двучленная, а трехчленная формула: $(A) \rightarrow B \rightarrow (C)$, где В есть эксплицитное высказывание текста, основанное на имплицитном говорящим условии его осмысленности — (А), и где В в то же время само имплицитно определяет вывод, который делает слушающий — (С). Такая формулировка пресуппозиции и имплицатуры, во-первых, четко соответствует имеющемуся в лингвистике представлению об этих явлениях (которые всегда и неизменно связываются с имплицитным в тексте², и, во-вторых, помогает понять, почему возникла необходимость в введении в науку этих двух понятий, тогда как, если приравнивать их к понятию математической логики, было бы вполне достаточно лишь одного. Итак, дадим определения: имплицатура есть результат вывода (С), который делает получатель из эксплицитного высказывания текста В, при условии его осмысленности, а пресуппозиция (А) — есть то условие осмысленности эксплицитного высказывания В в тексте, которое имеет в виду говорящий. Таким образом, (А) не тождественно (С)*, пресуппозиция шире и богаче имплицатуры, имплицатура есть лишь минимальный вывод слушающего, который позволяет понять высказывание В, она и есть понимание, а ее извлечение есть процесс осмысления или понимания. Глубина понимания может быть различной у разных получателей одного и того же текста, она зависит от качества и количества тех имплицатур, которые получатель извлекает из текста, из высказывания В.

Мы не затрагиваем здесь далее проблему пресуппозиций, которой посвящена обширная литература³. Дадим лишь еще определение понятию имплицативности, под которой мы будем понимать теоретически возможное множество имплицатур, которые идеальный получатель способен извлечь из данного высказывания (или текста).

² См.: Никитин М. В. О семантике метафоры//Вопросы языкознания. 1979. № 1; Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения//Вопросы языкознания. 1982. № 4; Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания//Вопросы языкознания, 1983, № 6.

* (С) находится к (А) в отношении включения.

³ См., например: Кифер Ф. О пресуппозициях//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1979, С. 337—369; Lyons John. Semantics. Vol. 2. Cambridge University Press, 1977; McCawley, James D. Everything that Linguists have Always Wanted to Know about Logic * ... * but were Ashamed to Ask. The University of Chicago Press, 1981.

Как уже было отмечено⁴, смысловой вывод, или имплицатура, имеет своим источником явления четырех взаимосвязанных, но все же четко различающихся планов. Понимание речевого сообщения есть процесс и результат смысловых выводов, которые слушающий сознательно или подсознательно извлекает при сопоставлении только что воспринятой части сообщения с (а) семантико-смысловой структурой всей ранее состоявшейся части сообщения — языковой вывод; (б) компонентами содержания своей долговременной памяти (тезауруса знаний о мире) — тезаурусный вывод; (в) факторами ситуативного контекста сообщения — ситуативно-дейктический вывод, включая (г) социально-ролевые характеристики говорящего и адресата сообщения — прагматический вывод.

В силу того, что «акт перевода... распадается на два взаимосвязанных коммуникативных акта — коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем»⁵, первый акт коммуникации — понимание сообщения переводчиком, или извлечение имплицатур, составляет неотъемлемую часть процесса перевода, и, следовательно, имплицативность имеет важные следствия для теории перевода. Можно сказать, что теория имплицативности позволяет как бросить некий новый взгляд на уже известные проблемы перевода, так и выявить какие-то новые проблемы.

Укажем на некоторые общие следствия, вытекающие для теории перевода из теории имплицативности. Во-первых, становится возможным определить эквивалентный перевод как таковой, при котором имплицативность текста оригинала и текста перевода является совместимой, т. е. такой, при которой множество имплицатур, вытекающих из текста ПЯ, находятся в состоянии пересечения, а в непересекающихся частях этих множеств нет противоречащих имплицатур. Во-вторых, множественный (или вероятностный) характер имплицативности объясняет закон множественности вариантов перевода, согласно которому перевод любого текста возможен не в одном, а в некотором, часто значительном, числе вариантов.

2. Внеконтекстные имплицатуры в «вывернутом наизнанку» мире «Алисы»

Четыре выделенных выше типа имплицативности по-разному проявляются в текстах и по-разному отражаются на переводе.

Было бы небезынтересно рассмотреть их роль на примере переводов «Алисы» Льюиса Кэрролла на русский язык, тем бо-

⁴ Чернов Г. В. Смысловая имплицативность как основа понимания речевого сообщения. Контекстная семантизация лингвистических единиц. // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 238. М., 1984.

⁵ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973, С. 63.

лее, что к уже имеющемуся десятку ее переводов каждое десятилетие добавляет по крайней мере один новый перевод*.

Главным художественным приемом Кэрролла является «насильственное внедрение» в текст прямого («буквального») значения при том, что в норме в данном контексте оно должно восприниматься как прямое. При этом происходит навязывание читателю новых фоновых представлений, нетрадиционных, не тривиальных, о мире, в котором разворачивается действие сказки — будь то «Страна Чудес» или «Зазеркалье». Алиса, которая сама постепенно и с трудом осваивает «мир наизнанку», служит для читателя своеобразным «гидом-переводчиком» по этому миру, где не речевая деятельность служит отражением мира реальности, а наоборот, — мир отражает речевые «попущки» персонажей, мир, где отсутствуют переносные значения, где постоянно отражаются так называемые «буквальные» значения высказываний персонажей. Происходит наращивание тезауруса новых представлений у читателя, представлений о мире кэрролловской сказки. В принципе в этом нет ничего нового. Те же процессы внедрения читателя в новый для него мир, мир данного художественного произведения, происходят при чтении любого художественного произведения, особенно фантастики. Специфической особенностью кэрролловского мира является то, что он основан на речевой семантике. Другими словами, тезаурус кэрролловского мира начинает основываться в какой-то мере на языковой форме (пусть — внутренней форме), которая, естественно, является формой английского языка. В этом особая принципиальная трудность перевода сказки Льюиса Кэрролла. Этот факт наводит на мысль о том, что относительный вес (ранг?) имплицативности каждого из четырех типов имеет прямое отношение к вопросу об относительной переводимости конкретно-го текста**.

Герои Кэрролла как будто органически неспособны понять не прямое значение высказывания, «когда они берут слово, оно означает то, что они хотят, не больше и не меньше» (Шалтай, с. 176, Н. Д., 79). Делая анализ в терминах более традиционных, у Кэрролла можно найти: 1) «оживление» стертой метафоры,

* Анализ подверглись пять переводов «Алисы», преимущественно «Алисы в Стране Чудес»: 1) *Lewis Carroll's Alice in Wonderland translated into Russian by Vladimir Nabokov*. N. Y., 1976 (по Берлинскому изданию 1923 г.). Далее — В. Н.; 2) *Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес*. Пер. с англ. Александра Оленича-Гнененко Ростов/Д., 1960. Далее — А. О.; 3) *Л. Кэрролл. Алиса в стране Чудес*. Перевела с англ. Н. Демурова. София, 1967. Далее — Н. Д., 67; 4) *Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес*. Сказка, рассказанная Борисом Заходером. М., Далее — Б. З.; 5) *Льюис Кэрролл. Алиса в стране Чудес. Алиса в Зазеркалье*. Издание подготовила Н. М. Демурова. М., 1979. Далее — Н. Д., 79.

** Тот факт, что вопрос о переводимости/непереводимости никогда не ставится на материалах научно-технического перевода, по-видимому, свидетельствует о том, что тезаурусная имплицативность в чистом виде не служит препятствием для перевода и достаточно легко воссоздается в тексте на ПЯ.

2) «оживление» внутренней формы слова, включая так называемую народную или, по выражению Н. М. Демуровой, «детскую» этимологию, 3) «прозрачные» имена собственные — имена персонажей, которые «определяют их характеры, их ... поведение» и, в конечном счете, «драматургию книги» (Н. Д., 79, с. 323), 4) персонажи английского фольклора, 5) собственные афоризмы автора, основанные на пословицах, или имеющие форму пословицы, и 6) игру слов («Для Кэрролла словесная игра чрезвычайно важна сама по себе, она определяет поступки героев и развитие сюжета» Н. Д., 79, с. 324).

Как только высказывание начинает означать нечто парадоксальное, отличное от общепринятого, социально обусловленного, происходит нарушение языковых импликатур. В игру вступают тезаурусные импликатуры, но не произвольные, а определяемые внутренней формой номинации. А поскольку внутренняя форма слов двух языков, даже тех, которые принято считать строго эквивалентными, в подавляющем большинстве случаев не совпадает, становятся понятными специфические трудности перевода «Алисы».

Легче других разрешаются трудности, связанные с внеконтекстными импликатурами. Внеконтекстная импликатура хорошо иллюстрируется на примере афоризма — изречения, которое представляет явление как общую истину, как фундаментальный принцип или правило поведения. Приобретая значение всеобщности, афоризм приобретает внеконтекстную имплицативность. Всеобщий характер афоризма у Кэрролла доводится до абсурда, до неприменимости даже в данном контексте. Из афоризмов Герцогини (Гл. IX «Страны Чудес») в переводах особенно не повезло перифразе известной английской пословицы: 'Take care of the sense, and the sounds will take care of themselves'.

В двух из пяти проанализированных переводов на русском языке появляется перифраза русской пословицы или известного изречения, при полном игнорировании реального смысла афоризма в оригинале. Б. З.: «Не смехи языком, смехи делом», как перифраза мало известной пословицы «Не спеши языком, спеши делом». В. Н.: «Слова есть — значенье темно иль ничтожно» — перифраза строки из лермонтовского стихотворения: «Есть речи — значенье темно иль ничтожно! — Но им без волненья внимать невозможно...»

И в том, и в другом случае потеряны тезаурусные импликатуры афоризма в оригинале.

В двух других переводах потеряна форма пословицы, характерной чертой которой является специфическое ритмо-фонетическое оформление. А это означает потерю языковой имплицативности.

Внетекстовая импликатура — это вывод, делаемый в пределах ограниченного контекста и не имеющий специфических следствий для дальнейшего текста. Он может рассматриваться как автономный. В «Алисе» это многочисленные случаи автономной

игры слов, достаточно афористичной как таковой, но не имеющей реальных следствий для развития сюжета или для развития характеров персонажей. Часто в них тесно переплетаются и языковые и тезаурусные импликатуры, но ни одно из этих мест в принципе не должно оставаться непереуведенным. Их перевод — дело лишь таланта и трудолюбия переводчика.

В целом отрезки текста с внеконтекстной имплекативностью могут без нарушения законов перевода (к которым, например, относится постоянный учет речевого и внеречевого контекстов) использоваться как материал для переводческих упражнений. Приведем некоторые примеры таких переводов из «Алисы», которые были успешно осуществлены в качестве упражнений на семинарах по переводу. Например, следующие переводы рассматриваемого афоризма Кэрролла удовлетворяют требованию совместимости и тезаурусных и языковых — внеконтекстных — имплекатур афоризма оригинала:

«Было б что сказать, — тогда и слова не занимать.»

«Всеу свой черед: была бы мысль, а слово придет.»

«Слово не воробей: было бы что клевать — не надо и звать»

«Посеешь смысл, а слова уродятся сами».

В ходе аналогичного переводческого упражнения получен едва ли не лучший вариант перечисления дисциплин, которые преподавались в «морской школе» в гл. IX «Страны Чудес»: «Служение, почитание, уношение и дурение» (как параллель ряда «сложение, вычитание, умножение и деление») с последующей репликой в ответ на вопрос Алисы: «А что такое “уношение”?» — «Ну как же, что такое “приношение” ты знаешь?»

Случаи внеконтекстных имплекатур как раз и охватывают те места в переводах «Алисы», которые оказываются переведенными лучше всего (хотя и не всегда) у большинства переводчиков «Алисы». Великолепно передается игра слов в большинстве таких диалогов у Б. Заходера, много находок и у других переводчиков «Алисы».

3. Контекст. Есть ли у рыбы суставы?

Дело осложняется по мере роста длины контекста, на который распространяется действие соответствующих имплекатур, а также по мере включения «в игру» других видов имплекативности — прагматической и ситуативной.

Прагматическая имплекативность (из которой вытекает, в частности, речевая характеристика персонажей) тесно связана с «постулатами речевого общения» Грайса, основанными на предположении о том, что говорящий в норме следует ряду правил общения, которые по Грайсу сводятся к четырем категориям: количество (будь информативен ровно настолько, насколько это необходимо — не более), качество (не высказывай того, что ты считаешь ложным), релевантность (будь реле-

вантен, говори по существу дела) и способ высказывания (избегай туманности, двусмысленности, будь краток, высказывайся упорядоченно).

Герои кэрролловской сказки постоянно нарушают постулаты речевого общения, и вследствие этого появляются парадоксальные, т. е. социально нетривиальные прагматические импликатуры. Они вытекают из уже отмеченного приема — смысл появляется в результате «буквального» осмысления реплик персонажей: из двух возможных смыслов высказывания — прямого и непрямого — персонажи неизменно выбирают «буквальный» смысл.

Прагматическая имплицативность в «Алисе» начинается с имен персонажей.

Предоставим слово Н. М. Демуровой, которая является не только переводчиком, но и исследователем творчества Кэрролла: «... “транспонирование” имен в книгах Кэрролла приобрело первостепенное значение. Выбор нового имени должен был опираться на круг ассоциаций, знакомых русскому читателю, которые в то же время не были бы исключительной монополией России. Выбор нового имени вел к “транспонированию” всех связанных с ним деталей... Выбор нового имени для кэрролловских героев — это определение их характеров, их дальнейшего поведения...» (Н. Д., 79, с. 323).

Особенно не повезло в русских переводах персонажу по имени *Mock Turtle*, но об этом ниже. Расскажем пока, что происходит с его русским «кузеном» в переводе Б. З., который в целом изобилует многочисленными переводческими находками. Получая на русском языке имя «Рыбный Деликатес», в ситуации знакомства с Алисой *Mock Turtle* говорит:

— Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом, — настоящей...

«Настоящая рыба» в отношении одушевленного существа вызывает отнюдь не те импликации, которые имеет в виду *Mock Turtle*, с гордостью заявляя: “Once ... I was a real Turtle”. Социально-ролевые импликатуры персонажа в тексте ИЯ и в тексте ПЯ диаметрально расходятся, становятся несовместимыми, превращают данный перевод в смысловую ошибку, восходящую к ошибочному выбору имени героя в переводе. Еще более усугубляет ошибку текстовая имплицативность (накопление языковой имплицативности, которая кумулирует в имплицативность тезаурусную, превращается в знания о мире Страны Чудес и населяющих ее персонажей). Деликатес — существительное мужского рода, — начинает означать существо мужского пола, а тут возникает... РЫБА, да еще НАСТОЯЩАЯ (!?). Имплицативность имени «рыба», конечно исключала следующий пассаж в переводе (как, впрочем, и имплицативность «базового» имени морской черепахи):

«...Считалось, что она («старая Мурена». — Г. Ч.) учит Рисковать Угрем и прочей муре — ну, там, Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как, — сказал Делкатес, — старею, *суставы не гнутся...*» (курсив мой. — Г. Ч.).

«Суставы» предполагают существо, имеющее суставы, а не рыбу, хотя, конечно, вполне можно было сказать: «...спина не гнется».

4. Ситуативная имплицативность. Всегда ли полезна наглядность? (Так что же украл Валет?)

Если ситуативная имплицативность обязательно участвует в процессе понимания и, следовательно, в процессе перевода при устном переводе, синхронном и последовательном, то роль ее в письменном переводе становится лишь эпизодической. В норме при восприятии текста, который был порожден в другой стране при неизвестных переводчику конкретных обстоятельствах, текста, описывающего действительность, неизвестную переводчику в деталях, ситуативные имплицатуры просто не возникают. Представления переводчика о действительности остаются на уровне тезаурусной имплицативности (то есть имплицативности на некотором уровне абстракции), «восхождения к конкретному» не происходит⁶.

Чаще всего ситуативно-дейктическая имплицативность остается на уровне гипотетическом или вероятностном, как для оригинала, так и для перевода. И это норма. Различные переводы Шекспира не могут вызывать возражений по этому параметру, как не могут вызывать возражений и различные сценические воплощения его произведений. Потребность сделать ситуативно-дейктический вывод возникает тогда, когда переводчик сталкивается с проблемой неизвестных ему реалий, хотя в некоторых случаях этой потребности может и не возникнуть. Приведем простейший пример. Во многих и многих контекстах фраза из американского романа "I... rolled up the shade and opened the window" не вызывает никаких вопросов. Она понимается почти автоматически на основании «стандартных» языковых имплицатур глагола *open* и существительного *window* и тезаурусных импли-

⁶ В рамках работ по искусственному интеллекту использование ситуативной имплицативности можно сравнить с системой понимания, моделируемой на ЭВМ Виноградом (*Winograd, Terry. A. Procedural Model of Language Understanding. In R. C. Schank and K. M. Colby (Eds.) Computer Models of Thought and Language. San Francisco, 1973. P. 152—186*), а использование тезаурусной имплицативности для узких ограниченных областей знания — с системами, разрабатываемыми в рамках так называемого «фреймового» или «сценарного» подходов. См., напр. *Шенк Р. и др. Интегральная понимающая система//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 401—449.*

катур о том, что такое окно в доме: *я... открыл окно*; возможно, что для придания некоторой динамичности действию переводчик напишет: *я... распахнул окно*. Первый вариант в принципе остается правильным при любых обстоятельствах. Второй вариант будет всегда неправильным, но понимания этой ошибки может не быть вообще, если только в тексте ИЯ не последует далее: "The way the wind blasted the water over me, it was like stepping under a cold shower. I swore and pushed down the window..." Только этот последующий контекст содержит конкретную ссылку на типичную конструкцию окна в американском доме, большом или малом, которое нельзя «распахнуть» и которое можно только поднять или опустить, в зависимости от того, верхнюю или нижнюю раму продвинули соответственно вниз или вверх по специально предусмотренным в конструкции окна полозьям. Если не считать окон в автомобиле, автобусе, вагоне поезда, русский читатель и переводчик знает окна, которые можно распахнуть, открыть наружу, или открыть внутрь.

Трудность перевода реалий, когда она возникает, связана с ситуативно-дейктической имплицативностью, или конкретно-наглядным представлением. В течение долгого времени ситуативно-дейктическая имплицативность текста «Алисы» не служила препятствием для перевода — в силу того, что эквивалентность достигалась (или не достигалась) на языковом, тезаурусном и прагматическом уровнях. При этом ситуативно-дейктическая имплицативность оставалась нерелевантной. Использование ставших классическими переводов из английской детской поэзии С. Я. Маршака («Шалтай-Болтай» и «Происшествие в карточном домике» («Дама Бубен варила бульон...»)) в переводе Н. Демуровой (Н. Д., 67) было вполне оправданным, ибо оно приводило к полной совместимости указанных выше трех видов имплицативности.

Humpty Dumpty из английского детского стихика, несмотря на краткость последнего, обладает вполне определенной внешностью и вполне определенным характером, выраженными во внутренней форме его имени: *hump* — не только горб (и у человека, и у бизона, и у верблюда), но и приступ мрачной капризности; *dump* — не только нечто толстое и бесформенное, но и мрачное настроение (ср. *to be in the dumps*). О первом Humpty Dumpty сразу напоминает Алисе при встрече: "my name means the shape I am — and a good handsome shape it is, too". И все иллюстраторы изображали Шалтая в виде яйца, сидящего на стене, острым концом вверх. Второе воспроизводит Л. Кэрролл в характере грубоватого хвастуна и обидчивого человечка. Все поведение Шалтая-Болтая определяется его именем.

Шалтай-Болтай, введенный в обиход русской детской литературы С. Я. Маршаком, связан скорее с представлением о пустоте и несерьезности (делать что-то шаляй-валяй, шатать и бол-

тать, шататься и болтаться)*. Но имплицитивной несовместимости здесь нет.

Широкая распространенность перевода С. Я. Маршака сделала сравнимым роли Humpty Dumpty и Шалтая-Болтая соответственно в английской и русской детской литературе, но и сама эта распространенность стала следствием сопоставимой имплицитивности перевода и оригинала, афористически прозрачной формы стиха на русском языке. Недаром известный роман Р. П. Уоррена назван по-русски строкой из перевода С. Я. Маршака: «*Вся королевская рать...*»

Нереальность ситуативно-дейктической имплицитивности до поры до времени приводила к большому разнообразию в выборе русских имен и наименований предметов в переводах главы IX и X «*The Mock Turtle's Story*» и «*The Lobster Quadrille*» и главы XI «*Who Stole the Tarts?*» в «*Стране Чудес*». Глава XI, например, это сцена суда в связи с происшествием, описанным в следующем детском стихе:

“The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a summer day:
The Knave of Hearts, he stole those tarts
And took them quite away!”

Tarts, представляющие собой открытые пирожки со сладкой начинкой, не имеют точного аналога в русской кухне. Поэтому в разных переводах, часто исходивших из стремления дать удачный эквивалент детского стиха, их «эквивалентом» становились пирожки, кексы, пудинг и котлеты (у С. Я. Маршака), крендели (в переводе стиха, сделанном О. А. Седаковой для Н. Д., 79). В связи с использованием классического перевода С. Я. Маршака в переводе «Алисы» (Н. Д., 67) червонные Дама и Король были заменены бубнами: *Дама Бубен варила бульон и жарила десять котлет...* Замена карточной масти и даже замена tarts котлетами не создавали имплицитивной несовместимости до тех пор, пока в издании 1979 г., вышедшего в серии «Литературные памятники», не было решено использовать оригинальные иллюстрации Джона Тенниэла. Последний, как известно, был не только иллюстратором, но и другом, и постоянным критиком, и советчиком Кэрролла в ходе его работы над «Алисой», и его иллюстрации как раз и создавали то конкретно-наглядное представление, которое равноценно появлению ситуативно-дейктической имплицитивности. Иллюстрации Тенниэла исключили все вышеуказанные замены и привели к необходимости пересмотра ранее сделанного перевода (Н. Д., 67). Эта операция, однако, привела лишь к частичному успеху. Если и удалось вернуть

* Любопытно отметить, что в газете «Правда» от 9 сент. 1985 г. в статье под названием «Аттестовано коллективом. Продолжение разговора» встречаем следующее словоупотребление: «Надо построить наши отношения на производстве так, чтобы рабочему было экономически невыгодно прогуливать, нарушать дисциплину, работать ш а л т а й - б о л т а й...» (разрядка моя. — Г. Ч.).

на место карточную масть, то главным предметом судебного разбирательства Короля стали крендели*, хотя на фронтиспise Тенниэла, изображающем сцену суда над Валетом, в самом центре на блюде изображены открытые пирожки, из традиционной русской стряпни больше всего похожие на ватрушки.

Аналогичная судьба в переводах выпала и на долю главного героя глав IX и X — персонажа по имени Mock Turtle. Откуда взялось это существо, изображенное Тенниэлом в виде морской черепахи с головой теленка и телячьими копытцами на задних лапах? Как ни странно, по утверждению Королевы, это существо появилось ... из супа:

“Have you seen the Mock Turtle yet?”

“No”, said Alice. “I don’t even know what a Mock Turtle is.”

“It’s the thing Mock Turtle Soup is made from”, said the Queen.

Mock turtle soup (а не Mock Turtle soup, как говорит Королева) — это суп из телячьей головы и телячьих ножек, суррогат аристократического (и очень дорогого) черепашого супа. Английское прилагательное mock легко сочетается с образованием привычных понятий для англичан: a variety of styles from mock Moorish to mock Tudor (разнообразие стилей от имитации мавританского до лже-Тюдора), mock seam (отделочный шов), mock modesty (ложная скромность), mock marriage (фиктивный брак), и т. д. Эквивалентами этого прилагательного в разных контекстах в русском языке могут быть прилагательные *искусственный, фиктивный, фальшивый, поддельный, ложный, игрушечный*; существительные *подделка, имитация, макет, модель*; приставки *лже-, квази-*, предлог *под* (в сочетании *под орех* и т. п.).

Среди многих «двойников» этого существа: Рыбного Деликатеса (Б. З.), Мок-Тартля-Фальшивой Черепахи (А. О.), Чепухахи (В. Н.), Под-Котика (Н. Д., 67) с точки зрения имплицативной совместимости (кроме ситуативно-дейктической) Под-Котик был, пожалуй, удачнее всех других — на протяжении двух глав кумулировалась тезаурусная имплицативность образа Под-Котика. Поскольку, однако, в результате публикации «портрета» Mock Turtle’a работы Тенниэла Под-Котик (то есть «базовый» образ Котика) оказался несовместимым с ситуативной имплицативностью оригинала, в переводе 1979 г. появилась Черепаха с «ученым» именем Квази. Латинская приставка сразу помещает возможные тезаурусные имплицатуры в круг научных понятий, явно несовместимый с кругом доступных детям обыденных понятий, которые имплицитует Mock Turtle. Тезаурус-

* Базой главы XI «Кто украл крендели?» стал перевод О. А. Сedaковой:

Дама Червей напекла кренделей
В летний погожий денек.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок.

Король Червей, пожелав кренделей,
Валета бил и трепал.
Валет Червей отдал семь кренделей,
И с тех пор он больше не крал.

ные и соответственно прагматические импликатуры двух имен не пересекаются и, следовательно, несовместимы.

5. Кумуляция импликативности. О карточной Даме и Королеве червей

Кумуляция импликативности создает текстовую импликативность, которая может быть выражена (и даже в какой-то степени формализована) в так называемых «семантических запретах» У. Чейфа⁷, которые он относит к смысловым импликациям языкового типа. Формула Чейфа $X \rightarrow Y$ содержательно истолковывается так: «наличие семантического элемента X требует далее в сообщении семантического элемента Y и влечет за собой его наличие». Контекстуальное (текстовое) правило приобретает вид: $W : X \rightarrow Y : Z$, и содержательно прочитывается так: «наличие семантического элемента W вводит зависимость $X \rightarrow Y$, которая остается в силе до момента появления Z , когда зависимость исчезает». Модифицированное правило Чейфа, касающееся тезаурусных импликаций, приобретает следующий вид:

W:	X.	→ определенность X: ≠ ≠...
предмет	часть	
явление	признак	
причина	следствие	

и содержательно значит следующее: при упоминании в связанном сообщении целого предмета, явления или причины последующие упоминания части данного целого предмета, признака данного явления или следствия, необходимо вытекающего из данной причины, в норме сопровождаются категорией определенности, отражающей импликацию одновременного существования (коэксистенции) части, признака или следствия. Эти ограничения распространяются, по крайней мере, на следующее высказывание, после чего они могут прекратить свое действие, либо сохраниться дальше. Следствием этого правила (отражающего сочетание языковой и тезаурусной импликативности) является чисто тезаурусное правило, согласно которому упоминание в данном сообщении (тексте) какого-либо предмета или явления имплицитно вводит в ситуативный и тезаурусный контекст сообщения некоторую предметную область, с присущими ей реальными связями, которые будут имплицитировать одновременное существование в контексте данного сообщения не только присущие им части и признаки, но и некоторый иной предмет или явление более высокого ранга, частями или признаками которого они являются сами. Если на протяжении какого-либо отрезка сообщения предметы и явления этой предметной области про-

⁷ Chafe W. L. Discourse Structure and Human Knowledge//R. O. Freedle and J. D. Carroll (Eds.) Language Comprehension and Human Knowledge. Washington, D. C., 1972. P. 41—70.

должают эксплицироваться в тексте в соответствии с ожидаемым, этот факт усиливает тезаурусную имплицативность коэкзистентности для всей данной области, если они прекращают эксплицироваться на некотором значительном отрезке сообщения, тезаурусная имплицативность для данной области может исчезнуть, а всякое отклонение от этого закона будет ощущаться как нарушение смысла.

Следствие этой семантико-смысловой закономерности для перевода достаточно жестко — на любом участке (отрезке) текста ИЯ и соответствующем участке текста ПЯ эта текстовая имплицативность должна быть совместимой.

И снова, на сей раз последний, пример из «Алисы». Известно, что в Стране Чудес персонажи The King and The Queen — это 1) the King and the Queen of Wonderland и одновременно 2) the King and the Queen of Hearts. Но если шахматные Король и Королева Зазеркалья с таким же успехом могут оставаться самими собою по-русски, то для Страны Чудес проблема гораздо сложнее, ибо будучи Королем и Королевой этой страны, the King and the Queen вместе с тем являются карточным Королем и карточной ... Дамой. В результате в переводах на русский язык в гл. VIII (первое появление персонажей the King and the Queen of Hearts появляются «Король и Королева (?) червей» (А. О.); «Король и Королева (?) бубен» (Н. Д., 67); «червонный Король и червонная Дама, то есть Королева» (?) — (Б. З.); «Король червей со своей Королевой» (?) — (В. Н.) и, наконец, «червонные Король и Королева» (Н. Д., 79). Только у Б. З. остается весьма отдаленная и проблематичная возможность того, что через две с половиной главы читатель вспомнит «то есть» переводчика и отождествит пострадавшее лицо в обвинительном заключении — Червонную Даму — с Королевой, приказывающей рубить всем голову. Во всех остальных случаях — в русских переводах — это разные персонажи. Контекстную имплицативность сохранить не удается.

В заключение, отметим, что отсутствие совместимости по любому виду имплицативности, релевантной для данного перевода, может расцениваться как смысловая ошибка. Напомним, что всегда релевантна языковая и тезаурусная имплицативность, очень часто — прагматическая имплицативность, а когда вступает в игру ситуативно-дейктическая имплицативность — в переводе мы получаем либо Кота без Улыбки, либо Улыбку без Кота.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Чтобы передать средствами языка перевода смысл текста оригинала, необходимо задать текстом перевода такой комплекс информации, который обеспечил бы аналогичное психическое переживание у нового получателя текста (далее П). Именно по этой причине недостаточно ограничиваться при переводе установлением межъязыковых соответствий на любом уровне, если мы хотим уяснить себе суть переводческого процесса даже в рамках чисто лингвистического подхода, не вдаваясь в психологические таинства этого процесса.

Независимо от того, насколько эксплицирована в тексте информация, задающая его смысл, и какая часть ее запрограммированно привлекается текстом из фонового знания П, эта информация задает смысл только в том случае, если обеспечивает психическое отображение некоторой внеязыковой ситуации (понимаемой в самом широком смысле как любое нечто, отображаемое языком — предмет, факт, событие, идея, понятийная структура и пр.). Это отображение задается наличием непосредственно в тексте или в актуализуемом текстом фоновом знании П совершенно определенных качественно различных информационных компонентов (далее ИК). Рассмотрим эти компоненты.

1. Любой осмысленный текст содержит сообщение о чем-либо (предмет, факт, событие, идея и пр.). Этот внетекстовый объект — компонент а — имеет то или иное представление в тексте, от отдельного слова до развернутого предложения или группы предложений. В последнем случае далее в тексте он может быть представлен дейктисом, субститутом, например:

«Нью-Йорк, 23, ТАСС. К концу века численность населения Земли достигнет почти 6 млн. человек... Этот прогноз содержится в недавно опубликованном докладе Генерального секретаря ООН».

При переходе от исходного языка (ИЯ) к переводящему (ПЯ) переводчику прежде всего приходится учитывать различия в языковых нормах и традициях, благодаря которым внетекстовый объект — компонент а — может именоваться в ИЯ и ПЯ совершенно различным образом (ср напр., the Nine и страны Большой Девятки). Кроме того, возможна ситуация, когда компонент а является очевидной принадлежностью фонового знания П оригинала, но неизвестен или смутно известен П перевода. Перевод в таких случаях требует экспликации информации, раскрывающей суть или важные особенности компонента а (ср. home industry и русские варианты *промышленность США* или

промышленность Великобритании в зависимости от адресата оригинала).

2. Имя в тексте соотносится с внетекстовым объектом (представляет в тексте компонент а) только в том случае, если в тексте имеется эксплицитное или имплицитное указание на существование этого внетекстового объекта — информационный компонент е. В зависимости от фонового знания П компонент е может быть представлен в тексте как имплицитный, свернутый до минимума (сема) или максимально развернутый (группа предложений). При переводе, с учетом иного фонового знания нового П, репрезентация е может существенно измениться (ср.: «Существует в английском языке выражение «сейфти фёрст», что означает *безопасность прежде всего*. До недавнего времени это выражение появлялось лишь на спичечных коробках» и The expression «safety first» has so far appeared on match boxes, где информация о наличии в английском языке некоего выражения репрезентирована всего лишь определенным артиклем.)

3. Информация типа а репрезентирует в тексте внетекстовый объект, существующий в определенных пространственных и временных параметрах (s и t соответственно). Эта информация также обязательно присутствует либо непосредственно в тексте, либо в фоновом знании П. Параметр t, как правило, содержится в грамматической форме сказуемого (ср.: он читает — он читал), но эта информация может содержаться и во второстепенном члене предложения, и в самостоятельном предложении (ср.: *однажды и это случилось недавно* и пр.). С разной степенью грамматической развернутости может быть представлен и компонент s.

Оба параметра или один из них вербально могут и отсутствовать в таком текстовом отрезке, если они упоминались в предыдущем контексте или предположительно известны П в принципе. Однако в тексте ПЯ, ориентированном на нового адресата, они могут потребовать вербального представления (экспликации) из-за различий в фоновом знании П оригинала и П перевода. Так, следующий текстовый отрезок, взятый из английской газеты и адресованный английскому П, содержит имплицитный компонент s:

The results of the labour conference shocked the establishment and the capitalist press.

В тексте, адресованном русскому читателю, этот компонент получает вербальное представление:

Итоги лейбористской конференции повергли общественность Великобритании и капиталистическую прессу в целом в шоковое состояние.

В зависимости от адресата, эти компоненты в переводе могут стать и имплицитными, но такое имеет место гораздо реже.

4. Внетекстовый объект, отображаемый как объект а, существ-

вующий в параметрах *t* и *s*, характеризуется в тексте по своим качественным особенностям — информация типа *b*. Эти качественные характеристики, присущие самому объекту, вне связей его с другими — внутренние и внешние — характеризуют объект в его связях с другими объектами. Информация типа *b* также может быть по-разному представлена в текстах ИЯ и ПЯ — с разной степенью эксплицитности и различными языковыми средствами. Например:

Territorial Senator Rubi Rauss of the US Virgin Islands recently criticized the Department for not doing its work well.

Руби Раусс — американский сенатор от Виргинских островов, находящихся под опекой США, критиковал министерство за то, что оно плохо работает.

Компонент *b* — качественная характеристика двух взаимосвязанных в этом отрезке внетекстовых объектов Rubi Rauss (*Руби Раусс*) и the Virgin Islands (*Виргинские острова*). В ИЯ первый объект характеризуется относительно второго как territorial senator of the US Virgin Islands в русском — *американский сенатор от Виргинских островов*. Как видно из этого примера, информация *b* может получать весьма различное лексическое и грамматическое представление в ИЯ и ПЯ (ср. также способы выражения в ИЯ и ПЯ качественной характеристики третьего внетекстового объекта, the Department (*министерство*): через английское словосочетание for not doing its work well и русское придаточное предложение (*за то, что оно плохо работает*). Кроме того, различна и степень эксплицитности информации *b* в ИЯ и ПЯ (ср. the US Virgin Islands и *Виргинские острова, находящиеся под опекой США*), в связи с тем, что, по мнению переводчика, эта информация, имплицитная в ИЯ, поскольку известна получателю вне контекста, может оказаться неизвестной русскому читателю.

Расхождения в способах языковой презентации компонента *b* в ИЯ и ПЯ могут быть связаны с различиями в функционировании стилистических средств ИЯ и ПЯ.

5. Создавая отображение внеязыковой ситуации средствами языка, отправитель дает этому отображению собственную оценку, преломляя его через призму собственного «я». Она может быть весьма разнообразной, но имеет несколько обязательных составляющих, информация о которых так или иначе присутствует в тексте, хотя по-разному и с разной степенью эксплицитности выражается в разных языках. Одна из таких обязательных составляющих — оценка отправителем степени реальности существования того, что отображается в тексте. При этом, даже если отправитель бесстрастно констатирует что-либо (что в европейских языках выражается обычно через изъявительное наклонение глагола-сказуемого), констатация есть точка зрения отправителя на отображаемый факт, и она может совпадать или не совпадать с общепринятой, соответствовать или не соответ-

ствовать общепринятому положению вещей. Малейшее сомнение в степени реальности (достоверности) отображаемого (факта, события, умозаключения и пр.) выражается вербально, посредством так называемых модальных слов и оборотов. (Так, фраза типа *I believe this is true* — *я уверен, что это правда* содержит информацию о неуверенности отправителя (далее — О) в утверждаемом, в противном случае он ограничился бы утверждением *this is true* — *это правда*). Таким образом, обязательная оценка О степени реальности, достоверности отображаемого неизменно сопровождается эксплицитной или имплицитной оценкой степени уверенности О в достоверности отображаемого (и степень эксплицитности, и способы языкового представления этой информации могут быть различными в ИЯ и ПЯ). К этим двум обязательным составляющим оценки отображаемого может добавиться оценка степени желательности или нежелательности отображаемого со стороны О, а также его эмоциональная оценка отображаемого, все они составляют личное отношение О к отображаемому. Все эти виды личностной оценки можно объединить в один информационный компонент — модальный, т. е. информацию типа *m*, выделив в нем обязательные и дополнительные составляющие.

Все составляющие *m* могут получить в тексте самую разнообразную презентацию даже в пределах одного языка (компонент *m* может содержаться в семе отдельного слова, в словосочетании, в самостоятельном предложении или даже группе предложений, ср. напр.: *может, не было, может, было*. Если было, то было в сказке...). Тем более вариативным является выражение модального компонента в ИЯ и ПЯ. Так, в следующем примере нереальность события, выражаемого в английском языке лексически, в русском языке получает грамматическое выражение через модальный глагол-сказуемое:

Columbus never heard of that Calendar. It did not exist until 100 years after he was dead.

Колумб не мог знать об этом календаре. Он появился только спустя 100 лет после смерти великого мореплавателя.

В ИЯ нереальность факта, отображаемого в первом предложении, но обусловленного содержанием и второго предложения, выражается через семантику слова *never* в сочетании со смыслом второго предложения. В ПЯ она требует экспликации через модальный глагол в отрицательной форме (*не мог*), в противном случае очевидность невозможности не имплицитруется смыслом второго предложения, как в английском варианте.

Модальный компонент, как и другие ИК, может иметь в ИЯ и имплицитное, и вербальное представление в переводе, но степень вербального представления этого вида информации вовсе не обязательно должна точно воспроизводиться в переводе, более того, такая точность может привести к смысловым неточностям (ср.: *Колумб никогда не слышал об этом календаре, что*

подразумевает наличие этого календаря в эпоху Колумба и неосведомленность мореплавателя). Хотя в принципе набор модальных слов и оборотов в разных языках более или менее сходен, в тексте, где О часто использует такой прием как имплицитный логический вывод, подводящий П непрямо к пониманию авторской точки зрения, с этой целью в ИЯ и ПЯ используются весьма несовпадающие языковые средства.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что ИК, обеспечивающие отображение текстом внеязыкового объекта (в том числе и идеи) могут быть представлены в тексте с разной степенью их вербальной экспликации и весьма разнообразными языковыми способами, чрезвычайно различающимися в ИЯ и ПЯ. Можно говорить о трех существенных причинах различий в способах вербальной презентации этих компонентов в текстах на ИЯ и ПЯ. Одной из них, как отмечалось, является расхождение в объеме фоновых знаний у адресатов ИЯ и ПЯ. Второй существенной причиной такой вариативности являются разные культурные и языковые традиции представления информации средствами разных языков. (ср. напр.: *the fog stopped the traffic* и *из-за тумана остановилось движение транспорта на дорогах*). Причина таких преобразований может быть и металингвистической, если хотя бы одним из ИК в тексте является сам язык, его единицы и правила (ср. напр.: *Bridgetown lies along a narrow bay spanned by a bridge* и «Бриджтаун, что в переводе означает *город-мост*, расположен по обе стороны залива», где в ИЯ название города самоочевидно, благодаря семантике слова *bridge*, а в ПЯ это имя требует дополнительной экспликации, чтобы стало понятным его происхождение).

Итак, по экстралингвистическим, чисто лингвистическим и металингвистическим причинам информационные компоненты оригинала могут получить более или менее эксплицитную презентацию в тексте перевода, возможно, через иной набор языковых средств, но главное — все они должны обязательно воспроизводиться средствами ПЯ, независимо от степени их эксплицитности и способов их вербализации.

Из сказанного выше следует, что ИК текста можно рассматривать как минимальные переводческие единицы в тексте, поскольку они представляют в тексте его смысловые компоненты, которые не связаны прямо и жестко с теми или иными языковыми формами. Однако ИК — далеко не все составляющие смысла текста. Они образуют единое смысловое целое, т. е. отображение внетекстового объекта, если объединены друг с другом в единый информационный комплекс связью так называемой внутренней предикации, в которой имени *a* приписываются свойства *e*, *s*, *t*, *m*, *b*. Отрезок текста только тогда содержит минимальное отображение внетекстового объекта (информацию об этом отображении), или элементарную смысловую единицу, если, независимо от степени эксплицитности и способа вербальной презентации, в его пределах содержатся описанные выше ИК, обра-

зующие структуру *bstme* (а) или его смысловую структуру. В зависимости от степени и способов их экспликации этот отрезок может представлять собой группу предложений, отдельное предложение, словосочетание или даже отдельное слово. Так, предложение *В Москве сегодня хорошая погода* содержит две элементарных смысловых единицы. Имя *Москва* для носителя русского языка в определенных контекстах, а чаще всего и без контекста, ассоциируется именно с названием столицы СССР, чьи ИК известны. Слово *сегодня* в определенном контексте, из которого взят этот отрезок, является дейктическим указателем определенной даты, известной получателю из контекста, из внеязыковой ситуации. Ее ИК, стало быть, известны П. При переносе, со сменой адресата, некоторые из таких имплицитных ИК могут потребовать вербальной или, если она есть, более подробной экспликации (ср.: *22 июня 1941 года он ушел добровольцем на фронт* и *In 1941, on the day when Nazi attacked his homeland, he went to the front*).

Отображаемые в тексте внетекстовые объекты связываются друг с другом двусторонними связями (так назыв. связь «групповой предикации»). Так, в отрезке *Я дал ему тетрадь* внетекстовые объекты *я* и *ему* связаны между собой как каузатор и объект действия. Языковое представление такой связи может быть вариативным и в пределах одного языка (ср.: *он взял у меня тетрадь, он получил от меня тетрадь*). Тем более вариативно оно в ИЯ и ПЯ. Например:

She has great success with her pupils and says she likes them, too.

Ученики от нее в восторге, и она, по-видимому, тоже довольна ими.

В ПЯ действие как бы повернуто в другую по сравнению с ИЯ сторону, количество предложений и способы презентации ИК в ИЯ также различны. Так, компонент *m*, выражаемый в ИЯ фразой *she says she likes them*, содержащей информацию о неуверенности О в позиции учительницы, в ПЯ получает выражение во вводном модальном слове *по-видимому*.

Элементарные смысловые единицы и более крупные единицы, в чей состав входят элементарные, объединяемые групповой предикацией, также могут рассматриваться как единицы переводческой деятельности. В их пределах, помимо адекватной презентации ИК средствами ПЯ, появляются новые переводческие задачи. Одна из них — способы языкового представления групповой предикации средствами ПЯ, чьи языковые нормы в этом плане могут существенно отличаться от норм ИЯ (ср. *the doctor was sent for* и *за доктором послали*). Вторая переводческая задача связана с проблемой линейного размещения и лексико-синтаксической презентации взаимосвязанных в тексте отображенных внетекстовых объектов, т. е. с проблемой так называемого актуального членения. Известно, что внетекстовые объекты, отобра-

жаемые в тексте с тематической или рематической характеристикой, могут получить в ИЯ и ПЯ различную лексико-грамматическую презентацию, так же как и объединяющая их связь групповой предикации (ср. напр.: *The school opens its summer courses in June* и *В июне в школе открываются летние курсы*).

Эта вариативность, вызываемая как экстралингвистическими, так и чисто лингвистическими и металингвистическими причинами, может быть весьма разнообразной, и именно она приводит при переводе к членению и объединению предложений, свертыванию их в словосочетания или развертыванию словосочетаний в самостоятельные предложения, к синтаксическим и лексическим заменам. Например:

Twenty crewmen were missing and feared dead after an American tanker broke up and sank without warning within 200 miles off the US coast.

Вчера в Атлантическом океане, в 200 милях от побережья США, неожиданно взорвался и затонул американский танкер. Пропало без вести двадцать человек экипажа. Есть опасения, что они погибли.

Таким образом, и элементарные смысловые единицы, содержащие информацию об одном внетекстовом объекте, и более крупные смысловые единицы, содержащие информацию о нескольких взаимосвязанных внетекстовых объектах, равно могут рассматриваться как единицы перевода; они не имеют стабильной лексико-семантической и синтаксической презентации и могут содержаться в любых текстовых отрезках, от отдельного слова до группы предложений. Поскольку связи между внетекстовыми объектами могут отображаться в весьма обширных отрезках текста, и в абзацах, и даже в целых страницах и более, целесообразно, в целях удобства переводческого оперирования с ними, ввести ограничения на их объем. Неэлементарной переводческой единицей следует считать такой сегмент отображения внетекстовых событий, в пределах которого сохраняется стабильность образующих его ИК (некоторые из них при этом представляют собой элементарные смысловые единицы). Изменение хотя бы одного из ИК — пространственных, временных или модальных характеристик отображаемого объекта — свидетельствует о границе между смысловыми единицами текста, точнее, между содержащими их текстовыми отрезками. Эти смысловые единицы также можно рассматривать как операционные переводческие единицы.

Описанные выше смысловые единицы текста объединяются в пределах целого текста в еще более крупные смысловые единицы еще одним видом связей — логическими связями, которые сами по себе тоже могут рассматриваться как операционные переводческие единицы. Логические связи в тексте, в принципе, сводятся к четырем видам связей — это конъюнкция, дизъюнкция, импликация и тождество. Однако каждый язык использует

для выражения этих связей не только логические связи типа и, или и пр., но и другие весьма разнообразные средства, варьирующиеся от языка к языку. Кроме того, в любом тексте можно обнаружить то, что называют «имплицитным логическим выводом», — логические связи могут быть не прямо выражены в тексте, но должны выводиться из него П на основании языкового и неязыкового опыта. При этом, то, что в ИЯ имплицитно выводится из контекста, иногда вовсе не выводится из точного вербального соответствия этому текстовому отрезку на ПЯ, например:

Being in rags, he bought a new suit of cloths and a donkey and set out to see the Queen.

Формальное воспроизведение в русском варианте причастного оборота привело бы к искажению логической связи между двумя отображаемыми текстом фактами — тем, что Колумб плохо одет, и тем, что на полученные деньги покупает себе новое платье (ср.: *будучи в лохмотьях, он купил себе новое платье и осла...*). Причинно-следственная связь требует в переводе вербализации: *Поскольку он был крайне беден, он купил новое платье и осла...* Вторая причинно-следственная связь в этом текстовом отрезке, наоборот эксплицирована в оригинале, но не требует экспликации в переводе: *set out to see the Queen и отправился ко двору, что подразумевает, чтобы получить аудиенцию у королевы.* Вербальное представление этой логической связи в переводе создало бы смехотворный эффект, отнюдь не запланированный в оригинале (ср.: *купил осла и отправился повидать королеву*). Таким образом, традиции экспликации или импликации логических связей в тексте, а также способы их экспликации в ИЯ и ПЯ весьма часто не совпадают. Поэтому логические связи, объединяющие смысловые единицы текста в более крупные смысловые целые, также можно рассматривать как операционные переводческие единицы.

* * *

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить следующее: поскольку смысл текста задается эксплицируемой и имплицитруемой текстом информацией, а цель перевода — воспроизвести смысл текста, а не сумму значений знаков, составляющих текст, целесообразно рассматривать переводческий процесс именно как процесс извлечения смысла из текста (точнее, извлечения эксплицитной и имплицитной информации текста, задающей этот смысл) и процесс переоформления этого смысла средствами ПЯ, т. е. создание такого текста на ПЯ, который, при его восприятии новым адресатом, давал бы ему тот же качественный состав информации вне зависимости от степени и способов ее экспликации в тексте ПЯ. Операциональными переводческими единицами в таком случае должны быть не

языковые единицы любого уровня, но отрезки текста, содержащие описанные выше ИК, смысловые единицы и связи между ними. Все они могут иметь более или менее эксплицитное представление в тексте, получать достаточно вариативную лексико-семантическую презентацию средствами ИЯ и ПЯ. Их воспроизведение в тексте ПЯ, независимо от способа и степени экспликации, и должно обеспечивать адекватный перевод.

С. Ф. Гончаренко

(Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поэтический перевод, как и любая другая разновидность перевода есть прежде всего акт межъязыковой коммуникации. Логично предположить поэтому, что именно коммуникативный аспект теории поэтического перевода может выявить глобальную ее проблематику. Равным образом и теория поэтической речи, очевидно, должна быть теорией коммуникативной и текстовой, если исследователь ставит перед собой задачу сколько-нибудь связанного изучения стиха как особой формы и сферы функционирования языковой системы. Дело в том, что именно в поэтической речи смысловое и прагматическое ядро коммуникации наиболее резко отделено от семантики поверхностных структур; смысловая и эстетическая информация, материализующаяся в поэтической речи и передаваемая ею, находит свое воплощение только в завершенном, связанном и цельном произведении поэтической речи — в поэтическом тексте. И если вообще справедливо, что только текст может быть «полноценной единицей общения»¹, то тем более это верно относительно коммуникации поэтической. Перефразируя известный постулат Л. Витгенштейна², можно утверждать, что «только стихотворение имеет смысл, только в контексте стихотворения строка и слово обладают значением».

С коммуникативной точки зрения поэтический перевод есть передача информации, содержащейся в тексте поэтического оригинала, реципиенту-носителю ПЯ с помощью текста-посредника, т. е. с помощью переводного поэтического текста. Прежде, чем выяснять, как а именно информация при этом передается, с какой степенью полноты, каким образом и с какой целью, надо попытаться по возможности точно определить

¹ *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 90.

² «Только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением». (*Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. С. 23).

терминологический метаязык, используемый в ходе рассуждений.

Коммуникация — это процесс общения между партнерами³, в ходе которого происходит передача информации (сообщения) от Источника к Реципиенту⁴.

Коммуникация с помощью языковых знаков именуется **вербальной коммуникацией**. Коммуникация, осуществляемая посредством произведений искусства (в том числе и литературы) называется **художественной коммуникацией**. Художественная коммуникация, осуществляемая с помощью языковых знаков, составляет область **художественно-вербальной коммуникации**. Художественно-вербальная коммуникация, реализуемая с помощью поэтической речи (поэтических текстов) есть **поэтическая коммуникация** (см. более полное определение на с. 40).

Основной единицей коммуникации практически в любом виде общения выступает **текст** — целостное произведение речетворного процесса, отвечающее условиям завершенности, цельности и связности, а в силу этого и коммуникативной целенаправленности⁵.

Цельность текста при этом понимается как его смысловая и коммуникативная целостность, проявляющаяся в относительном единстве темы и коммуникативной целенаправленности⁶.

Связность же есть структурная целостность текста, обеспечиваемая конкретными механизмами текстовой когезии (грамматическими, логическими, ассоциативными, композиционными и проч.).

Завершенность, вслед за И. Р. Гальпериним, будем понимать как исчерпывающее развитие замысла автора⁷, а в поэтическом тексте — прежде всего, как реализацию замысла в области концептуального и эстетического содержания (см. ниже). В этом отношении завершенность противопоставляется категориям за-

³ В случае чистого «самовыражения» одно и то же лицо может выступать в функции передающего и принимающего партнера.

⁴ Ср.: «Коммуникация в своей основе есть ничто иное, как перенос информации в человеческом коллективе» (Колшанский Г. В. Указ. соч., С. 89).

⁵ Мы в данном случае оставляем в стороне вопрос о том, могут ли претендовать на статус текста целостные устные сообщения, не подвергнутые «литературной обработке». (Ср. известные дефиниции текста у И. Р. Гальперина//Текст как объект лингвистического исследования. М., 1961. С. 18; у Л. А. Черняховской в ст. «Смысловая структура текста и ее единицы»//Вопросы языкознания. 1983, № 6. С. 117). Ср., с другой стороны: «...полноценной единицей сообщения... может быть только единица, включающая в себя два необходимых признака: быть носителем полноценной информации и быть структурно организованной. Текст и есть та исходная единица, которая отвечает этим требованиям» (Колшанский Г. В. Указ. соч. С. 90).

⁶ Это понятие сродни категории интеграции у И. Р. Гальперина; Ср. также: Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 17—25; а также: Трошина Н. Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста//Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 50—61; Сорокин Ю. С. Текст: цельность, связность, эмоциональность. Там же. С. 61—74.

⁷ Гальперин И. Р. Указ. соч. С. 131.

конченности и фабульной концовки. Последняя имеет отношение лишь к поверхностной, фактуальной информации.

Содержательная сторона текста (или его условно-самостоятельного с коммуникативной точки зрения сегмента⁸) именуется его **информацией**. Именно такая дефиниция, не вполне совпадающая с кибернетическим определением информации как меры сообщения (а не самого сообщения), по нашему мнению, наиболее приемлема для теории поэтической речи и теории перевода. Не случайно, очевидно, И. Р. Гальперин, пытаясь поначалу использовать понятие информации так, как оно употребляется в работах Н. Винера и А. Моля⁹ — все же приходит к тому, что «содержание текста как некоего законченного целого» — это и есть его информация¹⁰. Созвучно этому и замечание В. Н. Комиссарова: «Термин «информация» используется нами как абсолютный синоним термина «содержание»¹¹.

Стиховая речь — это речь, расчлененная на условно-приравняемые между собой отрезки, не обязательно совпадающие с единицами смыслового и синтаксического членения и отличающаяся особой «стиховой» интонацией как при «внутреннем чтении», так и при корректном декламационном исполнении.

Поэтическая речь — это стиховая речь, достигшая такой степени структурно-содержательной организации, при которой обеспечивается поэтическая коммуникация, а именно такой вид художественно-вербальной коммуникации, при котором с помощью стиховой речи осуществляется одновременная передача двухъязырусной смысловой (фактуальной и концептуальной) и многоярусной эстетической информации. Подобное многоканальное использование языковых знаков ведет к повышенной информативной плотности поэтической речи¹².

Итак, информация, передаваемая с помощью поэтического текста¹³, может быть условно расчленена на две категории.

Смысловая информация — суть ее можно определить как содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить его соотнесенность с некоторым сегментом реальности, с некоторой

⁸ В ходе анализа и интерпретации текст приходится расчленять на такие сегменты, памятуя, однако, о том, что их коммуникативная самостоятельность условна.

⁹ Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974. С. 15, 16, 29.

¹⁰ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 40.

¹¹ Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980. С. 30.

¹² Ср.: «...небольшое по объему стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста». (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 35) или: «Язык лирики в наибольшей степени насыщен поэтической информацией», «...поэтическое сообщение «представляет собой передачу большого количества информации по каналу малой пропускной способности» (Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 265, 270. Последнее замечание содержит в себе цитату из Р. Абернети).

¹³ в принципе и с помощью художественно-прозаического тоже, но это особый вопрос, который мы здесь не затрагиваем.

внеязыковой ситуацией, то есть как систему (идеальных) денотатов¹⁴. Сведения эти объективированы в тексте с помощью языковых знаков (вербальных сигналов), однако объективация эта может носить разную степень эксплицитности. Иными словами, смысловую информацию материализует в тексте система вербальных сигналов, ориентированных на то, чтобы вызвать в сознании Реципиента соотношенность этого текста с внеязыковой ситуацией. В этом отношении продуктивным оказывается точка зрения Л. А. Черняховской, определяющей смысл как «психическое отображение сегмента реальности, образуемое в сознании индивида в результате взаимодействия текста с фоновым знанием индивида»¹⁵ — в немалой степени, со знанием особого поэтического «кода», когда речь идет о поэтическом тексте. К тому же, если теория смысла применительно к практическому языку, оперирует понятиями «усредненного получателя» и «усредненного уровня фонового знания», то в области языка поэзии скорее надо говорить об «идеальном реципиенте» и «идеальном уровне фоновых знаний».

Эстетическая информация — условно ею можно назвать весь тот сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации.

Расчлененность информации художественных текстов на две принципиально различные категории отмечается почти всеми исследователями, хотя при этом имеются и терминологические, и дефинитивные расхождения. Так, А. Моль и Ю. Борев говорят о «семантической» и «эстетической» информации; И. Р. Гальперин — о «логической» и «эстетической», а также об «интеллектуальной» и «чувственной» информации; Р. Якобсон — о «когнитивной» и «эмоциональной», Я. Славинский — о «познавательной» и «поэтической», В. А. Кухаренко — об «интеллектуальной» и «эмоциональной», «художественной» и «нехудожественной» информации.

В свою очередь смысловая информация в поэтическом (да и в любом художественном) тексте носит двухуровневый, двухплановый характер. Вслед за И. Р. Гальпериным, назовем эти уровни соответственно фактуальным и концептуальным.

Фактуальная смысловая информация — это «сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом»¹⁶. Фактуальная информация, как правило, объективируется в тексте вербальными сигналами с высокой степенью эксплицитности. Она сохраняется при перефразировании.

¹⁴ Ср.: Новиков А. И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 21.

¹⁵ Черняховская Л. А. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 27.

ровании поэтического текста, при переводе его прозаическим текстом — и т. д.

Концептуальная информация — это сообщение авторского понимания отношений между фактами, описанными на уровне фактуальной информации, а также сообщение об авторской экстраполяции этих отношений на систему мира; иными словами, это авторская концепция мира, каким он есть или должен быть. Данная информация носит в значительной мере имплицитный характер, но, однако, она вполне объективируется в тексте, материализуясь с помощью дискретных вербальных сигналов, система которых ориентирована на «идеального» реципиента, владеющего соответствующим поэтическим кодом. Взаимодействие этих вербальных сигналов с фоновыми знаниями такого реципиента в процессе восприятия и толкования поэтического текста и выявляет эту информацию в ее (относительной) полноте. Таким образом, (1) этот вид информации извлекается из текста только культурно развитым реципиентом, (2) значительная доля ее выявляется только с использованием герменевтических приемов интерпретации, (3) для более или менее полного извлечения этой информации из текста даже подготовленному реципиенту требуется неоднократное его прочтение.

В определенной мере эта информация сродственна имплицитной информации практических текстов, где «описываемая ситуация служит базой для указания на иную ситуацию, идентификация которой составляет цель коммуникации и которая выводится из исходной или ассоциируется с ней»¹⁷. Однако в то же время между концептуальной информацией художественного текста и имплицитной информацией текста практического имеется непреодолимое различие: концептуальная информация, во-первых, возникает на базе неавтоматизированных ассоциаций; во-вторых, она чаще всего неоднозначна, в-третьих, она не выводится прямо из внешне-ситуационного или ограниченно-вербального контекста, а извлекается из текста в целом с помощью особых интерпретационных процедур и при условии особых знаний; в-четвертых, она не поддается точному перефразированию и вообще полной вербализации. Последнее особенно важно: конечно, как отмечал Л. С. Выготский, «выразить в пересказе мысль и романа, и трагедии... также нельзя, как нельзя пересказать музыку своими словами»¹⁸ и «всякая басня говорит больше, чем то, что заключено в ее морали»¹⁹, — но, с другой стороны, очевидно, прав Ю. Боров, утверждая: «Если бы художественный образ был полностью переводим на язык логики, наука могла бы заменить искусство. С другой стороны, если бы он был абсолютно непереводаем на язык логики, то ни литературоведение, ни искусствоведение, ни художественная

¹⁷ Комиссаров В. Н. Указ. соч. С. 68.

¹⁸ Психология искусства. М., 1968. С. 226—227.

¹⁹ Там же. С. 142.

критика не существовали бы. В том-то и дело, что образ и переводим и неперево́дим на язык логики. Он неперево́дим потому, что при анализе остается «сверхсмысловый остаток». Он перево́дим потому, что глубже и глубже проникая в суть произведения, можно все полнее, всестороннее выявлять его внутренний смысл»²⁰.

Концептуальная информация, таким образом, сродственна теме и замыслу поэтического текста, являя собой «свертку» его глубинной идейной семантики. Трудно она эксплицируется именно потому, что у нее фактически нет прямых средств языкового воплощения; как образно выразился Г. О. Винокур, ее материальной формой оказывается другое «содержание, выражающееся в звуковой форме»²¹, т. е. фактуальная семантика становится как бы формой концептуального содержания.

Иными словами, смысловая информация поэтического текста разворачивается ступенчато: фактуальная информация, осмысляясь, дает идентификацию ситуации, описанной внешним, фактуальным слоем коммуникации. Неподготовленный или «торопливый» реципиент кроме этой информации никакой другой смысловой информации и не воспримет²². На основе этой «поверхностной» ситуации компетентным реципиентом реконструируется глубинная, концептуальная ситуация, не всегда, впрочем, находящая точные вербальные формы экспликации и никогда не поддающаяся исчерпывающей вербальной оформленности. Очевидно, ситуация эта по природе своей интенциональна и опирается скорее на сетку сигнификатов, а не денотатов, основываясь на работе воображения, на прогнозирующей функции мышления, на процессах «опережающего отражения»²³.

Однако именно эта ситуация, в процессе идентификации которой происходит осмысление, прием концептуальной информации, заложенной в текст, и обеспечивает порождение ядра коммуникации — во всяком случае, его идейно-смысловой части. Концептуальная информация извлекается из текста с помощью анализа (атомирования цельности) и с помощью интерпретации — процесса выявления, толкования и освоения концептуально-содержательной информации. Основные интерпретационные операции, как уже говорилось, рассматриваются герменевтикой.

Оппозиция фактуальной и концептуальной информации, терминологически впервые сформулированная в цитированной работе И. Р. Гальперина, обнаруживает себя в противопостав-

²⁰ Борев Ю. Эстетика. М., 1981. С. 158.

²¹ Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 290.

²² Это, однако, не означает, что он не воспримет хотя бы частично информации эстетической, о чем см. ниже.

²³ Ср.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 238.

лении «буквального смысла» «действительному смыслу» (Г. Винокур), «материала» «форме» (Л. Выготский), «бытийной темы» «поэтической теме» (Г. Степанов), «эксплицитного» «имплицитному» (М. Кожина, А. Васильева, И. Гальперин), «внешнего плана» «глубинному плану» (В. Кухаренко).

Информативный комплекс, именуемый эстетической информацией, в свою очередь включает следующие виды:

1. **Собственно-эстетическая информация**, извлекаемая из текста путем оценки соотношения формы и смыслового содержания поэтического текста. Это ценностное отношение М. Бахтин именовал эстетическим компонентом, суть которого состоит в том, что «форму я должен пережить как мое активное ценностное отношение к содержанию, чтобы пережить ее эстетически»²⁴. И форма, и двухуровневое смысловое содержание воплощены в тексте; но извлечение из этого текста собственно-эстетической информации, естественно, связано с интеллектуальным усилием культурно развитого реципиента: ведь прежде, чем поставить в соотношение содержание и форму, надо сначала интерпретировать концептуальное содержание и аналитически оценить форму.

2. **Катартическая информация** — информация, объективированная в таких вербальных сигналах, которые ориентированы на катарсис, т. е. на то, чтобы «возбудить в нас два стилистически противоположно направленных и окрашенных чувства и затем разрушить их в той катастрофе..., в которой оба эти тока как бы соединяются в коротком замыкании»²⁵. Чтобы обеспечить катартическую функцию поэтического текста²⁶, автор должен обеспечить не столько гармоничное, сколько напряженно-конфликтное взаимодействие его пластов и элементов. Л. Выготский говорил в этом отношении о противоречии между «материалом» и «формой» произведения: «В художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой... то формальное, которое автор придает этому материалу, направлено не на то, чтобы вскрыть свойства, заложенные в самом материале... а как раз в обратную сторону: к тому, чтобы преодолеть эти свойства»²⁷. Материал и форма — понятия условные. Материалом может выступать фактуально-фабульная линия, а формой — сюжетно-концептуальная развязка. Функцию материала может выполнять лексика стихотворения, а роль формы играть — его комплексная семантика. Материалом может быть и ритмика, напряженно контрастирующая с лексикой (формой в данном случае). Наконец, в состоянии напряженного

²⁴ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, М., 1975. С. 58.

²⁵ Выготский Л. С. Указ. соч., с. 208.

²⁶ См.: Борев Ю. Указ. соч. С. 144.

²⁷ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 208.

противоречия может находиться то, что Ю. В. Левин определил как «форма выражения» (материал) и «форма содержания» (форма): классический, спокойный ритм и сумбурная, «клочковатая» семантика²⁸.

В принципе катартическая информация (во всяком случае, ее определенный объем) извлекается реципиентом без активного участия с его стороны; вернее, без его интеллектуального участия: она заложена в самоё плоть и материю текста и может восприниматься неосознанно. Однако при этом в ней нет ничего мистического: она объективирована самой структурой произведения, и исследователь всегда может нащупать ее материальную сущность.

3. Гедонистическая информация — информация, объективированная в таких вербальных сигналах, которые ориентированы собственно на «наслаждение» и «удовольствие», испытываемые реципиентом в процессе поэтической коммуникации. Конечно, частично гедонистическую функцию осуществляет и собственно-эстетическая, и катартическая информация, однако там она является производной и факультативной. Но поэтическая коммуникация обладает и целенаправленными механизмами гедонистической информации, которая в свою очередь многопланова. Укажем, в частности, лишь на такие ее факторы, как: (а) степень творческого мастерства и свободы владения языковым (стиховым) материалом²⁹; (б) сложность кода, приобщающая реципиента к творческому процессу, к творческому отношению к языку и миру³⁰; (в) «игровая» структура текста — моделирование человеческой деятельности «в игровой, незаинтересованно-бескорыстной форме. Игра же свободных сил человека, являясь еще одним планом проявления свободы в искусстве, также доставляет эстетическое наслаждение»³¹.

4. Аксиологическая информация — информация, объективированная в вербальных сигналах, нацеленных на формирование ценностного сознания человека, его эстетической ориентации в мире и его способности к образному мышлению.

5. Суггестивная — информация, объективированная в вербальных формах, продуцирующих внушающее воздействие текста на реципиента. В разных видах поэтических текстов ее удельный вес различен, но порою она играет роль информационной и коммуникативной доминанты: обрядовая поэзия, военно-патриотическая лирика. Будучи ориентирована на подсознание полу-

²⁸ Левин Ю. И. Лексико-семантический анализ одного стихотворения О. Мандельштама // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 232.

²⁹ Разумеется, вербальные сигналы, свидетельствующие об этой степени, будут корректно восприняты только подготовленным реципиентом, фоновые знания которого включают «ориентиры» определения этой степени.

³⁰ Ср.: «интенсивность художественного восприятия и наслаждения прямо пропорциональны упорядоченности и сложности художественного феномена». Борев Ю. Указ. соч. С. 215.

³¹ Борев Ю. Указ. соч. С. 148.

чателя, она не представляет трудностей в рецептивном плане, однако ее тщательный учет необходим в процессе перевода, поскольку радикальная смена культурно-языкового и этнического типа рецептора может вызвать необходимость радикальных преобразований структуры подлинника.

6. Структурно-формальная и функционально-формальная информация — объективированная в стилистическом оформлении текста информация о его стилистической структуре и конкретно-коммуникативных функциях ее компонентов. В полном объеме этот вид информации извлекается только реципиентом-специалистом (переводчиком или филологом-исследователем), а в неполном — каждым подготовленным читателем/слушателем. Даже и в неполном объеме эта информация служит основой (или фоном) для извлечения других видов эстетической информации.

Итак, в процессе поэтической коммуникации с помощью поэтического текста осуществляется передача смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической (собственно-эстетической, катартической, гедонистической, аксиологической, суггестивной, структурно-формальной и функционально-формальной) информации. Замысел поэта, как правило, включает в себя «свертку» концептуально-тематической и сопряженной с ней эстетической информации. Но чтобы реализовать этот замысел, поэт должен: (1) найти коррелирующую им «фактуальную ситуацию» и вербализовать ее, причем (2) вербализовать ее таким образом, чтобы описание фактуальной ситуации содержало в себе ключ к декодированию концептуальной ситуации и чтобы в тексте оказались объективированы вербальные сигналы эстетической информации, которую реципиент должен воспринять на пути к идентификации концептуального смысла. Переводчик как реципиент-специалист должен пройти этот путь в обратном направлении, выявить весь информационный комплекс источника и реконструировать замысел поэта. Прделав эту операцию, он оказывается у исходной точки автора оригинала. Ему предстоит реализовать замысел этого автора на переводящем языке, т. е. проделать его поэтическую работу» во всей полноте и к тому же обеспечить передачу идентичной комплексной информации. Понятно, что в творческом отношении эта задача, пожалуй, неизмеримо более сложная, нежели сочинение оригинала. Вопрос в другом: осуществима ли она в принципе?

* * *

Передача сложного информационного комплекса с помощью текста, состоящего из нескольких высказываний или нескольких сверхфразовых единств, возможна только в силу того, что поэтический текст есть текст особого рода, а поэтическая речь есть чрезвычайно специфическая разновидность речи. Даже в рамках поэтической коммуникации она выступает в двух ипостасях.

Если, передавая фактуальную информацию, она функционирует как вполне обычная, практическая речь, то концептуальную и эстетическую информацию она материализует и передает, принимая совсем иное качество: качество собственного поэтического речетворчества, где все языковые элементы взаимосвязаны и значимы, где радикально модифицируются парадигматические и синтагматические закономерности функционирования знаков «естественного» языка, где меняется сам механизм смыслообразования и коммуникативной ориентации слова и фразы. Иначе говоря, в этой своей ипостаси поэтическая речь являет собой последовательность символов кода, невыводимого непосредственно из конвенциональной символики «практического» языка. Все эти метаморфозы происходят с речью благодаря ее организации по моделям особых стиховых структур: метро-ритмических, фонических, металогических (т. е. структур, обеспечивающих полисемантическую поэтического слова при его системно-метафорическом употреблении и при его задействованности в «прямом образе»³². В целом механизм кардинальных преобразований, претерпеваемых стиховой и тем более поэтической речью исчерпывающе подытожен в известной книге Ю. М. Лотмана³³: (1) любые элементы речевого уровня (варианты) здесь имеют тенденцию возводиться в ранг системно-значимых сущностей (инвариантов); (2) любые элементы, являющиеся в практическом языке строевыми, в поэзии имеют тенденцию обрастать сверхсмыслами, (3) элементы, которые в «практическом тексте» выступают как несвязанные, принадлежа структурам разных уровней, в поэтическом тексте оказываются со- или противопоставленными. Но именно эта гиперсвязанность и гиперсемантизация всех элементов текста исключает возможность сохранения в переводе всего информативного комплекса, воплотившегося в оригинале. Поэтому на практике переводчик поэзии вынужден жертвовать тем или иным аспектом информации.

В зависимости от того, какой тип информации переводчик считает коммуникативно доминантным, возможны три различных метода перевода:

1. **Поэтический перевод** — перевод, направленный на обеспечение поэтической коммуникации между автором оригинала и читателем перевода. Значит, переводчик в этом случае должен заново средствами переводящего языка создать поэтический текст, эквивалентный оригиналу по своей эстетической и концептуальной информации. Информация фактуальная (а значит и вербальное соответствие) при этом воспроизводится лишь в той мере, в какой она не заглушает кана-

³² См., напр.: *Ермилова Е. В. Метафоризация мира в поэзии XX века*// Контекст. 1976. М., 1977. С. 165, а также *Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи*// Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981, № 6. С. 509—520.

³³ *Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 36.*

лов передачи концептуальной и эстетической информации. Поскольку фактуальная информация есть своего рода «план выражения»³⁴ коммуникативно-поэтического содержания, то ее трансформация (а в случае необходимости и глубинная перестройка) не противоречат даже столь «жесткой» дефиниции перевода, каковой является известная формула профессора Бархударова: «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания»³⁵.

2. **Стихотворный перевод** — перевод, воспроизводящий фактуальную информацию с помощью стиховой речи. В вербальном и формально-стилистическом отношении он весьма приближен к оригиналу, но не передает концептуальной и эстетической информации. Иными словами, здесь мы имеем дело со стиховой, но не поэтической речью: достичь уровня упорядоченности и организованности, достаточного для превращения стиховой речи в поэтическую этому виду перевода как раз и не дают установки на максимальное словесное и структурно-формальное тождество с оригиналом. Этот вид перевода вполне пригоден в специальной литературе — для академических изданий литературных памятников, при фрагментированном цитировании источника в научно-филологической литературе и так далее. В собственно литературном обращении он, естественно, бесполезен, так как не осуществляет поэтической коммуникации.

3. **Филологический перевод поэзии** — перевод, нацеленный на максимально дословную, а потому прозаическую передачу источника. Это подчеркнуто самостоятельный вид текста — он обычно сопровождается или параллельно приведенным подлинником, или развернутым комментарием и призван выполнять сугубо служебные (научные или научно-популяризирующие) функции, которые, впрочем, сами по себе могут быть весьма важными. Естественно, он и не претендует на осуществление поэтической коммуникации, но зато честно поставляет реципиенту максимум сведений о том, что именно говорится в подлиннике — то есть максимально бережно передает его фактуальную информацию. Информация концептуальная и эстетическая (в том числе и формально-стилистическая) выносятся при этом за скобки.

Каждый из этих видов перевода следует оценивать по их эффективности в том коммуникативном аспекте, которому они предназначены. Так, бессмысленно ставить в вину поэтическому переводу искажение фактуальной информации, а от перевода стихотворного требовать эстетической адекватности. Конечно, из всякого правила бывают ис-

³⁴ См.: Винокур Г. О. Указ. соч. С. 390.

³⁵ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. С. 11.

ключения, и наверное, может иметь место такой счастливый случай совпадения коммуникативных механизмов разноязычных текстов, когда поэту-переводчику удастся воспроизвести не только концептуальную и эстетическую, но и фактуальную информацию во всех ее подробностях. Но в принципе это было бы явлением, противоречащим закону комплиментарности семантической системы языков и поэтому едва ли не противоестественным. Чрезвычайная вербальная близость поэтического перевода к подлиннику должна скорее разбудить в исследователе и критике подозрение в том, что переводчик пожертвовал некоторой существенной долей концептуальной и/или эстетической информации источника или значительно видоизменил ее. Наверное, об этом не всегда приходится сожалеть: наша отечественная школа поэтического перевода знает немало случаев, когда перевод более эффективен в плане поэтической содержательности, нежели оригинал. Но это уже вопрос, не имеющий отношения к проблеме переводческой адекватности.

Любой из описанных видов перевода высвечивает подлинник с определенной информативной стороны (концептуально-эстетической, фактуально-стилистической, фактуально-вербальной). Наверное, чтобы получить «объемную» информативную картину, надо располагать минимум тремя коммуникативно-различными вариантами перевода каждого значительного поэтического текста.

М. П. Брандес

(Москва)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА

Задачей статьи является описание инвариантной стилистической основы текста оригинала, которая должна оставаться тождественной для текста перевода и понимание которой способствует достижению существенной степени эквивалентности перевода.

Статья носит постановочный характер и отнюдь не претендует на законченность и полноту. В центре внимания здесь находится проблема понимания как основа перевода, ибо, чтобы донести текст при переводе до реципиента, нужно понять сначала его самому, а уже затем путем перевода интерпретировать и объяснять его другому.

Понимание — это ни исходная, ни простейшая операция мышления. Первичную операцию мышления представляет процесс формулирования мысли, который способствует пониманию. Процесс формулирования мысли в свою очередь является исходной операцией стилеобразования. Таким образом, понимание и стилеобразование, перевод и стиль сходятся как в фокусе в

процессе формулирования мыслей и в законченном высказывании как его результате.

Проблема понимания не возникла бы при переводе, если бы человеческие языки были устроены наподобие номенклатуры, в которой объектам однозначно приписывались бы слова-ярлыки. В этом случае был бы возможен однозначный перевод. Но за человеческими языками стоит мир, вернее целые миры, не только предметы и явления и их связи, а целые системы их порождения и функционирования, которые все отражены в тексте.

Переводчик, выступая в качестве посредника между автором произведения и читателем, должен прежде всего передать мысль автора, иными словами сформулированное содержание, а следовательно добиться понимания.

Понимание — это акт превращения линейной последовательности символов текста в представление их смысла. Способом установления понимания и его практического воплощения является язык, который при переводе выступает как механизм дешифровки смысла в любом исходном тексте. Понимание является комплексной, многоуровневой и многоаспектной операцией мышления. В ней есть «зоны», исходные параметры, за которые можно ухватиться, чтобы создать инвариантную структуру перевода вообще, т. е. определить границы перевода и в рамках этих границ попытаться найти решение более частных переводческих проблем, и соответственно в рамках этих границ найти место различным переводческим стратегиям.

Понимание связано прежде всего со знанием. Многообразные формы знания можно разделить на две группы. Первую составляют те, которые несут фактуальную информацию о событиях, вещах, свойствах и т. д. (т. е. «знать, что»). Вторая группа — это знание о способах действия, применения, создания и т. д. (т. е. «знать, как и зачем»). Последнее связано с усвоением смысла текста. Таким образом, всякий текст содержит наряду с фактуальной информацией также разного рода команды и алгоритмы действий, в частности такие, как понимание и переживание. Первая оценивается с позиций истинности, второе — с точки зрения эффективности понимания и действенности. Это двустороннее единство текста составляет объективное основание понимания.

И хотя понимание зависит в первую очередь от языка, от знания смысла слов, переводческая проблема понимания имеет в виду «исчерпывающее понимание», что в свою очередь предполагает знакомство с конкретными условиями и ситуациями, которые объективированы в тексте и которые мотивируют использование языка в тексте.

Отсюда, существуют два основных подхода к пониманию: гносеологический, связанный с предметно-объективным вхождением в ситуацию понимания, и семиотический, системно-информационный, связанный с конструктивным вхождением в ситуацию понимания, когда адекватность ее смыслового потенциала

выверяется построением и воссозданием узловых моментов этой ситуации.

Современный уровень развития науки позволяет свести в единую систему несколько уровней понимания, сложившихся исторически.

Итак, исходные постулаты, формулирующие проблему понимания в ее «исчерпанности» сводятся к следующему:

1) презумпция «осмысленности», т. е. понять можно то, что имеет смысл и стало быть приобщено к человеческой деятельности, а следовательно и к коммуникации. Смысл — это все то, что испытало воздействие человеческого труда и хранит в себе отпечаток этого труда. Смысл — это социальная функция, за которой стоит интенция, мотивация, цель, т. е. нечто внутреннее, субъективное;

2) понимание — это в какой-то мере повторение процесса создания текста, его реконструкция. Текст всегда в определенной степени содержит структуру понимания;

3) понимание как осмысление связано с нормативно-ценностными системами общественной практики, иными словами, правилами, которые определяют большую и малую переводческую стратегию.

Таким образом, понимание имеет рациональную основу. Оно базируется на реконструкции некоторых инвариантных структур, данных в значениях следов человеческой деятельности, которые закрепляются в словесных произведениях как в социально-исторических образованиях.

Большая стратегия связана с глубинными правилами, которые существуют в виде динамической кибернетической системы, они позволяют человеку воспринимать уникальные коммуникативные ситуации и выражать свои представления о них в языке. Эти правила предстают как абстрактные инвариантные структуры, в которые вкладывается то или иное смысловое содержание, выраженное в виде поверхностных правил, социальных норм.

Глубинные правила носят универсальный характер алгоритмов; поверхностные правила, будучи реализацией глубинных, имеют специфическую национальную окраску и различаются в разных языках. Приведенные постулаты отвечают на вопрос «что значит понять». Ответ на второй вопрос «как понять» носит дифференцированный характер. В данной статье делается попытка дать ответ на этот вопрос, ориентируясь на модель социальной организации текста, которая составляет стилистический инвариант текста. Под стилистическим инвариантом понимается структура субъективной стороны информационно-коммуникативных отношений, остающаяся тождественной в различных системах изложения словесных произведений. Стилистический инвариант соотноситель с системным, теоретико-информационным уровнем понимания, пониманием стиля текста как социальной системы в рамках законченного произведения. Под

«социальной» системой понимается система «смысловая», которая не кодифицируется непосредственно в языке, а кодифицирована в структуре текста. Лишь через эту структуру смысл может быть приписан языку.

Текст — явление многокачественное и многомерное. Его самое общее недифференцированное определение: текст — это любое связанное знаковое образование. Такое общее определение текста обозначило в общих чертах предмет изучения лингвистики текста — связность, целостность, интегративность — и поставило вопрос о раскрытии базисных механизмов интеграции целого.

На протяжении почти трех десятков лет существования лингвистики текста в современном варианте в центре внимания исследователей находился «текст, взятый сам по себе», как единичный языковой объект и его внешние наблюдаемые множества. Такие множества как абзацы, строфы, сверхфразные единства, топикальные единства и т. д. рассматривались и рассматриваются как категории целостности текста.

Расширение границ научного знания в тексте пошло дальше по линии открытия закономерностей целостности текста как макрообъекта, т. е. текста, взятого как элемента более широкой функционально-коммуникативной системы. Текст начинает рассматриваться как посредник в речевой коммуникации. В этой связи появляется второе, коммуникативно-речевое измерение целостности текста, которое стало предметом изучения психолингвистики, коммуникативной лингвистики, отчасти стилистики текста. Базисом интегративности текста в этом измерении выступает целеназначенность текста, а также ее реализаторы — речевые акты.

И, наконец, микромасштабное представление о природе текста, прагматико-управленческое, кибернетическое видение текста, связано с макромасштабным, функциональным и существующим на его основе. Микромасштабный подход предполагает внутреннюю дифференциацию функциональной системы на основе учета конкретных условий и введения в эту систему параметров управляющего и управляемого объектов. Т. е. речь идет о кибернетической системе в рамках функциональной системы.

Интегративность при таком подходе усматривается в так называемой внутренней форме (Гумбольдт, Потебня) или внутренней речи (Выготский), или иными словами в «смысле» (Жинкин). Этот уровень интеграции текста выполняет роль своеобразного генетического кода, который управляет всеми процессами текстообразования и функционирования текста.

Данный смысловой уровень интеграции текста пока еще не нашел практической разработки и только начинает заявлять о себе в науке.

Таким образом, знание о тексте образует некоторую уровневую картину, а именно трехмерное знание о тексте и его пред-

мете «интегративности». В интегративности, целостности текста сходятся знание о тексте и его понимание, которое также носит целостный характер.

Микромасштабная интегративность текста имеет основанием социальную сторону текста, что в свою очередь предполагает рассмотрение текста как продукта коммуникативно-речевой деятельности, а следовательно, и носителя социальных общественных функций и прежде всего коммуникативной функции, складывающейся из функции сообщения и воздействия. Функция воздействия в свою очередь двухмерна: кроме собственно воздействия в нее включается функция управления этим воздействием и восприятием текста, а следовательно и пониманием. Данностью этих функций, способом их бытия является текст оформленный в словесное произведение, точнее функциональная структура словесного произведения.

Словесное произведение, исходя из выдвижения на первый план коммуникативной функции, рассматривается как семиотический объект (т. е. не как предмет, а как средство), как закрытый код, в котором запрограммирован процесс создания этой функции, процесс многоступенчатый: смысловой, речевой, языковой, охватывающий весь диапазон деятельности от производства текста до его восприятия.

Словесное произведение — это комплексное образование, духовно-предметная целостность, в которой выделяются два вида целостности: целостность содержания и целостность формы. Природа содержания и природа формы различны, а следовательно различна и природа тех принципов, на основе которых создаются эти две целостности: в основе целостности содержания лежит метод отражения действительности, в основе целостности формы — конструктивная человеческая деятельность по созданию системы трансляции этого содержания адресату, иными словами системы изложения этого содержания.

В рамках словесного произведения как комплексного образования помимо целостности как внешней стороны этого образования (это количественная категория) можно выделить внутреннюю, качественную категорию — систему, на которой покоится целостность. Подлинная целостность не является чем-то первичным, а только функцией системы. Под системой понимается такая совокупность взаимодействующих компонентов, свойства которой больше суммы свойств составляющих ее элементов. Исходным признаком системы является интегральное единство, а специфическим предметом изучения — интегральное свойство объекта.

Понятия «система» и «интеграция» — понятия соотносительные. Понятие «система» подчеркивает объективную сторону целого, а понятие «интеграция» — субъективную, процесс и механизм объединения частей, механизм приобретения целым интегральных характеристик.

В соответствии с вышесказанным в словесном произведении существуют две системы: моделирующая система, организующая содержание, и система, моделирующая изложение, организующая коммуникацию.

Первая система носит естественноисторический характер, она есть; система изложения — система искусственная, созданная творчеством человека, т. е. это система социальная. Таким образом, словесное произведение — это синтез природного и социального, материального субстрата и реализованного в нем труда. Последний выступает в виде конструкции содержания и соответствующей ей организации языка.

Деятельность по созданию произведения, как и любая деятельность, имеет два фокуса: предмет, подвергающийся обработке, и адресата, потребителя, который также подвергается обработке, ибо потребляет он только в общении с предметом, а общение, т. е. трансляция предмета (содержания) — это процесс своеобразной обработки людей людьми.

Деятельность можно рассматривать как интеграцию, соединение содержания и адресата воедино. Очень важно установить основание такой интеграции, которым может быть либо мысль, либо адресат. Очевидно, здесь в зависимости от специфики основания происходит раздел между лингвистикой и стилистикой текста: ориентация на мысль, предмет формирует лингвистику текста, ориентация на цель, адресата — стилистику текста. Соответственно, лингвистика текста оперирует с текстом как естественноисторической системой, и в данном случае оправданы методы изучения, а следовательно и понимания, текста лингвистическими средствами. Стилистика текста оперирует с текстом как искусственной, социальной системой и предполагает для его изучения (и понимания) иные методические установки.

Таким образом, текст как социальная система, иными словами функциональная, а не предметная, объективирует социальное, субъективное содержание произведения и существует в виде формы. У переводчика должен быть выработан навык видения формы.

Ф о р м а — это не внешний вид, не совокупность чувственно-материальных элементов, а это откристаллизовавшееся человеческое содержание, результат пересечения целого «пучка» субъектно-объектных отношений, существующих в виде знаковых образований разной субстанции, идеальной и материальной.

Форма — многоуровневая, по меньшей мере, трехуровневая (смысловая, речевая, языковая) иерархическая система, компоненты которой связаны между собой функциональными отношениями. Будучи знаковой по своей природе, она имеет две стороны: статическую (в этом аспекте она отграничивает содержание, придает ему определенность) и динамическую, коммуникативно-управленческую, она коммуницирует содержание, т. е. в ней человек имеет дело с другим человеком). Динамическая

сторона формы известна как способ изложения, способ повествования. При семиотическом изучении формы она выступает как динамическая процессная форма. По структуре форма словесного произведения двуслойна, она представляет собой взаимопереплетение жанровой и стилевой форм, как объективной и субъективной стороны общей формы.

В основании формы лежит интегральный конструкт, субстанцию которого образуют синтаксическая и прагматическая функции и который смоделирован с учетом семантической функции высказывания.

В процессе создания и функционирования формы происходит сбрасывание одной кодовой формы и замена ее другой: смысловой код (конструкт) заменяется речевым кодом, а затем языковым. В этих знаковых структурах закодирована программа восприятия и понимания, соответствующая целеназначенности произведения. Она является одновременно нормой, правилом организации языка в тексте и понимания языкового текста.

Для изучения формы как системы изложения, которая является искусственной социальной системой, существует своя логика, свой строй мышления, свой язык, отличный от вербального языка и логики его изучения, свой новый проективно-конструктивный метод, т. е. метод изучения предмета путем прослеживания его становления. Этот метод в отличие от традиционных аналитических методов является методом синтетическим, близким научно-практическим, инженерным методам.

Для изучения текста как искусственной функциональной системы используется новый эвристический язык, который отличается от естественного вербального языка. Этот новый язык является формализованным языком, построенным на основе естественного языка, но он не просто повторяет материальные структуры естественного языка, а создает новые композиции, заимствуя нередко для этой цели формулы из других областей науки, которые отражают некие структурные формы объективной реальности. К единицам формализованного языка относятся композиционно-речевые формы: описание, сообщение, рассуждение, заимствованные из логики и поэтики; тональности, заимствованные из теории музыки; архитектурно-речевые формы: монолог, диалог, полилог, заимствованные из риторики. Из таких готовых «блоков» строится система изложения.

Таким образом, известные из риторики, поэтики, музыковедения, логики и т. д. формы сводятся в новый формализованный язык, который представляет собой свернутую в конструкции коммуникативную функцию естественного языка. Образование внешних языковых форм проходит в свете этого единого формализованного языка, или внутренней формы, которая представляет собой сквозное формирующее начало в тексте. В результате создается язык текста как материальный объект-носитель социально-системных качеств текста, социальной информации.

Отсюда нужно различать язык как материал словесного произведения и язык как материальный объект-носитель. Языковой материал есть материально-физическая основа языкового творчества, с помощью которого объективируется понятийное содержание произведения, материальный объект-носитель — компонент законченного произведения, носитель, код функционального, социального или смыслового содержания, что одно и то же. Языковому носителю-коду предшествует речевой код, который в свою очередь является производным от формализованного языка, или конструктивного кода.

Понимание как вхождение в конструкцию, стилистическую ситуацию произведения предполагает распознавание языка произведения как объекта-носителя смысловых содержаний, без чего не мыслим адекватный перевод.

В. А. Иовенко

(Москва)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАУЗАТИВНОГО СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Современный этап развития языкознания характеризуется повышенным вниманием к контрастивным исследованиям, которые, в частности, нацелены на решение двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, сопоставительные изыскания позволяют выявить закономерности, сходства и различия в структуре и функционировании языков. С другой, они могут служить одним из методов лингвопереводческого анализа¹. В ходе подобных исследований при сопоставлении текстов ИЯ и ПЯ определяются причины и типы характерных переводческих преобразований, пути достижения адекватности при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ, вырабатываются переводческие фильтры и рекомендации.

В работах последних лет наблюдается тенденция к сопоставлению языков на уровнях системы, нормы и узуса². Иерархия отношений между взаимодействующими элементами триады «система, норма, узус» отражает объективные процессы языкового варьирования. Применимость этой концепции к задачам общей и частных теорий перевода обусловлена тем, что она релевантна для каждого языка, который рассматривается с точки зрения его системных, нормативных и узуальных характеристик. Потому ее можно использовать в качестве основы сопоставительных и переводческих исследований. Зная существующие расхождения между языками как следствие их несовпадения на уровнях системы, нормы и/или узуса, можно выявить способы преодоления межъязыковых различий в процессе дости-

¹ См., напр.: Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ//Тетради переводчика. Вып. 16. М., 1979.

² Гак В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка//Иностранные языки в школе. 1979; № 3. Ваксман Б. И. Норма и тенденции в развитии языка//Структурное и функциональное развитие романских языков//Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981; Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М., 1981; Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования (испанский язык Испании и Америки). М., 1979; Coseriu E. Sistema, norma, habla//Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid, 1973.

жения адекватности при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ.

В данной статье излагаются некоторые результаты ориентированного на задачи перевода сопоставительного анализа 4 тысяч испанских высказываний каузативного смысла и их переводов на русский язык.

Категория каузативности, одним из средств выражения которой выступают лексические каузативы (*conducir, llevar, ahuyentar, sorprender, fascinar, tranquilizar, etc.*), отражает такие внелингвистические ситуации, при которых каузирующее причинение субъекта выводит объект из прежней процессуальности, вызывая целенаправленно или неосознанно новые действия или состояния объекта (автономное передвижение, изменение положения в пространстве, новое эмоционально-чувственное, интеллектуально-эмоциональное, психофизиологическое состояние, новая интеллектуальная деятельность).

Системные расхождения между испанским и русским языками в плане выражения понятийной категории каузативности проявляются в частичном несовпадении средств выражения каузативных значений в связи с отсутствием в ИЯ и ПЯ ряда лексических каузативов (ЛК). Это объясняется несовпадением словообразовательных ресурсов двух языков. Так, в русском языке, в отличие от испанского, не образуются ЛК от таких имен существительных, как «отчаяние, удовольствие, испугание, негодование, мужество, боязнь, грусть, тоска, растерянность, неприязнь, усталость, надежда, гордость, любопытство, молчание, бег, действие» и др.

Расхождения на уровне системы между сопоставляемыми языками проявляются также в несоответствии объемов значений у некоторых ЛК. В частности, это относится к испанским ЛК с префиксом

des- (dis-): *desesperar, desconcertar, disgustar, desalentar, despistar, desaparecer, desanimar, desagradar, discontentar* и др. и их соответствиям в русском языке. Подобные ЛК испанского языка характеризуются более широкой семантической структурой, чем соответствующие русские лексемы-конверсивы, так как они в синкретической форме передают идеи «каузация» и «конкретное проявление новой процессуальности» (ср.: *desesperar* — отчаяться, привести в отчаяние, но не* отчаять кого-л.).

Необходимость преодоления системных расхождений при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ детерминирует использование приемов лексического развертывания, т. е. перифразирования (П), конверсивной трансформации (К), синонимической замены (С) или комбинирования приемов перифразирования и конверсии (П+К).

Перифразирование (П) заключается в том, что в высказывании на ПЯ в зависимости от ситуации вводится дополнительная глагольная лексема общепричинного значения, которая сочетается с соответствующим существительным каузативного значения:

Los balazos *habían desconcertado* a los peones (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor.)

П: Выстрелы *привели в замешательство* игроков (M. Vargas Llosa. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой.)
...ese es el único elogio que le *satisface oír* (M. Otero Silva. Cuando quiero llorar no lloro).

П: ...это единственная похвала, которая всегда *доставляет* ему *удовольствие* (M. Otero Silva. Когда хочется плакать, не плачу. Пер. М. Былинкиной).

Системные различия между двумя языками могут характеризовать один из участков парадигмы. Так, глаголы *восторгать* и *впечатлять* — одновидовые в русском языке (несовершенный вид). Использование глагола *впечатлять*, кроме того, ограничено разговорной речью. Необходимость передачи значения совершенного вида требует использования перифрастических переводов *привести в восторг*, *наполнить восторгом*; *произвести (создать) впечатление*:

Nos pareció un poco seco..., pero nos *encantó* (J. Cortázar. Final del juego).

П+К: ... (записочка) ... была такой сдержанной, даже сухой.

Но так или иначе, мы *пришли в полный восторг* (X. Кортасар. Конец игры. Пер. Э. Брагинской).

Cuanto le *había impresionado* a Tom su relato (J. Gutiérrez. Puerto Limón).

П: Видно, *большое впечатление произвел* на Тома его рассказ (X. Гутьеррес. Пуэрто-Лимон. Пер. Р. Похлебкина).

Конверсивы (К), выражая «обратнонаправленные» отношения, выступают в качестве контекстуально-ситуационных синонимов в речи и могут рассматриваться как результат межречевой асимметрии. Допустимость изменений в способах описания ситуации при конверсии ограничивается условием сохранения инвариантным смысла высказывания в процессе перехода от ИЯ к ПЯ. Изменению подвергается лишь сигнификативное значение, выражающее способ описания данной ситуации. Таким образом, идентичность описываемой ситуации — важный, но отнюдь не единственный критерий, определяющий выбор адекватных средств выражения в процессе перевода.

Конверсивная межъязыковая трансформация может оказаться одним из следствий несовпадения двух языков на уровне системы, когда в переводе вместо отсутствующего в системе русского языка ЛК используется его конверсив:

Una de las cajas, al ser abierta, recogió la luz de la luna en una forma triangular, acerada, cuya revelación *estremeció* al joven (A. Carpentier. El siglo de las luces).

К: Когда открыли один из ящиков, лунный луч скользнул

по стальному предмету треугольной формы; при виде его (Эстебан) *содрогнулся* (А. Карпентьер. Век просвещения. Пер. Я. Лесюка).

При переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ конверсия бывает связана с межъязыковой транспозицией.

...a su esposa le *maravillaba* escuchar una palabra recurrente: «Hérodas» (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

К: ... *удивленная* супруга различала неизменно слово «Ирод» (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой).

Как известно, в процессе перевода равнозначные отношения устанавливаются не между языковыми единицами, а между речевыми произведениями. Поэтому необходимость использования лексических развертываний или конверсивных трансформаций вследствие расхождений ИЯ и ПЯ на уровне системы возникает только в тех случаях, когда переводчик хочет воспользоваться в соответствующем месте текста ПЯ именно той глагольной лексемой каузативного значения, которая отсутствует в системе этого языка. Следовательно, конкретная предметно-понятийная ситуация, описываемая в тексте ИЯ, имеющийся в распоряжении переводчика набор разнообразных средств оформления мыслей, в том числе и отражающих каузативные ситуации, а также возможность неединичности переводческого решения позволяют использовать в каждом конкретном случае различные языковые средства. В частности, можно воспользоваться приемом синонимической замены, при которой вместо недостающей в системе ПЯ глагольной лексики каузативного значения используется ЛК, выражающий синонимичные значения и входящий в то же лексико-семантическое субмикрополе каузативности, ср.:

¡ Juventud, cuyo recuerdo *desespera!* (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

П: *Молодость!* Воспоминание о тебе *приводит в отчаяние* (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой).

No fue perder dos incisivos... lo que *desesperó* al Padre (Ib).

С: Но не потеря двух передних зубов... *потрясла...* падре (Там же).

В целом, как показывает проведенный нами анализ, системы сопоставляемых языков характеризуются смещенным несовпадением номенклатуры ЛК. Тем не менее испанский и русский языки могут иметь совпадающие в той или иной мере глагольно-каузативные лакуны, например: «любопытство — вызвать (возбудить, разжечь) любопытство»: *curiosidad — aumentar (causar, provocar) curiosidad:*

La respuesta en vez de tranquilizarlo, *augmentó su curiosidad* (G. García Márquez. Cien años de soledad).

Это объяснение, вместо того, чтобы удовлетворить (Аурелиано Второго), только *разожгло* его *любопытство* (Г. Гарсия Маркес. Сто лет одиночества. Пер. Н. Бутыриной и В. Столбова). Выявленные различия между испанским и русским языками на уровне нормы связаны с неодинаковой семантико-синтаксической сочетаемостью элементов в текстах ИЯ и ПЯ, в частности, между глаголом-сказуемым каузативно-акционального значения и именами локальной, темпоральной и событийной семантики. Указанные имена, которые реально имеют функцию обстоятельства места, времени, причины, образа действия или дополнения, в испанском высказывании могут замещать позицию подлежащего. Вследствие несовпадения ИЯ и ПЯ на уровне нормы возникает необходимость использования межъязыковой конверсивной трансформации:

El Centro Superior de Estudios Militares ... *reunió* en seminario un conjunto de personas cualificadas, militares y payсанos (Guión).

В высшем центре военных исследований... *состоялся* семинар с участием военных и гражданских специалистов.

Нормативные расхождения в плане выражения категории каузативности в испанском и русском языках проявляются также в различной сочетаемости между именем субъекта нового действия в функции подлежащего и каузативным предикатом-сказуемым в форме каузативно-пассивного залога. Это связано с ограниченной в русском языке возможностью сохранения каузативно-пассивной структуры с акциональным ЛК из-за семантических факторов залоговой необратимости каузативных предикатов со значениями *стимулировать совместное перемещение, сопровождать, преследовать*:

El médico insistió en *ser llevado* allí (A. Carpentier. El siglo de las luces).

(Оже) настоял, чтобы его туда *проводили* (А. Карпентьер. Век просвещения. Пер. Я. Лесюка).

Сочетаемостные нормы русского языка не позволяют также сохранять в тексте перевода указание на новое состояние объекта и обозначение промежуточной ступени каузативного воздействия в форме инфинитива (указание на интеллектуальную или сенсорную деятельность объекта), требуя его опущения или преобразования в глагол в личной форме, деепричастие и т. п.:

... Lo *desesperaba* ver en qué tinieblas vivía la gente (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

К: Он приходит в отчаяние, сознавая, в каком невежестве пребывает народ (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой).

Ср.: П: Его приводит в отчаяние мысль о том...

*Его приводит в отчаяние сознавать...

Кроме того, русский язык налагает переводческие фильтры и требует перестройки синтаксической организации предложения, не допуская сочетаемости имени субъекта — носителя новой эмоциональной деятельности в функции подлежащего с именем каузатора в функции обстоятельства причины, которое вводится существительным в родительном (творительном) падеже:

Ursula se sentía atormentada por graves dudas... (G. García Márquez. *Cien años de soledad*).

Урсулу мучили тяжелые сомнения... (Г. Гарсия Маркес. Сто лет одиночества. Пер. Н. Бутыриной и В. Столбова).

Ср.: Урсула испытывала муки сомнения.

*Урсула мучилась сомнениями...

Итак, в данных случаях конверсия выступает как следствие несовпадения ИЯ и ПЯ на уровне языковой нормы и является средством преодоления этих расхождений. Поэтому конверсия может рассматриваться как один из типов равнозначного межъязыкового перифразирования, а также как способ достижения адекватности при переводе, обеспечивающий сохранение инвариантности коммуникативного задания автора оригинала при соответствии высказывания нормам ПЯ.

Различия между испанским и русским языками в плане выражения каузативных значений на уровне узуса объясняются тем, что оба языковых коллектива имеют свои устоявшиеся способы описания каузативных ситуаций, которые не всегда совпадают. Преобразования, в частности конверсивные трансформации, мотивированные узуальными различиями ИЯ и ПЯ, имеют вероятностный характер. Частотность использования конверсии при переходе текста ИЯ к тексту ПЯ зависит от тенденций, определяющих преимущественное употребление одного из вариантов, допускаемых нормой языка, и связана с факторами, которые влияют на выбор³.

В ходе сопоставительного анализа высказывания установлено, что испанские и русские каузативные высказывания могут по-разному членить экстралингвистические каузативные ситуации. Так, если испанский каузатив, как правило, «объективен», т. е. при оформлении высказывания направлен от субъекта к объекту, то русский каузатив, особенно аффективный, часто «субъективен». Такой акцент русского высказывания и достигается использованием в переводе приема конверсии, при котором имя субъекто-объекта выполняет функцию подлежащего, а переходная структура каузативного предиката заменяется на непереходную. При этом структура испанского высказывания с

³ Подробнее об этом см.: Новенко В. А. Конверсия при переводе испанских лексических каузативов на русский язык // Сб. статей, № 17. М., 1981.

каузативным смыслом чаще, чем русская фраза, имеет точкой отсчета имя каузатора или субъекта каузирующей пропозиции. Информация о причине каузируемой процессуальности объекта, которая выражается в испанском высказывании, может имплицироваться в русском тексте с его смещением интереса к самому носителю нового признака или к производителю нового действия. В результате при переводе может произойти перераспределение информации, и указание на причину, не меняя коммуникативного задания, отодвигается на второй план или выносится в пресуппозицию. Отмечено, что чаще всего конверсия в тексте ПЯ возникает при обозначении эмоциональной деятельности, связанной с наличием семы *пугать*, и встречается при описании подобных ситуаций в русском языке намного чаще, чем неконверсивный перевод:

... era tímido y todo lo *asustaba* (M. Vargas Llosa. La ciudad y los perros).

... он всегда *трусил* (M. Варгас Льюса. Город и псы. Пер. Д. Гарсиа и Н. Трауберг).

Ср.: Он был робким человеком, и все его пугало.

Сопоставление текстов оригиналов и переводов позволило также установить, что не все переводческие преобразования обусловлены расхождениями двух языков на уровнях системы, нормы и/или узуса. Некоторые преобразования могут быть вызваны другими факторами, которые не связаны с тенденциями ИЯ и ПЯ, определяемыми частотными показателями. Среди таких факторов — необходимость учета внутритекстовых связей, оптимальное стилистическое оформление высказывания на ПЯ и другие.

Характер внутритекстовых связей влияет прежде всего на различное соотношение эксплицитной и имплицитной информации в текстах ИЯ и ПЯ при описании каузативных ситуаций. Так, при переводе на русский язык испанских высказываний акционально-каузативного смысла конверсия сопровождается имплицированием в русской фразе части эксплицитной каузирующей информации высказывания на ИЯ. При этом испанский язык, в отличие от русского, характеризуется во многих случаях большей конкретностью и эксплицитностью:

Me *levó* hasta el lindero (A. M. Matute. Los niños buenos).

Мы *дошли* до большой дороги (A. M. Матуте. Хорошие дети. Пер. Н. Трауберг.)

Подобная структурная экономность и имплицитность некоторых семантических элементов русского высказывания имеет своим следствием в указанных случаях бóльшую зависимость высказывания от ситуации в русском языке по сравнению с испанским и компенсируется указанием на опущенные элементы в тексте или знанием пресуппозиции.

В то же время при переводе с испанского языка высказыва-

ний с обобщенно-неопределенно-личными оттенками каузативно-аффективного смысла с имплицитным именем объекта в русском тексте часто появляется избыточное указание на имя в значении воспринимающего субъекта-лица. В данном случае эксплицитнее и конкретнее оказывается русский язык:

... pero tú no... a la Casa de Socorro, hala, a *molestar* a las cuatro de la madrugada (М. Delibes. Cinco horas con Mario).

...а ты — ни в какую, ... побежал в «Скорую помощь», *поднял всех на ноги* в 4 часа ночи (М. Делибес. Пять часов с Марно. Пер. Е. Любимовой)

От характера внутритекстовых связей и описываемой в тексте ИЯ ситуации зависит также степень необходимости использования в тексте ПЯ трансформации «лексический каузатив» → «аналитический каузатив», особенно при переводе на русский язык высказываний с предикатами каузативно-акциональной семантики *apartar, seragar, cogger*:

Lo que me importa es que van a *separarnos* (М. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

Для меня самое главное, что нас *заставят расстаться* (М. Варгас Льоса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой).

Использование в данном случае ЛК *разлучить* (нас *разлучат*) не совсем верно отражало бы реальную ситуацию оригинала. Переводчик, учтя предтекст, справедливо избрал в качестве эквивалента ЛК *seragar* аналитический каузатив *заставить расстаться*. Именно эта форма адекватно описывает события в тексте ИЯ.

С другой стороны, в связи с возможным перераспределением информации, осуществляемым переводчиком с учетом характера внутритекстовых связей, в русском переводе, в отличие от испанского текста, может отсутствовать каузативная конструкция:

... como en las campañas, cuando lanza a su compañía entre el fango y la *hace rampar* sobre la hierba (М. Vargas Llosa. La ciudad y los perros).

... как на ученье, когда он загонит роту в грязь, махнет рукой или свистнет, и они *ползут* по камням и по мокрой траве (М. Варгас Льоса. Город и псы. Пер. Д. Гарсиа и Н. Трауберг).

Стилистическими факторами, а именно необходимостью обеспечить завершенность ритмической уравниваемости, стилистической однородности или корректности обусловлено использование в тексте перевода, особенно в стиле художественной литературы, перифрастических оборотов и пассивных трансформаций.

Итак, сопоставительный анализ позволил не только вскрыть сходства и отличия в способах выражения каузативного смысла высказываний в испанском и русском языках, обусловленные их расхождениями на уровнях системы, нормы и узуса, но и выявить способы преодоления межъязыковых расхождений в целях достижения адекватного перевода.

А. В. Михеев

(Москва)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ РИТОРИКА

В современных условиях перевод общественно-политических текстов на английский язык приобретает особое значение, выступая как средство пропаганды и орудие идеологической борьбы. Объем издаваемых ежегодно общественно-политических текстов, ориентированных на иноязычную (англоговорящую) аудиторию достаточно велик и, по мере роста международных связей, продолжает увеличиваться. Здесь и выступления государственных, партийных и общественных деятелей; публикации международных, правительственных и общественных организаций; статьи, посвященные борьбе за мир, разрядке международной напряженности, сокращению и ограничению вооружений, национально-освободительному движению, экономическим отношениям и т. д. Целый ряд издательств у нас в стране и за рубежом специализируется на выпуске именно такой литературы на иностранных языках, в частности на английском, например, АПН, Прогресс, Панорама (ГДР), Орбис (ЧССР) и т. д.

Характерной особенностью общественно-политического текста является то, что он выступает не просто как некоторое содержательное целое, т. е. несет информацию о каких-либо событиях, фактах, проблемах и т. д. Общественно-политический текст — это прежде всего определенная точка зрения по данному вопросу; он призван создать некоторое умонастроение, опровергнуть те или иные взгляды, укрепить приверженность каким-либо принципам, сломать предубеждение. Иными словами, общественно-политический текст предназначается для агитационно-пропагандистского воздействия на аудиторию. В отличие от научно-технического текста, который используется для простой передачи информации и выполняет гносеологическую функцию, или художественного текста, который рассматривается с точки зрения его эстетической ценности, авторского стиля, в общественно-политическом тексте на первый план выдвигается аксиологический аспект его содержания.

Очевидно, что все это предъявляет особые требования к переводу и прежде всего в плане подачи материала, которая форми-

рует эту специфическую точку зрения и обеспечивает агитационно-пропагандистское воздействие. Успех во многом определяется тем, насколько эффективно используются в переводе языковые средства воздействия и насколько переводной текст отвечает принятым в другом языковом коллективе нормам массовой коммуникации. Всякий перевод, ориентированный на передачу лишь содержания общественно-политического текста и игнорирующий необходимость обеспечить его воздейственность, в принципе не может быть признан адекватным.

Проблема воздействия на аудиторию традиционно относится к компетенции риторики, представляющей собой свод отработанных общественно-языковой практикой правил, методов и приемов, использование которых в данной коммуникативной ситуации гарантирует наибольший эффект. Несмотря на то, что сам термин «риторика» приобрел отрицательные коннотации, особенно в современном политическом жаргоне, в англоязычной традиции риторика сохраняет очень сильные позиции. Курс риторики обязательно читается практически в каждом университете и колледже, и по сути дела, вся массовая коммуникация в англоговорящих странах строится по канонам современной риторики, которая понимается как устная или письменная коммуникация, имеющая целью воздействие и убеждение. Существует целый ряд практических курсов и теоретических исследований по риторике, на которые мы будем опираться в изложении последующего материала¹.

Опора на современную английскую риторику открывает новые горизонты в переводе общественно-политических текстов, так как дает в руки переводчика упорядоченный и отработанный общественно-языковой практикой свод правил массовой коммуникации. Это особенно важно, учитывая, что в большинстве случаев переводом общественно-политических текстов занимаются люди, для которых английский язык не является родным, а даже хорошее филологическое образование не обеспечивает тот уровень специализации и профессионализма, который необходим для того, чтобы стать хорошим переводчиком на английский язык. Так, например, в обычном курсе грамматики рассматриваются вопросы правильности, но не отбора наиболее эффективных в плане воздейственности грамматических структур, а курс стилистики английского языка строится с акцентом на анализ материала и индивидуальное авторское творчество. Напротив, риторика идет дальше грамматической правильности и «превращает грамматически правильные предложения в хорошую, действенную прозу»², а в отличие от стилистики она делает акцент на процесс производства текста, а не на конечный

¹ См., напр.: *Hairstone M. A Contemporary Rhetoric*. Boston, etc., 1978; *Rhetoric: Theories for Application*. Champaign, Ill., 1967; *McCroskey J. C. An Introduction to Rhetorical Communication*. Englewood Cliffs, New Jersey, 1968.

² *Rhetoric...* Op. cit. P. 7.

продукт, и — что особенно важно — переносит внимание с автора с присущими ему особенностями языкового творчества на самую массовую аудиторию с ее социальными установками, ожиданиями, культурными, этическими и мировоззренческими ценностями³.

Что же может дать риторика общественно-политическому переводу? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся сформулировать ниже, сосредоточив внимание прежде всего на формальных, а не на содержательных аспектах текста, поскольку, как указывал А. В. Федоров, «в произведениях общественно-политической литературы, в критике, в публицистике, в ораторской речи, где наряду с сообщением определенного содержания преследуются цели особого агитационно-пропагандистского воздействия на читателя или слушателя, средства синтаксиса играют гораздо более активную роль»⁴. В качестве примеров мы будем использовать переводы, опубликованные на страницах периодической печати, в международных изданиях и т. д., не указывая, однако, их источники. Наша задача не столько в том, чтобы подвергнуть критике неудачные переводы и предъявить претензии их авторам, сколько в том, чтобы показать возможности улучшения качества перевода и привлечь к этому внимание как практиков, так и теоретиков перевода.

По словам Р. Горрелла, «риторику можно рассматривать как исследование выбора среди имеющихся средств дискурса. Выбор предполагает предвосхищение эффекта, и поэтому ритору необходимо использовать всю имеющуюся информацию о том, как функционирует язык»⁵. Так, уже на уровне элементарной подлежащно-сказуемой организации предложения риторически обоснованный выбор конкретных и абстрактных слов оказывается значимым и в плане повышения ответственности переводного текста. Риторика признает, что конкретные слова являются более эффективными в качестве подлежащего, так как облегчают восприятие⁶. Это требование риторики вызывает определенные трудности при переводе на английский язык. Дело в том, что в общественно-политических текстах на русском языке господствует номинативный стиль, сохранение которого в переводе отрицательно сказывается на его ответственности:

Переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировой арене.

The passage from the cold war, from the explosive confront-

³The New Encyclopdia Britannica. 3rd ed. Vol. 15. P. 789.

⁴ Федоров А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. М., 1968. С. 256.

⁵ *Phetoric*. Op. cit. P. 3.

⁶ *Hairstone M.* Op. cit. P. 147; *Mottershead E.* *Get up and Talk*. Book 1. Chicago, Ill., 1950. P. 28.

tation of the two worlds to detente was primarily connected with changes in the correlation of world forces.

Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому. Сейчас же, в ядерный век это просто абсурдно и недопустимо. Превращение противоборства идей в военное противоборство обошлось бы слишком дорого для всего человечества.

The shifting of ideological contradictions to the sphere of interstate relations has never benefited the party who has resorted to it in foreign affairs. At present, in the nuclear age, this is simply absurd and inadmissible. It would be too costly for the whole of mankind to transform the battle of ideas into military confrontation.

С точки зрения грамматики это, безусловно, правильный перевод, но с точки зрения риторики перевод не эффективный именно вследствие того, что в качестве подлежащих используются абстрактные существительные. Вместе с тем существует возможность простейших преобразований, способных значительно усилить их риторический эффект. Здесь можно сформулировать несколько простых правил:

1. Использование слов-заместителей, обеспечивающих переход к глагольным конструкциям, например:

Attempts to bring ideological differences into the sphere of interstate relations have always been counterproductive...

2. Использование грамматических преобразований с переходом к придаточным предложениям условия или времени, которые, кстати говоря, гораздо более частотны в английском языке, например:

When the world moved away from the cold war and abandoned confrontation in favour of detente, it was primarily due to the changing pattern of forces in the international sphere...

3. Использование грамматической инверсии для выдвижения конкретного слова в позицию подлежащего, например:

Готовность Претории к использованию любых форм террора стала особенно очевидной после провозглашения в стране чрезвычайного положения.

That Pretoria was ready to resort to the extremes of terror has been evident ever since the state of emergency was declared in the country.

Абстрактные существительные в позиции подлежащего имеют еще и то отрицательное последствие, что влекут за собой ограничение выбора глагола-сказуемого, и чаще всего таким глаголом становится «пустой» в семантическом отношении глагол

to be⁷. Таким образом, опора на слова конкретной семантики в сочетании с глаголами действия⁸, может существенно усилить эффект перевода.

Риторически обоснованный выбор слова тесно связан с проблемой структурной организации предложения, которой в современной английской риторике также уделяется большое внимание. Особый интерес в плане перевода представляет использование пассивных конструкций. Именно выбор абстрактного слова-подлежащего нередко вынуждает переводчика прибегать к пассиву, который, однако, лишь снижает эффект перевода. В некоторых случаях пассивные конструкции в переводе «подсказаны» безличными или неопределенно-личными предложениями, которые достаточно широко распространены в русском языке. Однако они вовсе не эквивалентны в риторическом отношении. Так, в следующем примере синтаксис русского оригинала как бы олицетворяет действие темных, враждебных делу мира сил, а в переводе мы имеем просто сухое и бесстрастное перечисление:

Под всякими надуманными предлогами расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США. Создаются плацдармы для прямого вмешательства с помощью вооруженной силы в дела других государств, для использования американского оружия против любой страны, отвергающей диктат Вашингтона.

American military presence is being extended under pretexts of all sorts thousands of kilometres from US territory. Military bases are set up for the purpose of direct armed interference in the affairs of other states, and for the use of US weapons against any country which rejects Washington's diktat.

Использование пассива в тексте подчиняется нескольким твердым риторическим правилам:

1. Субъект действия неизвестен.
2. Субъект действия известен, но по некоторым важным причинам его нельзя или не следует упоминать.
3. Объект действия представляется настолько более важным, чем деятель, что на первый план выдвигается именно объект⁹. В противном случае риторика настойчиво рекомендуют использовать активные конструкции, основанные на модели «действующее лицо — действие — объект действия»¹⁰. Несмотря на то, что в приведенном выше примере действующее лицо не указано, оно известно из всего контекста, и поэтому в таких случаях переводчикам следует смело идти на структурные перестройки, с

⁷ *Hairstone M.* Op. cit. P. 147.

⁸ См.: Пособие по практической стилистике английского языка и стилистическому редактированию перевода/Сост. Стрелкова Н. С. М., 1975. С. 17.

⁹ *Gorrell R. M. and Laird Ch.* Modern English Handbook. N. Y., 1954. P. 239.

¹⁰ *Leggett G., Mead C. D. and Charvat W.* Prentice-Hall Handbook for Writers. Englewood Cliffs, New Jersey, 1978. P. 256.

тем чтобы сделать перевод более динамичным и, следовательно, более воздейственным. Перевод выигрывает, если в нем используются активные конструкции:

Under far-fetched pretexts the USA has extended its military presence thousands of kilometres from its territory, set up bridgeheads for direct armed interference in the affairs of other states and the use of US weapons against any country which rejects Washington's diktat.

Важным средством воздействия, часто используемом в общественно-политических текстах, служит вопрос. Фактически вопрос представляет собой разновидность эмпазы, так как основан на инверсировании порядка слов. Особого внимания заслуживают вопросы в отрицательной форме, которые имеют одновременно и положительную, и отрицательную предпосылку и «обычно выражают некоторую степень удивления или даже разочарования или раздражения»¹¹. Если переводчик слепо следует за русским оригиналом, то это может привести даже к нежелательному эффекту. Например:

With the approach of the 21st century, there is anxious concern throughout the world over the future of humanity. Couldn't you comment, in this context, on the following problems:

— Don't you believe that the world has been closer to the brink of a world-wide conflagration in the past two years?

Создается впечатление, что задающий вопрос удивлен или раздражен тем, что его собеседник не видит грозящей миру опасности, а в интервью с крупным политическим деятелем, откуда взят данный пример, это просто грубый промах.

Следует сказать также несколько слов и о риторическом вопросе, который используется исключительно для того, чтобы создать эффект, и который не предполагает или не требует никакого ответа. Риторический вопрос является сильным риторическим средством эмпазы, и поэтому им не следует злоупотреблять¹². Перевод на английский язык особенно проигрывает в действительности, если вопрос используется для того, чтобы придать тексту полемическую заостренность там, где достаточно простого утверждения или констатации фактов:

As everyone will remember, the SALT-2 Treaty was signed in the summer of 1979. Soon after the signing ceremony, James Carter, and later Ronald Reagan, who succeeded him at the White House, started making allegations that no parity existed and that the USSR had left the USA far behind in strategic arms. How is this turn-about to be explained? Could the Soviet Union, in one or two years have achieved superiority, and

¹¹ Leech G. and Svartvik J. A Communicative English Grammar. M., 1983. P. 96.

¹² Gorrell R. M. and Laird Ch. Op. cit. P. 247.

a substantial superiority at that, in strategic arms, which require years and years to produce? Or had some unexpected facts come to light, which had previously been overlooked?

But no new facts had come to light. It was all sheer invention on the part of the Washington Administration leaders.

Нагромождение вопросов в конце абзаца, имеющих к тому же сложную структуру, затрудняет восприятие текста. Вместе с тем вопрос может служить эффективным средством структурной организации абзаца или перехода от одного абзаца к другому¹³. Перевод значительно выиграл бы, если бы переводчик решился на структурные изменения в тексте: оставил бы только один первый вопрос, а все остальные вопросы преобразовал в утверждения и использовал для аргументации ответа, ср.:

How is this turn-about to be explained?

In one or two years the Soviet Union could not have achieved a massive superiority in strategic arms, which take years and years to develop, and no new facts emerged, which previously could have been overlooked. The allegations of both US Presidents were totally groundless.

Большим риторическим потенциалом обладает отрицание, которое выполняет в тексте ярко выраженную аргументирующую функцию¹⁴. Нередко оно используется для выделения наиболее значимых элементов высказывания и тоже выступает как средство эмпазы. Однако при переводе на английский язык отрицание может представлять определенные трудности, например, в конструкции «не только не... но и...», которая широко используется в общественно-политических текстах на русском языке. Копирование этой конструкции может иметь антириторический эффект, так как порождает так называемое «двойное отрицание», ср.:

К сожалению, приходится констатировать, что и сегодня решения Генеральной Ассамблеи не только не реализованы, но на пути их реализации воздвигнуты новые препятствия, а палестинский народ стал объектом открытого геноцида.

Unfortunately we must note that even today the decisions of the General Assembly not only have not been implemented but the way to their implementation has been hindered by new obstacles, while the Palestinian people themselves have become the object of blatant genocide.

Использование двух отрицаний в переводе, воспроизводящем структуру русского оригинала, нельзя считать солицизмом, по-

¹³ *Hairstone M. Op. cit. P. 86; Mottershead E. How to Organize Your Ideas. Book 2. Chicago, Ill. 1950. P. 47.*

¹⁴ See: *Givón T. Negation in Language: Pragmatics. Function. Ontology// Syntax and Semantics. N. Y., etc., 1978. Vol. 9. P. 69—112.*

сколько формальный запрет на употребление двух отрицаний имеет некоторые исключения, и все определяется сферой действия отрицания¹⁵. Однако даже если эта структура приемлема в грамматическом отношении, то ее нельзя считать риторически эффективной, поскольку по определению эмпфаза должна не затруднять, а облегчать восприятие наиболее значимых элементов высказывания.

В английском языке есть еще одно средство эмпфазы, пользующееся большой популярностью. Речь идет о так называемом мейозисе, т. е. разновидности литоты, которую англичане называют *understatement*. Это прежде всего использование приема двойного отрицания, например: *not unusual, not infrequently, not unkind*. Но если в английском языке этот прием используется с избытком¹⁶, то переводчики на английский явно недооценивают его риторический эффект. Вместе с тем возможности для его использования есть:

Буржуазная пресса в эти дни поистине напоминает придворных андерсеновского голого короля, сохраняя молчание о беспрецедентном политическом поражении Соединенных Штатов в ООН 15 декабря.

Not unlike the courtiers of the naked emperor in Hans Christian Andersen's fairy tale, the western press maintains a total blackout on the unprecedented political defeat sustained by the USA in the UN General Assembly on December 15.

Говоря о выборе эффективных структур для перевода общественно-политических текстов на английский язык, отметим, что риторически значимыми являются даже тривиальные различия между простыми и сложными предложениями. Так, простые предложения более пригодны для констатации фактов, утверждений и определений, а сложные — для «упаковки» сложных мыслей, выявления всевозможных отношений между ними¹⁷. Здесь следует отметить, что в воздейственных текстах современные английские риторики рекомендуют опираться на простые синтаксические построения. Поэтому переводчику следует смелее использовать приемы членения, но это, в свою очередь, требует умелого использования языковых средств логической связи и развития мысли, которые нужно использовать экономно, не засоряя текст ненужными «*however, moreover, consequently*»¹⁸.

К сожалению, именно этой смелости не хватает во многих переводах, что, безусловно, снижает их действенность.

¹⁵ See: Good English. N. Y., 1982. P. 122.

¹⁶ Мейозис превратился, по-видимому, в настоящую болезнь в английском языке, потому что один автор советовал всем сделать против нее прививку, запомнив следующую фразу: "A not unblack dog was chasing a not unsmall rabbit across a not ungreen field" (See: Gowers F. The Complete Plain Words. Harmondsworth, 1973. P. 74.)

¹⁷ Hairstone M. Op. cit. P. 42—59.

¹⁸ Leggett G., Mead C. D. and Charvat W. Op. cit. P. 206.

В рамках этой статьи можно лишь привлечь внимание к наиболее важным положениям современной английской риторики, касающимся эффективной структурной организации высказывания. Но риторика, разумеется, не ограничивается только этим, и сфера ее компетенции охватывает практически все аспекты функционирования языка — от его звукового строя (аллитерация) до структурной организации целого текста.

Подводя итог, можно сказать, что перевод общественно-политического текста на английский язык следует рассматривать как риторическую интерпретацию оригинала, в ходе которой создается новый по форме текст, воспроизводящий содержание оригинала, но обеспечивающий воздействие иными средствами, сообразно с правилами эффективной коммуникации, принятыми в другом языковом коллективе. При таком риторическом подходе оригинал не довлеет над переводчиком, и достижение адекватности предполагает значительную творческую свободу переводчика, высокий уровень его языковой подготовки и умение свободно ориентироваться в языковой ситуации.

А. Е. Мосьяков

(Москва)

О РОЛИ ШТАМПОВ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Как это ни парадоксально, но, хотя перевод и возник тысячелетия тому назад, преподавание теории перевода и методика обучения ему зарождались лишь в нашем веке. Пожалуй, и сейчас обучение осуществляется по принципу: «Дело делу учит». Более того, среди переводчиков-профессионалов бытует мнение, что невозможно подготовить на научной основе, скажем, переводчика-синхрониста, ибо таковым нужно родиться («*interpreters are born, not made.*»).

Не случайно, наверное, одна из фирм, производящих оборудование для синхронного перевода, вынесла в рекламный проспект следующие слова: **Теория** — когда все известно, но ничего не работает. **Организация** — когда ничего не работает и все знают почему. **Практика** — когда все работает и никто не знает почему.»

В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачу всестороннего раскрытия всех аспектов синхронного перевода, а предлагаем лишь некоторые возможные подходы к решению сложных и спорных проблем, связанных как с практикой синхронного перевода, так и с методикой его преподавания.

Как известно, в последние годы все чаще наблюдается тенденция использовать синхронный перевод в ходе проведения международных мероприятий, причем начинающие переводчики предпочитают последовательному переводу синхронный и это вполне объяснимо. При последовательном переводе делегаты располагаются рядом с переводчиком; среди них всегда найдутся люди, владеющие тем или иным иностранным языком; малейшая ошибка переводчика сразу же становится объектом критики, перевод подвергается исправлениям, уточнениям и т. п. При синхронном переводе переводчика практически никто не видит. Делегаты, понимающие тот или иной иностранный язык, не надевают наушники (вообще говоря, они не обращают внимания на то, как переводчик справляется со своей задачей). Что же касается делегатов, не владеющих иностранными языками, то у них нет никакой возможности проверить правильность перевода, а посему им приходится поневоле «верить» анонимному голосу, который поступает к ним через наушники. Полумрак, царящий

в кабине, относительная безнаказанность — все это как раз наружу тем, кто считает, что синхронный перевод гораздо легче последовательного. Да, он легче, если переводить плохо. Если же переводчик ошибается (а это случается весьма часто), то мы являемся свидетелями своеобразного диалога «глухих». Подобно утопающему, который хватается за соломинку, начинающий переводчик цепляется за отдельные слова и в растерянности, утратив всякое чувство самокритичности, начинает нести абракадабру. К тому же в синхронном переводе нет никакой возможности вернуться назад, подумать, упорядочить свою речь. Переводчик полностью зависит от оратора, воспроизводит все его ошибки (как в плане выражения так и в плане содержания), дополняя их своими собственными.

В этой связи большую роль приобретает задача выработки наиболее эффективных языковых и речевых способов и приемов передачи сообщения. Данная задача теснейшим образом связана с развитием средств массовой информации.

Успех профессиональной деятельности синхронного переводчика зависит не только от его энциклопедических знаний и высокой эрудиции, но и от тех лингвистических установок, которыми он руководствуется в процессе перевода. В частности, синхронный перевод с русского языка на иностранный не представляет собой проблемы, затрагивающей напрямую русский язык. Это, скорее, проблема, связанная со знанием иностранного языка. Безусловно, знание русского языка необходимо переводчику, но в данном случае оно носит пассивный характер.

Именно поэтому только перевод на иностранный язык позволяет выявить знания, которыми обладает переводчик в области данного иностранного языка. Наилучшей гарантией правильного перевода, по мнению ряда теоретиков и практиков синхронного перевода, является использование переводчиков, для которых язык перевода является родным (общеизвестный принцип, практикуемый в ООН). Однако практика устного перевода и, в частности, синхронного говорит о том, что с этой задачей успешно справляются и переводчики, для которых язык перевода не является родным, что представляется весьма парадоксальным, на первый взгляд.

Дело, однако, в том, что в синхронном переводе на иностранный язык «вариативная избирательность» гораздо ниже и с большим успехом «срабатывает» установка на заранее фиксированные соответствия. К тому же переводчик практически на 100% понимает оратора, даже если последний невнятно произносит отдельные слова, или же просто «плохо слышно оратора в наушниках».

Штампованность речи в лучшем смысле этого слова представляется нам неотъемлемым качеством синхронного перевода и даже, быть может, перевода вообще.

Особые условия, в которые поставлен переводчик, заставляя-

ют его действовать по шаблону: поняв смысл — уложить его в прокрустово ложе штампа. Просмотрите наши переводы, в особенности на иностранный язык — вы найдете там массу штампов и чисто формальных по своему значению выражений.

В свое время академик В. В. Виноградов указывал: «В системе современного литературного языка слова по большей части функционируют не как произвольно и неожиданно сталкиваемые и сцепляемые отдельные компоненты речи, а занимая устойчивые места в традиционных формулах. Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише»¹.

Данное положение распространяется не только на русский, но и на любой другой язык. Говоря об автоматизации языковых и речевых средств выражения в синхронном переводе, мы не должны забывать о том, что в общем арсенале языковых и речевых средств «готовые формулы» или клише занимают одно из главных мест.

Сам процесс синхронного перевода теснейшим образом связан с устойчивыми конструкциями. Услышав *Vous n'avez pas ménagé...*, переводчик уже в состоянии начать перевод, поскольку подсознательно ожидает услышать и услышит *vos efforts*.

Безусловно, одна и та же мысль может быть выражена по-разному в двух языках. Но суть остается прежней. Так, *франко-советская дружба* может быть переведена и как *l'amitié franco-soviétique*, и как *l'amitié qui unit la France et l'URSS*.

Правда, некоторые синхронные переводчики склонны переводить разных по стилю авторов с использованием одних и тех же переводческих приемов (штампы, синтаксические зачины и приступы, чисто формальные по своему значению выражения и т. п.). Делается это в ущерб стилистической адекватности, причем в качестве оправдания выдвигается и фактор времени, и особые условия, в которые поставлен синхронный переводчик, и невозможность обратной корректировки и т. д. Все это характерно не только для перевода на иностранный язык, но и для перевода на русский.

Следует отметить, что стилистическая адекватность в синхронном переводе достигается во многом путем использования фразеологизмов, рассчитанных на возбуждение привычных реакций у слушателей. Фразеология в системе синхронного перевода является чрезвычайно важным фактором, во многом определяющим его специфику. Именно фразеология сообщает соответствующую функционально-стилистическую окраску и всем другим языковым и речевым средствам, используемым синхронным переводчиком.

Кстати, некоторые исследователи рассматривают вообще все фразеологические единицы как речевые штампы. Так, С. И. Абакумов указывал в свое время: «Фразеологизмы — это словесные

¹ Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1983. С. 121.

шаблоны, готовые словесные клише, механически повторяемые в однородных случаях»².

Фразеологизмы (в особенности, фразеологизмы идиоматического характера) часто позволяют дать краткую, но точную характеристику сложных психологических состояний, абстрактное описание которых было бы гораздо сложнее и менее выразительно. Скажем, смысл таких фразеологизмов, как *лить воду на чью-л. мельницу, валить с больной головы на здоровую* и т. п., тотчас же воспринимается слушателем. Фразеологизмы-штампы позволяют максимально экономить средства выражения, кратко и выразительно передают содержание самых сложных событий общественной жизни, типизируют факты и лаконизируют речь.

К фразеологизмам применимы слова, сказанные В. И. Лениным о «крылатых словах»: они «с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений»³.

Безусловно, фразеологизмы-штампы связаны с экстралингвистическим фактором — актуальностью вопроса на данный период времени. С этим связан и начальный этап превращения свободных словосочетаний во фразеологические: именно данные словосочетания приобретают в общественной жизни исключительно важное значение и путем частого повторения превращаются в устойчивые выражения.

Ярким примером подобного явления можно считать выражение *sous le signe de...*, имевшее ранее весьма образное значение: «une image qui évoque un astre». Именно в таком значении употреблял его Жорж Дюамель: «Une grande association s'est formée sous le signe de la Croix-Rouge» (1957). Теперь же данное выражение превратилось в довольно избитый штамп (ср. с русским *под знаком...*).

Говоря о практических аспектах синхронного перевода, следует прежде всего отметить, что с точки зрения чисто психологической, слушатель, обучающийся синхронному переводу, должен постоянно чувствовать уверенность в том, что он правильно выполняет свою задачу. Можно напомнить в этой связи, что, по подсчетам канадских исследователей, в современных языках приблизительно 50% слов приходится на долю слов бесполезных, слов-паразитов, слов, не содержащих никакой информации⁴. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что синхронный перевод возможен, хотя бы в плане обеспечения процесса говорения. И пусть начинающий синхронный переводчик не думает, что он никогда не будет говорить так, как оратор, которого он переводит. К этому следует добавить, что хорошие ораторы являются редкостью.

Чрезвычайно важно, чтобы начинающий переводчик понимал

² Бакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942, С. 37.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 138.

⁴ См.: Cahiers de traductologie. Ottawa, 1981, N 4.

не только, скажем, «Queen's English», но и английский язык делегатов стран Америки, Азии, Африки и Австралии. Подчас некоторые переводчики утверждают, что оратора невозможно перевести на русский язык в силу того, что он «неправильно» говорит по-английски (при этом, однако, делегаты, находящиеся в зале и владеющие английским языком, прекрасно понимают оратора, поскольку им знакома тема выступления, позиция страны, которую представляет оратор, равно как и цель, которую преследует он в своем выступлении, а посему, несмотря на грамматико-синтаксические ошибки данного оратора, все присутствующие, за исключением синхронного переводчика, воспринимают почти на 100% все мысли оратора).

С первых занятий стоит обратить внимание студентов на то, что и в кабине следует, как и в последовательном переводе, сосредотачиваться на главном, и, если нужно, записывать: цифру, какое-то научное понятие, фамилию, название организации и т. п.

Если в английском языке прилагательное обычно предшествует существительному, то во французском наоборот. (Правда, сейчас под воздействием английского подобное явление наблюдается и во французском). Возникает определенная трудность, поскольку, употребив существительное, переводчик вынужден как бы вернуться назад к своему первому переводу. В этом случае я предлагаю решать проблему следующим образом: либо интонационно (*этот вопрос, этот важный вопрос*), либо прибегая к помощи дополнительных слов (*этот вопрос, имеющий важное значение*).

В трудном случае (отсутствие глагола, непонимание и т. п.) можно использовать следующие словосочетания: *в данном случае, в том, что касается, в этом плане, мне думается* и т. п., так как молчание синхронного переводчика, как бы оправданно оно ни было, создает у слушающих впечатление, что что-то было опущено. Поэтому переводчик, даже если его молчание оправдывается паузой оратора, должен продолжать свой перевод и, скажем, повторить в несколько измененной, а желательно улучшенной форме предыдущую фразу.

Безусловно, в переводе не должно быть незаконченных фраз. В синхронном переводе эта проблема еще больше усложняется из-за того, что некоторые ораторы сами не заканчивают начатых ими фраз. Вина же в любом случае всегда ложится на переводчика. Поэтому синхронному переводчику надлежит всегда заканчивать фразы, а если они не закончены автором, доводить их до точки за него как можно более нейтрально.

Особое внимание, с первых же занятий и в ходе практической деятельности, синхронный переводчик должен уделять проблеме интернациональных слов («faux-amis»). Весьма часто, в условиях крайнего напряжения и усталости синхронные переводчики механически употребляют одно и то же интернациональное слово при переводе с одного языка на другой, руководствуясь при этом сходством и некоторым совпадением в значениях

данных слов. Это приводит к очень серьезным ошибкам и стилистическим погрешностям. Например: французское *idéisme (m)* не всегда переводится как *идеализм*, но чаще *приверженность высоким идеалам* и т. п.

Конечно, список практических рекомендаций можно было бы продолжить. Однако всегда нужно помнить, что преподавание синхронного перевода нельзя вписать в какие-то строгие рамки, поскольку одни переводчики хорошо воспринимают мысль, другие же прекрасно осознают связи между мыслями. В идеале мы должны подготовить человека, передающего не только мысли, но и умело связывающего их в том порядке и в той логической трактовке, как этого хотел оратор.

В несколько грубой форме, «идеальный» синхронный переводчик — это человек в совершенстве владеющий искусством нахождения штампа. Штамп может передавать в предельно краткой форме информацию + оценочные средства.

В конечном счете, успех в синхронном переводе обеспечивается не знанием грамматических правил или словарным запасом, а тем фондом устойчивых конструкций и клише, которым обладает переводчик. В качестве противовеса длиннотам, перифразам и т. п. мы выдвигаем принцип использования в синхронном переводе штампов. Таким образом, гарантия успеха в синхронном переводе, на наш взгляд, заключается в самой широкой автоматизации языковых и речевых средств выражения.

И. В. Полуян

(Москва)

ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ

В отличие от других видов переводческой деятельности, таких как письменный или синхронный перевод, где наблюдателю даны только исходное и выходное сообщения (тексты), устный последовательный перевод с записью (ПП) позволяет, так сказать, заглянуть в «черный ящик», где скрывается «механизм» перевода. Это объясняется тем, что запись, сделанная по специально разработанной системе¹, является эксплицитно выраженным промежуточным этапом психической деятельности переводчика. В силу этого обстоятельства данный вид перевода может быть использован для эмпирической проверки некоторых интроспективных предположений как из области теории перевода, так и общей лингвистики.

В данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

¹ Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. М., 1969.

1. Что собой представляет промежуточный уровень, зафиксированный в виде сокращенной записи в ПП?

2. Какая из существующих моделей перевода лучше всего описывает ПП?

3. Существование каких интуитивно выделенных уровней лингвистического анализа подтверждается эмпирическим изучением сокращенной записи в ПП?

Последний вопрос, так же как и два первых, имеет непосредственное отношение как к теории, так и к методике преподавания перевода, так как ответ на него позволил бы идентифицировать те формальные уровни языкового описания и их единицы, на которых следовало бы сосредоточить первоочередное внимание при подготовке переводчиков.

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленных вопросов, следует отметить, что нас интересует в первую очередь тот аспект объяснительной силы модели, который позволяет использовать ее для описания того или иного вида переводческой деятельности как процесса в его динамике. Пригодность моделей для описания способов преодоления тех или иных переводческих трудностей выходит за рамки данного исследования.

Как уже было отмечено исследователями этого вида деятельности², последовательный перевод распадается на два реально данных этапа, отделенных друг от друга довольно значительным промежутком времени: 1. Рабочее аудирование (анализ) исходного сообщения с одновременным оформлением его в виде сокращенной записи и 2. Продуцирование (синтез) выходного сообщения с опорой на запись и память. Оставляя пока в стороне психолингвистические процессы, имеющие место между крайними пунктами этих двух этапов, рассмотрим точку, общую для них, т. е. запись.

В первую очередь следует подчеркнуть, что объектом данного рассмотрения будет являться не система записи, а некоторый корпус реальных записей реальных исходных сообщений³. Такая сокращенная запись является *статической и графической* структурой.

Первое означает, что как элементы записи, так и вся она в целом, являются, с одной стороны, конечным результатом некоторых операций, совершенных переводчиком над текстом ИЯ, и с другой, отправной точкой для некоторых операций, которые переводчику предстоит совершить, чтобы синтезировать текст на ПЯ. (Природа этих операций будет кратко рассмотрена ниже). Второе означает, что, в отличие от интуитивно постулируемых «внутренних кодов речи», запись делается с помощью реального знакового кода или метаязыка.

² Миньяр-Белоручев Р. К. Указ. соч.; Seleskovitch D. *Langage, langues et mémoire*. P., 1975.

³ Для читателей, не знакомых с этой системой, в конце статьи приводится пример, заимствованный из книги Р. К. Миньяр-Белоручева «Пособие по устному переводу». М., 1969.

Для выяснения сущности сокращенной записи и идентификации ее единиц в терминах современной лингвистической теории сопоставим ее с известными уровнями лингвистического описания. Иерархия уровней представления языка, предложенная Д. Личем⁴, которой мы воспользуемся для этой цели, является наиболее полной, так как включает уровни, выделенные генеративной и интерпретирующей семантикой, а также трансформационной грамматикой. Эта иерархия, выстраиваемая над экстралингвистической реальностью, включает в себя глубинную семантику, поверхностную семантику, глубинный синтаксис, поверхностный синтаксис, глубинную фонологию и поверхностную фонологию. Оставляя в стороне два фонологических уровня как не имеющие непосредственного отношения к теме данной статьи, рассмотрим определения остальных четырех уровней.

Уровень глубинной семантики, впервые предложенный Д. Личем в самом предварительном плане и сугубо в порядке обсуждения, представляется неким подобием структуры событий в окружающем мире. Репрезентации данного уровня поэтому имеют вид «реляционных сетей» (*relational networks*), в которых «терминалы» (*terminals*) являются фактически отображением участников экстралингвистической ситуации, а «связи» (*links*) устанавливают отношения между ними.

Уровень выведен как объясняющий тождество смыслов, например, следующих трех поверхностных структур:

Brutus killed Caesar because he loved Rome.

Brutus killed Caesar. This was because he loved Rome.

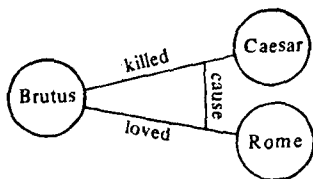
Brutus loved Rome. For this reason he killed Caesar⁵.

Таким образом, глубинная семантика призвана демонстрировать синонимию последовательностей предложений и отдельных предложений, или одних последовательностей предложений другим последовательностям предложений. Одним из выводов, вытекающих из этого, является то, что единицей глубинной семантики становится скорее целый дискурс, чем отдельное предложение.

Поверхностный семантический уровень формируется пропозициями, состоящими из аргументов и предикатов, которые в свою очередь представляют собой наборы сем, выявленных с помощью компонентного анализа. На этом уровне устанавливают

⁴ Leech G. *Semantics*. Harmondsworth, 1977.

⁵ На уровне глубинной семантики эти предложения представляются в виде следующей реляционной сети:

ся конверсные отношения и отношения синонимии между словами. В целом он соответствует семантическому уровню, достаточно хорошо изученному различными школами современной лингвистики и переводоведения, и не нуждается в более подробном описании здесь.

Глубинный синтаксический уровень — это уровень так называемых ядерных предложений, чьи позиции заполнены конкретным лексическим материалом. На нем действуют правила «синтаксической субкатегоризации» (дифференциация переходных и непереходных глаголов, исчисляемых и неисчисляемых существительных и т. п.), а также определяются понятия подлежащего, сказуемого, дополнения и т. д. Этот уровень является отправной точкой для синтаксических трансформаций.

На уровне поверхностного синтаксиса сложные предложения делятся на простые. Непосредственно составляющими последних являются номинативные и глагольные словосочетания, а также прилагательные и наречия (или словосочетания с ними). Сюда же входят средства выражения таких грамматических категорий как единственное и множественное число, настоящее и прошедшее время и т. д.

Дополнительным свойством синтаксических уровней является линейность, в то время как семантические уровни характеризуются иной пространственной упорядоченностью.

Уже одного взгляда на образец сокращенной записи, приведенный в конце статьи, достаточно, чтобы стало ясным, что она обладает чертами всех четырех уровней.

К чертам уровня глубинной семантики относятся прежде всего:

— представление текста оригинала в виде пространственно упорядоченной системы (не только по горизонтали, но и по вертикали), с возможным обозначением временных и пространственных маркеров на особом специально зарезервированном месте. Нерелевантность линейности на этом уровне подтверждается тем, что это место может быть в правой, левой или любой другой части страницы, на которой осуществляется запись;

— использование реляционных символов: горизонтальных или косых линий, стрелок и т. п. в комбинации с определенным пространственным расположением компонентов смысла для указания на такие предметно-логические отношения как сопоставление, каузальность, уступительность, цель и т. п.

— использование линий-сносок, которые не только позволяют обойтись без повторной фиксации уже упоминавшихся в тексте ИЯ компонентов смысла, но и обеспечивают когезию дискурса, в частности давая указания об актуальном членении предложений.

Черты уровня поверхностной семантики, пожалуй, наиболее многочисленны. К ним относятся:

— фиксация с помощью соответствующего (ступенчатого) пространственного расположения аргументов и предиката,

— фиксация главной, наиболее релевантной в данном контексте семы, выделенной из компонентного состава важных в смысловом отношении лексических единиц текста исходного сообщения. Это достигается с помощью специальных символов, сокращений и общепринятых аббревиатур, а также целых слов, безразлично на ИЯ или ПЯ, так как они предназначены в первую очередь для фиксации аргументов и предикатов и в меньшей степени для подыскания эквивалента (так называемое переключение) в случае если записано слово на ИЯ, или для включения в поверхностную синтаксическую структуру выходного сообщения в случае записи слова на ПЯ (в этом случае переключение было уже совершено в ходе рабочего аудирования). Например, символ → может означать «передавать, отправлять, вводить, экспортировать, уезжать» и т. п. в соответствующих контекстах, хотя в нем выражена с некоторой степенью мотивированности лишь идея (сема) движения в направлении от субъекта.

— использование символов степени (усиление качества, превосходная степень, ослабление качества — аналогично семантическому параметру Magn. в семантической модели перевода).

К немногочисленным чертам глубинного синтаксиса в принятом нами выше определении относятся:

— сведение сложных синтаксических структур к более простым (их можно было бы приравнять к околядерным в трансформационной модели перевода),

— запись лексем на ИЯ и ПЯ без указания на их синтаксические связи (именительный падеж, отсутствие предлогов и т. п.), хотя, как мы указали выше, их первоочередная функция заключается не в этом, и они вполне могут оказаться отсутствующими в тексте выходного сообщения, что подтверждает справедливое замечание Р. К. Миньяра-Белоручева о том, что «определяющим навыком при оформлении выходного сообщения в последовательном переводе является... не навык переключения, а навык продуцирования устной речи»⁶.

К чертам поверхностного синтаксиса относятся:

— развертывание записи в линейной временной последовательности, диктуемой синтаксисом ИЯ,

— обозначение позиций, которые могут заполняться исключительно номинативными или глагольными словосочетаниями, что также служит указанием на возможный выбор синтаксической модели предложения,

— запись (крайне редкая) флексивно оформленных слов,

— фиксация (также крайне редкая) предлогов и союзов.

Столь малочисленные и редкие проявления черт глубинного и поверхностного синтаксиса в сокращенной записи свидетель-

⁶ Миньяр-Белоручев Р. К. Указ. соч. С. 93.

ствуют о преимущественно смысловом характере последней, и, как следствие этого, необходимости овладения переводчиком навыками смыслового анализа текста и продуцирования устного сообщения по смысловым вехам, или, другими словами, умением переходить с уровня поверхностного синтаксиса на семантический уровень и наоборот.

Частое употребление в записи большого числа идеограмм, мотивированных и немотивированных символов говорит также о целесообразности выделения еще одного, символического или семиотического уровня. Хотя такой уровень не является лингвистическим и включение его в иерархию лингвистических уровней лишено смысла, тем не менее можно себе представить выработку навыка продуцирования выходного сообщения по смысловым вехам, заданным сложными семиотическими структурами — комбинациями специально разработанных рисунков, идеограмм, символов, графиков, цифрового материала и т. п. — подобно тому как вырабатываются навыки спонтанной устной речи в методе Берлица.

Итак, в ответ на первый вопрос, поставленный нами в начале статьи, можно ответить, что промежуточный уровень, зафиксированный в сокращенной записи, является сложным образованием, включающим черты по крайней мере четырех лингвистических уровней и одного экстралингвистического уровня.

Тот факт, что запись не является зеркальным отражением экстралингвистической ситуации (промежуточный уровень ситуативной модели), не содержит структур, которые можно было бы корректно классифицировать в качестве ядерных предложений (промежуточный уровень в трансформационной модели) и изобилует признаками семантического уровня, говорит о том, что, очевидно, ПП было бы удобнее всего рассматривать в терминах семантической модели перевода.

Однако семантическая модель перевода в том виде, в каком она описана в литературе⁷, оказывается лишь частично применимой к объекту данного исследования. Глубинная структура в семантической модели перевода включает глубинный синтаксис и глубинную лексику. Шесть типов отношений, рассматриваемых глубинным синтаксисом этой модели, отражают элементарные смысловые связи между предикатом, субъектом и объектом, а также атрибутивную и сочинительную связи. Это сближает данный уровень с уровнями глубинной и поверхностной семантики в принятых нами выше определениях, т. е. по существу является семантическим, а не синтаксическим.

Общие черты между системой сокращенной записи и глубинным уровнем семантической модели наиболее выпуклы в «глубинной лексике» последней.

⁷ См. напр.: Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

В первую очередь напрашивается аналогия между независимыми словами модели и наиболее релевантными семами, фиксируемыми в записи в виде сокращений, символов и т. д. Выше мы уже указали на сходство способов усиления качества в записи с семантическим параметром Magn. в семантической модели.

Что касается второго компонента «глубинной лексики» — лексических функций, то они заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Напомним, что лексические функции подразделяются на «эквивалентные замены», т. е. подбор синонимов (послать — отправить), конверсиров (бояться — страшить) и синтаксических дериватов (ошибаться — ошибочно, начать — вначале), и «семантические параметры», обеспечивающие присоединение к смыслу единицы глубинной лексики некоторого дополнительно элементарного смысла (напр. параметр Oreg₁ соединяет единицу «сделать» с единицей «шаг» или единицу «задать» с единицей «вопрос»).

Из этого описания следует, что «лексические функции» являются динамическим компонентом уровня глубинной лексики, причем операции (конверсные и другие трансформации) осуществляются с единицами одного языка. Так как выше мы констатировали, что сокращенная запись является статической структурой, здесь кончается ее сходство с уровнем глубинной лексики семантической модели. Однако «лексические функции» имеют прямое отношение к описанию двух упомянутых выше этапов процесса последовательного перевода. Например, различные типы эквивалентных замен могут осуществляться на этапе рабочего аудирования, а использование семантических параметров, т. е. фактически реализация правил лексико-синтаксической сочетаемости, является непременным условием правильного синтеза выходного сообщения.

Итак, хотя сокращенная запись в ПП обладает чертами различных уровней лингвистического описания, сам процесс последовательного перевода лучше всего описывается в терминах семантической модели, причем этап рабочего аудирования лучше описывается в терминах, восходящих к подходу интерпретирующей семантики, а синтез выходного сообщения — в терминах генеративной семантики.

Еще одним, парадоксальным, выводом из данного обсуждения является то, что ПП с записью можно было бы охарактеризовать 1) как процесс, имеющий мало общего с переводом, так как чисто переводческие акты переключения между единицами ИЯ и ПЯ как естественных языков осуществляются лишь эпизодически, частично в ходе рабочего аудирования и частично на этапе синтеза, или 2) как процесс двойного перевода или перекодирования: с ИЯ на метаязык записи, и с языка записи на ПЯ, где на первый план выступают иные навыки и умения.

Впрочем, как это чаще всего бывает, истина скорее всего находится где-то на пересечении этих двух крайних взглядов.

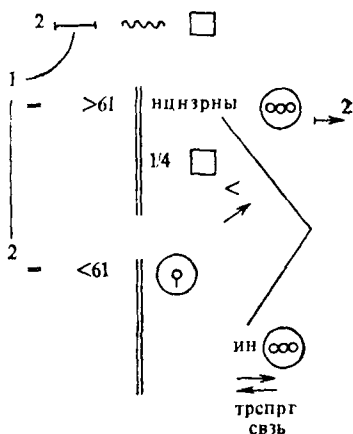
Образец сокращенной записи

Текст ИЯ

Запись

Хочется отметить два этапа национального становления моей Родины. Первый — это отрезок времени по 1960 год, когда были национализированы все предприятия и имущество агрессоров. В это же время зарождается и начинает расти государственный сектор.

Второй этап начинается с 1961 года, когда правительство провело полную национализацию всего иностранного капитала, банков, страховых компаний, взяло в свои руки экспорт, импорт, внутреннюю торговлю, транспорт и средства связи.

Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт

(Харьков)

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОНОВЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ ПЕРЕВОДЧИКА)

Психолингвистическое исследование процесса перевода научно-технической литературы имеет большое практическое значение: подлинно научная подготовка и совершенствование технических переводчиков возможны только на основе подхода к переводу как к эвристическому процессу¹. Поскольку научно-технический перевод осуществляется в значительной мере переводчиками-лингвистами, существенный интерес представляет изучение вопроса о соотношении фоновых и языковых знаний в процессе переводческой деятельности.

Для построения моделей речевой деятельности переводчика любого текста первостепенное значение имеет сопоставление процесса межъязыковой коммуникации, при котором переводчик является посредствующим звеном между отправителем и получателем информации, с процессом внутриязыковой коммуникации, при котором отправитель и получатель информации пользуются одним кодом. Такое сопоставление вскрывает как общие закономерности, присущие этим двум видам коммуникации, так и характерные черты каждого из них.

В условиях внутриязыковой коммуникации возможность восприятия сообщения, т. е. установления соответствия между высказываниями и описываемыми им фактами некоторой предметной области, определяется уже тем, что получатель информации владеет языковым кодом. Однако глубина восприятия сообщения во многом зависит от того, в какой степени фоновые знания получателя сообщения соответствуют фоновым знаниям отправителя сообщения.

При межъязыковой коммуникации наличие переводчика расчленяет процесс коммуникации на два соотнесенных акта: в первом переводчик является получателем сообщения на ИЯ во втором — отправителем сообщения на ПЯ.

¹ Цвиллинг М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение. Перевод. Устная речь. Л., 1977. С. 172—179.

Наличие переводчика как посредствующего звена между использующими разные коды отправителем и получателем информации существенно усложняет процесс коммуникации. Это обусловлено не только тем, что сам факт взаимодействия двух языковых систем при перекодировании неизбежно влечет за собой утрату, приращение или преобразование информации², но и тем, что усиливается влияние субъективного фактора, определяющего восприятие сообщения на каждом из двух этапов межъязыковой коммуникации.

Исследование перевода научно-технической литературы не может не учитывать специфику научно-технических текстов, их место в общей типологии текстов³ и их своеобразии в прагматическом аспекте. В классификации исходных текстов на основе прагматического фактора научно-технические тексты занимают особое место как тексты, ориентированные не столько на носителей определенного языка, сколько на носителей определенных экстралингвистических знаний⁴. Общность фоновых знаний является необходимой предпосылкой правильного понимания научно-технического текста как при внутриязыковой, так и при межъязыковой коммуникации. Однако в последнем случае существенную роль играет не только степень осведомленности переводчика в специфике данной предметной области, но и наличие в этой области уже сложившейся системы соответствий между двумя языками.

При исследовании процесса перевода научно-технической литературы существенно учитывать, выступает ли в качестве переводчика специалист в данной предметной области или переводчик-лингвист, знакомый с этой областью знания. Поскольку подавляющее большинство переводчиков-практиков имеет филологическое образование, а также в связи с тем, что вопросами подготовки технических переводчиков реально вузы и факультеты филологического профиля не занимаются, представляет особый интерес анализ восприятия и перекодирования научно-технического текста переводчиком, деятельность которого протекает в условиях неполного знания предметной области. Это имеет тем более важное значение, что позволяет наметить оптимальную стратегию подготовки переводчиков, способных самостоятельно решать сложные задачи в условиях научно-технической революции, и совершенствования качества перевода научно-технической литературы.

Одним из основных требований, предъявляемых к переводчику научно-технического текста, является, наряду со знанием исходного и переводящего языка, также знание той реальной дей-

² См.: Nida E. A. Principles of translation as exemplified by Bible translating//Brower R. E. (ed.) Translation. 1959. P. 13.

³ О роли типологии текстов для теории перевода см.: Raiss K. Übersetzung und Sprachwissenschaft — eine Orientierung. Babel, 1973. V. 19. N. 2. S. 75—86.

⁴ См.: Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung//Beihefte zur Zeitschrift „Fremdsprachen“. Leipzig, 1968. S. 30—31.

ствительности (экстралингвистической ситуации), которая отражается в переводимом материале. В идеальном случае переводчик должен сочетать в себе качества специалиста в определенной области знания, билингва и собственно переводчика, т. е. специалиста в особой предметной области, содержанием которой является перекодирование языкового сообщения с одного языка на другой. Практически, однако, эти требования вряд ли могут быть полностью реализованы. С одной стороны, переводчик лишь в редких случаях бывает «чистым» билингом: как правило, лишь один из языков является для него родным, это накладывает определенные ограничения на возможности переводчика. С другой стороны, даже занимаясь переводами в одной предметной области, переводчик не обладает той полнотой знаний, которая предполагается у специалиста; в отличие от последнего, отношение которого к описываемому в тексте фрагменту предметной области носит активный характер, позволяя творчески использовать извлеченную из текста информацию, переводчик обладает пассивным знанием лишь в том объеме, который позволяет ему переходить от ИЯ к ПЯ.

В этом отношении роль переводчика аналогична роли информационного работника, который для установления новых источников информации должен обладать запасом фактической информации в данной научно-технической области и в некоторых смежных, причем отличие объема и характера информации, необходимой для информационного работника, в отличие от специалиста в данной предметной области, может быть описано в терминах, соответственно, информации о приближенной теории и информации о конкретных моделях, в которых эта теория воплощается⁵.

В связи с характерным для современного состояния науки и техники тесным взаимодействием и переплетением различных, нередко весьма отдаленных друг от друга отраслей знания, переводчик вынужден постоянно расширять сферу своих пассивных знаний в таком диапазоне, активное творческое овладение которым не под силу ни одному специалисту⁶. Поэтому даже в тех случаях, когда переводчиком является специалист в определенной предметной области, его собственно переводческая деятельность не может не идти по тому же пути универсализации (т. е. приобретения дополнительных пассивных знаний в других областях), который характерен для переводчика-лингвиста.

Ситуация неполного знания определенной предметной области, в условиях которой нередко протекает деятельность переводчика, в большей или меньшей степени присуща всякому коммуникативному акту. Вместе с тем, область неполного знания по-

⁵ Шрайдер Ю. А. Логика знаковых систем. М., 1974. С. 60; Он же — Язык как инструмент и объект науки//Природа. 1972. № 6. С. 68—69.

⁶ Цвиллинг М. Я. О некоторых вопросах технической лексикографии//Тетради переводчика. Вып. 13. М., 1976. С. 116.

стоянно сокращается по мере овладения переводчиком фактической информацией.

В силу ряда культурно-исторических условий неполное знание определенной области может быть характерным для всех носителей переводящего языка. В таких случаях невозможность или крайняя затруднительность «прагматической адаптации текста»⁷ заставляет иногда отказаться от перевода отдельных частей текста⁸. Следует отметить, что отказ от перевода частей текста свидетельствует не о невозможности, а лишь о нецелесообразности перевода: текст, который явился бы результатом перевода, не опирающегося на определенную априорную информацию (фоновые знания), должен был бы включать в себя эту информацию как часть своего содержания и, таким образом, вступал бы в противоречие с одним из основных постулатов нормальной коммуникации — постулатом о неполноте описания (текст описывает действительность с определенной степенью редукции)⁹.

Психолингвистический анализ позволяет выявить некоторые специфические черты деятельности переводчика в условиях неполного знания предметной области. Первостепенное значение приобретает при этом изучение переводческих ошибок как фактического, так и лингвистического характера, в которых реализуется определенное (хотя и неверное) понимание текста переводчиком. Если причины возникновения этих ошибок могут быть установлены с достаточной степенью надежности, то выявление их становится эквивалентным эксперименту: зная правильное решение, исследователь может проследить за ходом мысли переводчика и точно определить факторы, обуславливающие неверное понимание текста.

Ниже описываются некоторые результаты анализа деятельности переводчика, полученные на основе сличения переводов с редакторской правкой, бесед с переводчиками научно-технической литературы, психолингвистического эксперимента и наблюдений, проведенных авторами в процессе обучения переводу в ХГУ им. Горького.

1. В условиях неполного знания четко прослеживается тенденция к абсолютизации текста, проявляющаяся в повышенном «доверии» переводчика к тексту: не имея возможности исполь-

⁷ Швейцер А. Д. Семантико-стилистические и прагматические аспекты перевода // Иностранные языки в школе. 1971. № 3. С. 14—16.

⁸ Ср. замечание И. М. Яглома, редактора русского перевода книги «Введение в конечную математику», что в ряде случаев «пришлось пойти на полное исключение задач, содержание которых (достаточно близкое, по-видимому, американским студентам) не смогли понять ни редактор, ни переводчик книги (речь в этих задачах шла о малоизвестных в нашей стране правилах игры в бейсбол)» (Кемени Дж., Снелл Дж., Томсон Дж. Введение в конечную математику. М., 1963. С. 9).

⁹ Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Семiotический эксперимент на сцене (Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием) // Труды по знаковым системам. т. V. Тарту, 1971. С. 232—254.

зовать в полном объеме наличествующую фактическую информацию, переводчик ориентируется в большей степени на информацию лингвистическую. Это проявляется, в частности, в переоценке содержащейся в слове информации, в восприятии синонимов как слов с различным референтным значением, в восприятии информационно пустых фраз (или их фрагментов) как значимых, в суггестивном воздействии отдельных фрагментов и графических средств выделения в тексте и т. п.¹⁰ Переводчик, таким образом, пытается компенсировать недостаток фактической информации предельно полным воспроизведением лингвистической, распространяя постулат об информативности сообщения на все элементы языкового уровня. Понятно, что исчерпывающий анализ лингвистической информации является в этих условиях необходимой предпосылкой перекодирования сообщения. В этом отношении представляет большой интерес попытка смоделировать поведение переводчика, который, не понимая существа текста, не используя «энциклопедических знаний», логического вывода и т. п., обладает способностью анализировать его на языковом уровне с учетом широкого контекста; как показало специальное исследование, для перевода математического текста во многих случаях (в частности, при семантическом анализе формул) достаточно дешифровочной работы на языковом уровне¹¹.

2. В условиях неполного знания резко возрастает число выдвигаемых переводчиком гипотез относительно содержания того или иного отрезка текста. Если в процессе дальнейшего восприятия текста гипотеза оказывается ложной, то соответствующий отрезок текста (а нередко и предшествующий) подвергается реинтерпретации. Как и в других эвристических процессах, выдвижение гипотез происходит не путем перебора всех возможных гипотез и отсекаания части из них, а на основе субъективного чувства максимального правдоподобия, которое тем в большей степени может служить основой правильного выбора, чем в большей степени оно опирается на фактическую информацию. Для расширения объема фактической информации переводчику-лингвисту необходимо увеличивать поле информационного поиска; он в большей степени, чем переводчик-специалист, обращается в процессе перевода к энциклопедиям, справочникам, словарям; у него чаще возникает «особое психологическое состояние — необходимость обращения к словарю, имеющее статус мотива отдельных действий (информационный поиск), подчиненных общей деятельности перевода»¹².

Естественно, что вероятностное прогнозирование при перево-

¹⁰ См.: Kainz F. *Über die Sprachverführung des Denkens*. Berlin, 1972. S. 32.

¹¹ Гюльмисарян С. А., Дрейзин Ф. А., Тер-Мисакянц З. Т. Математические формулы в широком контексте//НТИ. Сер. 2. 1971, № 3, С. 33—38.

¹² Горбис Б. И. Психоллингвистика и порождающая лексикология//Тетради переводчика. Вып. 14. М., 1977. С. 104.

де не исключает возможности возникновения ошибок, вызываемых действием сопутствующих факторов. Так, при чтении и переводе оглавления одного из выпусков журнала «Deutschuntergicht», содержащего заглавие сделанного Б. Брехтом стихотворного изложения «Манифеста Коммунистической партии» (*Versaffung des Kommunistischen Manifests*), студенты младших курсов, опирающиеся в большей степени на анализ элементов языкового уровня, перевели заглавие правильно («стихотворное изложение»); студенты же старших курсов, у которых выработалась способность к прогнозированию, использовали наиболее вероятную модель («создание» — *Versaffung*); решающую роль в возникновении ошибок сыграло здесь, как и во многих других случаях, наличие паронимической связи.

3. «Открытый» характер художественного текста, который может включать в себя элементы любой подсистемы языка, а также отсутствие четкой границы, отделяющей фонд общеязыковых понятий, на который ориентированы художественные тексты, от терминологии специальных подсистем, обуславливает проникновение в художественную речь элементов терминологии и номенклатуры различных специальных областей знания. При переводе соответствующих фрагментов текста переводчик оказывается в ситуации неполного знания, т. е. не обладает фактической информацией, необходимой для точной интерпретации данного текста¹³. В ряде случаев переводчик оказывается не в состоянии определить даже предметную область, к которой относится элемент текста. Так, в русском переводе книги Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»¹⁴ сочетание *Enzian schnapps distilled from mountain gentian* переведено как «анзейский шнапс, который гнали из горной горечавки» (с. 129): элемент немецкой ботанической номенклатуры воспринимается переводчиком как топоним, чему в значительной степени способствует наличие ряда топонимов в ближайшем контексте. «Установка на топоним» оказывается настолько сильной, что переводчик создает фантастический топоним, не замечая почти полной графической тождественности немецкого *Enzian* и его английского аналога *gentian*. В том же переводе сочетание *spinal fracture had not become common* переведено как «спиральные переломы были редкостью» (с. 128): специальный термин (*spinal*) воспринимается и воспроизводится переводчиком как общеязыковый элемент (*spirral*); наряду с влиянием паронимической связи этих слов здесь сказывается и своеобразная «инерция синтаксической структуры», позволяющая воспроизвести структуру исходного сочетания без трансформаций (ср.: «спиральные переломы» и «переломы позвоночника»).

¹³ Об ошибках подобного рода, относящихся к предметной области истории США, см.: Бархударов Л. С. Что нужно знать переводчику? // Тетради переводчика. Вып. 15. М., 1978. С. 18—22.

¹⁴ Пер. Брука М., Петрова Л., Розенталя Ф. М., 1965.

4. Интересные результаты дает проверка способности переводчика решать задачи, связанные со снятием неоднозначности фрагмента текста, восстановлением нарушенного фрагмента текста, а также исправлением введенных в исходный текст «диагностических ошибок». Качественный анализ отрецензированных ошибок показал, что большинство из них относится к неверно употребленным основным дескрипторам информационного языка, описывающего данную область знания. В связи с этим представляется необходимым ориентировать обучение (и самообучение) переводчиков на ядро информационного языка. В этом случае формирование тезауруса переводчика будет носить не фрагментарный, а системный характер. Желательно, чтобы структура такого тезауруса была организована с помощью аппарата энциклопедических функций, который позволяет в явном виде фиксировать связи одного понятия со многими другими¹⁵. Хотя конкретный набор этих функций может меняться при переходе от одной области к другой, существенно, что определенная часть отношений остается неизменной при любой тематике.

Представляется, что способность переводчика-неспециалиста решать указанные выше задачи может рассматриваться как показатель достижения им такого уровня владения фактической информацией, при котором становится возможным успешное осуществление переводческой деятельности.

¹⁵ Леонтьева Н. Н. и др. Словарь энциклопедических функций и его роль в автоматическом индексировании//НТИ. Сер. 2. 1978. № 7. С. 28.

Д. И. Ермолович

(Москва)

О ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Переводческий профессионализм обязательно предполагает и навыки редакторской работы. Они необходимы переводчику хотя бы для того, чтобы править собственные переводы.

Нельзя сказать, что редактированию не уделяется внимания в учебных курсах перевода. При обсуждении любых вариантов перевода на практических занятиях студенты так или иначе сталкиваются с редактированием: фактически это то, что делает преподаватель при обсуждении и правке их переводов. В процессе обсуждения одни варианты признаются приемлемыми, другие отвергаются, и соответствующая аргументация преподавателя отчасти приучает их к редакторскому мышлению.

Однако обучение навыкам редактирования не вычленяется в специфический вид работы по курсу письменного перевода¹ и соответствующая учебная задача не ставится в учебных программах. Тем не менее такая задача существует и состоит в том, чтобы привить будущим переводчикам умение сделать правильный выбор между стилистически и функционально неравноценными вариантами средств выражения, подчинить отдельные элементы плана выражения общей коммуникативной функции текста.

Представляется, что выполнение этой задачи не достигается автоматически в ходе практического обучения переводу. Оно основывается, конечно, на навыках перевода (а также знании теории перевода, сопоставительной стилистики и русского языка), но, поскольку задача ставится специфическая, то и решаться она должна в особых методологических рамках.

Рассмотрим, как традиционно проходит обучение редактированию в рамках занятий по письменному переводу на переводческом факультете Института иностранных языков. Обычно урок строится таким образом: студентам на дом задается текст для перевода, и на урок они приходят с переведенным текстом.

¹ Речь идет о редактировании переводов на русский язык, а не на иностранный: в последнем случае студенты не владеют свободно средствами плана выражения, и задача редакторской правки занимает подчиненное место по отношению к задаче научить студентов давать пусть не виртуозно красивые, но хотя бы просто грамотные переводы.

Преподаватель просит то одного, то другого студента зачитать свой перевод последовательных отрезков текста (в одно — три предложения). Он стремится вовлечь остальных студентов в обсуждение достоинств и недостатков зачитанных вариантов. Если мнения расходятся, преподаватель нередко завершает дискуссию собственным «вердиктом», стараясь, естественно, объяснить причины, по которым он отдает предпочтение тому, а не иному варианту. Здесь, собственно, и учат редактированию, т. е. выбору какого-то варианта из ряда возможных при четком обосновании этого выбора, настойчивой работе над улучшением перевода.

Описанный метод работы на занятиях по письменному переводу испытан временем и приносит свои плоды. Тем не менее у него есть и свои слабые методологические стороны:

1. Не секрет, что переводы, которые выслушивает преподаватель на занятии, — весьма сырой материал. Студенты делают их, как правило, накануне и редко когда подвергают дополнительной правке. Следовательно, работа на уроке по «доводке», усовершенствованию перевода практически неотделима от исправления грубых смысловых ошибок, описок, результатов невнимательного прочтения текста и плохого владения элементарной переводческой техникой. Как следствие этого — студенты не видят разницы между обыкновенной ошибкой и переводом, который теоретически можно сконструировать по словарю и грамматике, но который не соответствует общей интонации текста, стилистически разнороден, не передает смысловых акцентов оригинала или смещает их и т. д.

2. Преподаватель, естественно, лишен возможности проверить методом устного опроса все варианты всех студентов и обсудить их. Обсуждение основывается на выборочном опросе. Конечно, опыт преподавателя подсказывает ему, кого именно следует опросить при проверке того либо иного предложения. Он обычно чувствует, какой студент даст приемлемый вариант, а какой обязательно «споткнется» на трудностях данного отрезка текста. Все же нередко студенты не знают, как им следует рассматривать те переводы, которые не были зачитаны и обсуждены: то ли рассматривать их как приемлемые (а не исключено, что они содержат какую-то неожиданную погрешность), то ли, наоборот, исправить их на тот вариант, который при обсуждении был признан лучшим (и в этом случае плохо то, что в их сознании укореняется ложный тезис о наличии для любого текста какого-то единственно правильного, универсально-стандартного перевода).

3. Оценка переводов, выполненных студентами, тесно связана с личностным моментом. Сколько бы преподаватель ни приводил объективных доводов в пользу или против того или иного варианта, студенты воспринимают критику переводов еще и как субъективную оценку их работы, а нередко и их подхода к переводу как таковому (что часто как раз и следует критиковать).

Поэтому, с одной стороны, студентам бывает трудно согласиться с преподавателем, отвергающим их перевод, а через это неприятие негативной оценки — и понять достоинства какого-то другого варианта. С другой стороны, когда заходит речь о сравнении разных вариантов, студенты очень неохотно идут на то, чтобы критиковать чужие переводы, так как это работа их товарищей, которых они, разумеется, не хотят обидеть. При этом грубый прорыв выявляется и признается легче, поскольку от вопиющей неадекватности никуда не денешься. А вот при обсуждении тонкостей, которые как раз и составляют предмет собственно стилистического редактирования, убедить начинающего переводчика, что его перевод искажает суть и дух оригинала, бывает очень трудно. Думаю, каждому преподавателю перевода приходилось иметь дело с заядлыми спорщиками, которые готовы были признать невнимательность при смысловой ошибке, но ни за что не принимали критику неверной трактовки текста.

Перечисление слабых мест в методике аудиторного опроса (обсуждения) домашних переводов ни в коей мере не ставит под сомнение практическую ценность этого метода. Оно показывает лишь, что собственно стилистическое редактирование переводов — это специфический вид работы, особый навык, который только отчасти отрабатывается при комплексной правке переводов, выполненных студентами самостоятельно.

Вывод, который отсюда следует, состоит в том, чтобы уделять редактированию особое место в курсе практических занятий по переводу с иностранного языка на русский. Вряд ли имеет смысл выделять редактирование в отдельный аспект подготовки студентов на переводческом факультете, но включение его как вид работы в курс письменного перевода было бы весьма желательным.

В какой форме можно это сделать? Одним из видов работы, предлагавшейся мной на 5-м курсе переводческого факультета МГПИИЯ, было обсуждение параллельных текстов — оригинала и перевода. Ниже приводится образчик такого материала. Слева — отрывок из пародийно-фантастического романа Д. Адамса², справа — перевод, опубликованный на русском языке журналом «Англия» (1981, № 1).

The improbability-proof control cabin of the Heart of Gold looked like a perfectly conventional spaceship except that it was perfectly clean because it was so new. Some of the control seats hadn't had the plastic wrapping taken off

Оснащенная невероятностно-защитным устройством кабина управления «Золотого сердца» своим видом походила на совершенно обычный космический корабль, за исключением того, что здесь было абсолютно чисто, поскольку он был абсолютно новень-

² Adams D. The Hitchiker's Guide to the Galaxy. L. & Sydney. Pan Books, 1981. P. 70.

yet. The cabin was mostly white, oblong, and about the size of a small restaurant. In fact it wasn't perfectly oblong: the two long walls were raked round in a slight parallel curve, and all the angles and corners were contoured in excitingly chunky shapes.

кий. С некоторых сидений управления еще не сняли пластиковые чехлы. Кабина управления была почти вся белая, прямоугольная, размером с небольшой ресторан. Собственно она была не строго прямоугольная: две продольные ее стены имели легкий изгиб параллельного профиля и все ее углы и линии были обворожительно сглажены.

При обсуждении этого отрывка студенты первоначально воспринимали перевод как приемлемый и не нуждающийся в правке. Действительно, смысловых ошибок русский текст не содержит и нормам русского языка не противоречит. Однако при более внимательном анализе (стоило лишь привлечь внимание студентов к звучанию некоторых фраз) в нем обнаруживались: а) терминологические неточности («кабина управления» вместо «отсек управления», «пластиковые чехлы» вместо «полиэтиленовые» либо «целлофановые чехлы»); б) неудачная сочетаемость («сидения управления»); в) семантически избыточные и стилистически неуклюжие обороты («своим видом походила», «изгиб параллельного профиля»). При сравнении с оригиналом выявлялись также неоправданность повтора слова «абсолютно» (несмотря на повтор в английском тексте), различие логических ограничений в плане выражения русского и английского языка (например, если по-английски можно сказать *The cabin looked like a space-ship*, то по-русски сравнение «кабина... походила на... корабль» нелогично, а надо сказать что-нибудь вроде «отсек управления был как в обычном космическом корабле»). Наконец, анализ выражений «невероятностно-защитное устройство» и «обворожительно сглажены» потребовал обращения к общей жанрово-стилистической характеристике текста, пародирующего одновременно язык научной фантастики и язык рекламы, причем студенты, как правило, могли предложить и куда более интересные варианты.

Кроме переводов, выполненных иностранцами (как в данном случае), для редактирования могут предлагаться отрывки из курсовых и дипломных работ, выполненных студентами прошлых лет (разумеется, без указания фамилий), старые контрольные переводы, а в некоторых случаях и опубликованные переводы (особенно если одно и то же произведение переводилось не один раз). Ясно, что предлагаться для анализа могут не только «отрицательные», но и «положительные» примеры, т. е. удачные работы переводчиков, хотя в этом случае у студентов меньше возможностей для собственного творчества. Еще одной формой учебы может быть изучение выдающихся образцов редактор-

ского анализа — таких, например, какой мы находим в одном из старых сборников «Мастерство перевода»³, где В. М. Топер методически, фразу за фразой разбирает один из переводов Ч. Диккенса, неизменно соотнося частные, казалось бы, переводческие решения с характером целого произведения. Чрезвычайно глубокой представляется мысль видной советской переводчицы М. Ф. Лорие, которая в предисловии к этой публикации написала: «Возразить на эти замечания, по существу, невозможно, именно потому, что они не только умны и метки сами по себе, но неукоснительно подчинены общей концепции произведения, которая, безусловно, есть у рецензента и которая должна выработаться у всякого переводчика, прежде чем он напишет хотя бы первую строку своего перевода»⁴.

Мы видим, таким образом, что обучение редактированию служит и умению хорошо переводить. Вот почему, по-моему, студенты должны не только быть в состоянии переводить сами, но и квалифицированно оценивать чужие переводы.

С методической точки зрения практика редактирования путем анализа параллельных текстов с последующим исправлением перевода имеет ряд выигрышных сторон, позволяющих в какой-то мере компенсировать перечисленные в начале статьи трудности комплексной правки домашних переводов.

Во-первых, такая форма работы позволяет как бы отделить «черновую» работу переводчика (связанную, в частности, с нахождением слов в словарях, определением значения многозначных слов и конструкций и т. п.) от последующей работы над семантико-стилистическим единством перевода и его эквивалентностью оригиналу. Начинаящий переводчик еще не в состоянии справиться сразу и с тем, и с другим. Естественно, что преподаватели уделяют первоочередное внимание «технике», но на каком-то этапе нужно начать работать и над «артистизмом». Редактирование готовых переводов дает в руки студенту по меньшей мере подстрочник (хотя и в нем могут быть ошибки — и даже должны быть, чтобы не усыплялось внимание к чисто смысловой и технической стороне перевода), который он должен «отшлифовать». Студентам такая работа доставляет немалое удовольствие.

Во-вторых, обсуждается не сразу много переводов (что возрождает призрак некоего абстрактного идеального перевода), а один, совершенно конкретный перевод, который требуется оценить и, если надо, исправить и улучшить. Тем самым, на мой взгляд, ставится более правильный акцент на отношение оригинала и перевода, студенты приучаются к конкретному анализу.

В-третьих, устраняется нежелательный личностный момент из оценки перевода. Студенты весьма охотно обсуждают недо-

³ Топер В. Из архива редактора // Мастерство перевода. 1966. М., 1968. С. 337—362.

⁴ Там же. С. 337.

статки переводов, выполненных кем-то чужим, и с гораздо большей готовностью соглашаются с замечаниями преподавателя, чем если бы речь шла об их собственных переводах. Есть все основания думать, что, научившись анализировать чужие переводы, начинающий переводчик сможет более объективно смотреть и на свои.

Наконец, практика редактирования вносит известное разнообразие в формы работы на уроке перевода, из которых доминирующими являются обсуждение домашних переводов и переводов с листа. Она уместна, видимо, к концу урока: требуя не меньшего внимания, чем эти два вида работы, редактирование тем не менее снимает напряженность, связанную с боязнью студента чего-то не понять или что-то перепутать, как это бывает при переводе с листа. Здесь, впрочем, важно не передозировать, и, возможно, редактированием следует заниматься не каждый урок. Однако полезность этого вида работы требует его регулярного включения в занятия по письменному переводу.

А. Л. Коралова

(Москва)

ОСТОРОЖНО, — ФРАЗЕОЛОГИЗМ!

Термин «ложные друзья переводчика» является по сути дела метафорой и, как любая метафора, может допускать различные толкования. Возможность многообразной интерпретации этого термина оказывается даже удобной, когда предметом исследования становятся фразеологизмы, эти «капризы языка», во многом определяющие его колорит и специфику.

Если на лексическом уровне проблема «ложных друзей переводчика» уже рассматривалась и неоднократно, то на уровне фразеологии она лишь затрагивалась и притом очень бегло¹. А между тем ошибок, допущенных при передаче фразеологизмов с одного языка на другой, как в учебных, так и в опубликованных переводах немалое количество, и сам этот факт говорит о том, что проблема стоит достаточно остро.

Отнюдь не претендуя дать полное разрешение данного вопроса, мы постараемся вскрыть причины наиболее типичных ошибок, наметить так называемые «зоны повышенной опасности». В этом смысле можно сказать, что настоящая статья носит скорее «методико-профилактический», нежели научно-теоретический характер, хотя, возможно, некоторые наблюдения могут оказаться небесполезными и для общей теории перевода.

¹ См., напр.: *Рецкер Я. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1982. С. 38.

Под фразеологизмом принято понимать сверхсловные устойчивые образования с полностью или частично переосмысленным значением².

Иносказательность содержания, свойственная фразеологической единице (ФЕ), уже как будто призвана выделить ее из речевого потока, в большей мере фиксировать на себе внимание получателя сообщения. Правда, это в первую очередь относится к фразеологизмам с частично переосмысленным значением, в которых нарушена лексическая (реже лексико-грамматическая) дистрибуция. Отсутствие прототипов в числе свободных словосочетаний служит гарантией того, что «ложными друзьями переводчика» никогда не окажутся такие ФЕ, как *sun's eyelashes* — *сноп солнечных лучей сквозь тучи*, *make head against...* — *успешно сопротивляться, подниматься, восставать против*, *go the whole hog* — *делать (что-л.) основательно, доводить до конца*, *hit the headlines* — *стать темой газетных заголовков, попасть на страницы газет* и т. п. Даже если переводчик не знаком с тем или иным оборотом, его насторожит нарушение привычной логической связи и он непременно заглянет в словарь.

Иначе обстоит дело с устойчивыми выражениями, имеющими прототип в виде свободного словосочетания (чаще это относится к цельнопереосмысленным ФЕ). Правда, во многих случаях на выручку приходит контекст³. Из него нередко поступают сигналы к недопустимости буквального толкования фразеологизма, надо только эти сигналы не просмотреть. Однако иногда ограниченность объема контекста или отсутствие специфически выраженной связи с ним фразеологизма приводят к грубым переводческим ошибкам. Все компоненты выражения воспринимаются буквально, и смысл соответственно искажается. Очевидно, это «зона наиболее повышенной опасности» для переводчика, которую мы обозначим как зону № 1.

1. Например, не во всех контекстах легко узнать такие ФЕ, как *to hang up one's hat* — *поселиться или надолго остановиться (у кого-л.)*, *to measure one's length* — *растянуться во весь рост, грохнуться*, *to hold the baby* — *отдуваться за кого-л.* и т. д. Предложения *He measured his length* или *He left me holding the baby* не содержат в себе необходимых сигналов на то, что их надо понимать иносказательно.

² Таково понимание придерживаются А. В. Кунин (Английская фразеология. М., 1970), И. И. Чернышова (Фразеология современного немецкого языка. М., 1970), В. Г. Гак и Я. И. Рецкер (Предисловие к французско-русскому фразеологическому словарю. М., 1963).

³ Тут мы позволим себе не согласиться с утверждением С. Влахова и С. Флорина о том, что связь между ФЕ и контекстом, за немногими исключениями, «ничем не замечательная» (Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 180). Противоречие этому доказательству и примеры мы приводим в одной из своих статей. См.: Коралова А. Л. Смысловая структура фразеологизма и контекст. Сб. науч. рудов МГПИИЯ, вып. 198, 1982. Этой сложной проблематике посвящена диссертация А. Э. Эльгарова «Условия и лексические средства актуализации семантики фразеологизмов». М., 1983.

Фразеологизм *to dine with Duke Humphrey* — *уст. остаться без обеда* может по ошибке быть истолкован буквально в таком отрезке текста: “He will have no choice but to dine again with Duke Humphrey” (Ch. Dickens. *Marthin Chuzzlewit*, ch. 1).

Выражение *to let one's hair down* (*букв. «распустить волосы»*) подверглось двойному переосмыслению, что дало в результате фразеологизм, наделенный двумя значениями: 1. вести себя непринужденно, не считаться с условностями; 2. разоткровенничаться, излить душу. Однако не всегда легко разграничить свободное и фигуральное значения в контексте. Например: *Jane is a very nice girl. I'm sorry I've never seen her let her hair down.*

Только тщательный учет всех текстовых и ситуативных факторов может помочь найти правильное решение, когда фразовый контекст оказывается недостаточным.

2. «Ложными друзьями» можно назвать фразеологизмы и в тех случаях, когда они вызывают в ПЯ ошибочные, ложные ассоциации как фразеологического, так и нефразеологического характера.

Английское выражение *more dead than alive*, иногда ошибочно переводимое как *ни жив, ни мертв*, означает в самом деле состояние крайней усталости.

Фразеологизм *to pull the devil by the tail* (*быть в затруднительном положении, в стесненных обстоятельствах*) может направить русского читателя, пытающегося опереться на его внутреннюю форму, по ложному следу. Эту фразу по аналогии с русскими выражениями «держат бога за бороду» или «поймать за хвост жар-птицу» можно ошибочно истолковать чуть ли не в обратном смысле («быть хозяином положения», «быть везучим»).

- Образ, лежащий в основе английской идиомы *a heart of oak* также может привести к ложным ассоциациям, связанным с представлением о душевной глухоте, черствости или даже жестокости человека. В действительности же идиома имеет определенно положительную оценочность и характеризует человека как храброго, мужественного, отважного.

Встретив устойчивый оборот *to pass the time of the day*, невнимательный переводчик может пойти по самому легкому пути и по аналогии с русским, формально напоминающим его «соответствием», передать как «проводить время, проводить день», (особенно, если в контексте не имеется к этому никаких противопоставлений, как, например, в предложении: *He was passing the time of day with one of his secretaries.*

На самом деле фразеологизм означает следующее: 1. здороваться, обмениваться приветствиями с кем-л.; 2. поболтать, коротать время с кем-л.

Если не искаженным, то, по крайней мере, неточным окажется перевод ФЕ *every so often* оборотом «очень часто». Синонимом данного выражения является фразеологизм *every now and then*, и правильным переводом предложения *Every so often he*

and I go to a football match together будет: *Время от времени (иногда)* мы вместе с ним ходим на футбол.

Не следует опираться на буквальные значения компонентов и при переводе устойчивого комплекса to give the lie to smb., так как это может привести к прямо противоположному результату, т. е. к семантическому антониму исходного выражения. Данная ФЕ означает не «обмануть кого-л.», а *уличить, изобличить кого-л. во лжи*.

3. Другая опасная зона — представлена оборотами, имеющими в рамках ИЯ сходные по форме выражения, наделенные совершенно отличной семантикой. Неумение внимательно вчитаться в текст и увидеть в каждом выражении самостоятельную языковую единицу с определенным кругом значений является причиной того, что такие фразеологизмы могут превратиться в «ложных друзей» и сослужить недобрую службу. Строго говоря, «ложными друзьями» они становятся опосредованно, именно из-за наличия в ИЯ сходных с ними по форме оборотов, и не будь этих «ложных связей», данные ФЕ не представляли бы для переводчика никакой опасности.

Многолетняя практика преподавания перевода показывает, что выражение to wait on smb. нередко принимается студентами за очень схожее сочетание с другим послелогом — to wait for smb. и в результате простейшая фраза A beautiful girl was waiting on me in this cafe может быть переведена неправильно: «В этом кафе меня ждала (а надо: *обслуживала*) очень красивая девушка (лучше: *официантка*)».

ФЕ to make good time в таком нейтральном предложении, как We made very good time on our trip to Florida может быть ошибочно принято за выражение to have a good time. На самом деле первое относится только к быстрой езде и означает: *быстро пройти* или *проехать какое-л. расстояние, развить (большую) скорость*. Эту фразу следовало бы перевести так: *Мы очень быстро добрались до Флориды*.

Фразеологизм to put one's nose in означает *показываться, появляться где-л.*, и его не следует путать с выражением to put one's nose into smb's affairs — *совать нос в чужие дела*.

Этот пример, как нетрудно заметить, можно было бы отнести и к одной из двух предыдущих категорий, что лишний раз доказывает, что любая классификация условна и между группами нет непреодолимой границы.

4. К четвертой «зоне повышенной опасности» мы отнесем фразеологизмы, у которых в ПЯ имеются ложные двойники, т. е. ФЕ, совпадающие с ними по форме, но полностью расходящиеся по содержанию.

Это такие выражения, как:

wind in the head — *пустое воображение, зазнайство*, (а не «ветер в голове»);

see eye to eye (with smb.) — *быть полностью согласным с кем-л.* (а не «видеться с глазу на глаз»);

lead by the nose — *всецело подчинить себе* (а не «водить за нос»);

stretch one's legs — *размять ноги, прогуляться* (а не «протянуть ноги»);

stew in one's own juice — *страдать по своей собственной глупости, расхлебывать кашу, которую сам заварил* (а не «вариться в собственном соку»);

gun smb. to earth — *разыскать, достать из-под земли* (а не «загнать кого-л. в землю»);

under one's hand — *собственноручно, за собственной подписью* (а не «под рукой»);

put (throw) salt on smb's tail — *поймать, изловить кого-л.* (а не «насыпать соли на хвост», т. е. сделать неприятность, сильно досадить кому-л.).

Эти ФЕ — «ложные друзья»⁴ настоящие ловушки для переводчиков, но, к счастью, число таких совпадений в сопоставляемой нами паре языков невелико, и количество ошибок относительно небольшое.

Внутри данного класса фразеологизмов можно выделить подгруппу, представленную единицами, имеющими в ПЯ сходные по форме и относительно сходные по содержанию обороты, которые однако, не могут считаться эквивалентами в силу различий их семантических структур. Это выражения типа to throw dust into smb's eyes и *пускать пыль в глаза*. Общей доминирующей семой того и другого фразеологизма является «умышленность обмана». Эта сема фактически заполняет собой семантическую структуру английского оборота, что явствует из его дефиниции: «сбивать кого-л. с толку, вводить в заблуждение = *втирать очки*». Русский фразеологизм имеет более узкое и специфическое значение: «создавать ложное впечатление о себе у кого-л., представляя себя, свое положение и т. п. лучше, чем есть на самом деле».

Еще дальше отстоят друг от друга в смысловом отношении английская и русская идиомы with a heavy hand и *с тяжелой рукой*. Но эта семантическая отдаленность может оказаться незамеченной, к примеру, в следующем предложении: If you don't behave I'll come down on you with a heavy hand, при переводе которого легко ошибиться: «Будешь себя плохо вести — узнаешь, какая у меня тяжелая рука». На самом деле в английской фразе речь не идет об избииении, хотя в ней и содержится угроза: «Если ты себя будешь плохо вести, то тебе придется *не сладко*». Исходная адвербиальная ФЕ with a heavy hand имеет

⁴ Раньше выражениями именно такого типа ограничивался круг «ложных друзей переводчика» на уровне фразеологии. См.: Рецкер Я. И. Указ. соч. С. 38.

два значения: 1) жестоко, сурово; 2) неуклюже, неловко, грубовато, — первое из которых реализуется в анализируемом предложении. Русский оборот *с тяжелой рукой* означает человека, который обладает большой силой удара, больно бьет.

5. К пятой зоне мы отнесем многозначные ФЕ, у которых в ПЯ имеются соответствия, совпадающие по форме и частично по содержанию. Собственно говоря, «ложными друзьями» оказываются фразео-семантические варианты⁵ этих выражений, т. е. те значения ФЕ, которые не совпадают в двух языках. К примеру, английский фразеологизм *over smb's head* — *через чью-л. голову*, совпадает с русским только в одном из своих значений — «не посоветовавшись с кем-л., обойдя кого-л.», но не совпадает в других значениях: 1. выше чьего-л. понимания; 2. *амер.* не по средствам; не имея возможности расплатиться.

Устойчивый оборот *on the side* имеет с русским фразеологизмом *на стороне* два совпадающих значения: 1. дополнительно, в придачу: *to make money on the side* — зарабатывать *на стороне*; 2. тайком по секрету: “I hated it when you had your tiresome little affairs on the side.” (N. Coward. *We Were Dancing*, sc. 1) — «Я ненавижу все эти твои любовные интрижки *на стороне*». Повидимому, в русском языке эти два значения более тесно связаны (первое обычно подразумевает второе, как бы включает его в себя)⁶. Английской ФЕ свойственна более четкая дифференциация значений и одновременно большая широта семантики, она наделена еще и третьим значением, которое отсутствует у русской ФЕ: 3. *амер. разг.* = с небольшим добавлением чего-л. (к основной части или порции): *A drink of whisky with water on the side.* — «Виски, *немного разбавленное водой*».

Устойчивая императивная фраза *hands up!* совпадает с русской командой «*руки вверх!*», но русский оборот моносемантичен и не имеет второго значения, свойственного английской ФЕ: “please, raise your hands to show your agreement”. Например: “Hands up if you are willing to go in for the swimming competition.” (L. D. E. I)

6. В последнюю группу «ложных друзей» включены соответствия, которые можно было бы назвать «формально-семантическими», т. е. это ФЕ, совпадающие в соотносимой паре языков как по форме, так и по содержанию. Но по целому ряду причин — либо в силу расхождения объема содержания, либо из-за различий в лексико-грамматических дистрибуциях, либо из-за специфики оценочных нюансов значений, переводчик нередко вынужден отказываться от таких соответствий.

⁵ Этот термин построен нами по аналогии с термином «лексико-семантический вариант».

⁶ Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молотова толкует данную ФЕ однозначно: *не у себя, не дома, в чужом месте (работать, служить и т. п.)*.

Так, английскому фразеологизму *to get out of hand* соответствием можно считать совпадающий по значению и сходный по форме (за исключением числа существительного) русский оборот *отбиться от рук*. Это соответствие нас вполне устраивает при переводе следующей фразы:

"The children got out of hand while their parents were away" — «За время отсутствия родителей дети совсем отбились от рук».

Но в предложении *What caused the meeting to get out of hand yesterday?* мы вынуждены отказаться от этого соответствия. «Почему собрание вчера прошло так неорганизовано?» — вот один из возможных вариантов перевода этого предложения. Следовательно, объем семантики сопоставляемых единиц различен. В английском языке сфера употребления фразеологизма шире: *to get out of hand* = *to get out of control*.

Несколько различна дистрибуция и у следующих как будто бы абсолютных эквивалентов: *to read between the lines* и *читать между строк*. Английское выражение можно употребить как в отношении книги, статьи или любого письменного документа (что вполне соответствует нормативному употреблению русской эквивалентной единицы), например: "To understand that columnist you have to read between the lines, otherwise his words mean nothing", так и в отношении устного выступления или при оценке сложившейся ситуации (что несвойственно русскому соответствию), например, "Professor Elton was a good speaker but you had to be able to read between the lines to follow what he said". Очевидно, использованию русского соответствия при переводе последней фразы мешает большая буквализация глагола *читать*, или, иными словами, меньшая степень фразеологической абстракции у данной единицы в целом.

Относительными оказываются соответствия *to hang one's head* и *повесить голову*. И русская, и английская ФЕ означают один и тот же «жест», но в английском языке он связан с чувством стыда или вины ("this action is a sign of shame or guilt" — LDEI, DAI), а в русском является символом горести и печали. Текстовая дистрибуция, т. е. мотивированность использования этих оборотов в рамках широкого контекста, по-видимому, будет различной. Ср.: «Весь народ повесил голову. Стоишь по деревьям.» (Некрасов А. Н. Коробейники) и "Johnny hung his head when the teacher asked him if he broke the window" (DAI). Для перевода английской фразы лучше использовать выражение *потупил взгляд* или заменить формальное соответствие свободным словосочетанием: *виновато опустил голову*.

Приходится усомниться в абсолютной полноте эквивалентности и такой ФЕ, как *to kill time*. В то время, как оценочность данного выражения нейтральна, у русского соответствия она в зависимости от ситуации в большей или меньшей степени от-

рицательна. Русское выражение *убить время* — означает 'заполнить свободный промежуток времени каким-л. (часто пустым и никчемным) занятием'. В этом смысле оно полностью устроит нас в переводе, к примеру, следующей фразы: "To kill time, my brother and I counted all the red automobiles that passed us on the highway".

Но по крайней мере странно прозвучит дословный перевод английского предложения "What is your favorite way of killing time?" — «*Как ты больше всего любишь убивать время?*». Странно потому, что *убивать время* в русском языке означает не очень приятную необходимость, тогда как в семантике английского оборота содержится явно положительная оценка, которая отмечается и в его словарной дефиниции: kill time — try to fill otherwise empty time in as interesting a manner as possible, таким образом, более точным переводом последней фразы будет: «*Как ты любишь проводить свободное время?*»

Давая краткий обзор вышесказанному, мы считаем нужным еще раз остановиться на следующих моментах:

Фразеологизмы — как и слова — могут оказываться «ложными друзьями переводчика». Разнообразие их типов велико, и это, к сожалению, приводит к многочисленным переводческим ошибкам. Мы попытались выделить несколько «зон повышенной опасности» при переводе ФЕ, т. е. вскрыть следующие наиболее типичные причины, ведущие к ошибочному переводу:

1. Буквальное восприятие фразеологизма и, соответственно, покомпонентный перевод его как свободного словосочетания.

2. Перевод ФЕ по ложной ассоциации оборотом как фразеологического, так и нефразеологического характера.

3. Смещение в рамках ИЯ на этапе восприятия текста сходных по форме, но различных по содержанию ФЕ.

4. Перевод ФЕ формальным соответствием, т. е. идиоматичным оборотом, имеющим ту же форму, но другое содержание.

5. Полное отождествление частичных соответствий, имеющих несовпадающие фразео-семантические варианты.

6. Использование для перевода ФЕ формально-семантических эквивалентов без учета специфики их дистрибуции, семантических нюансов и оценочных факторов.

Представляется, что внимательный подход к проблеме перевода фразеологических оборотов помог бы значительно сократить число переводческих ошибок.

При написании статьи были использованы следующие словари: *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова. М., 1978. Longman Dictionary of English Idioms (LDEI). A Dictionary of American Idioms by Maxine Tull Boatner and John Edward Gates (Update Editor: Adam Makkai) DAI).

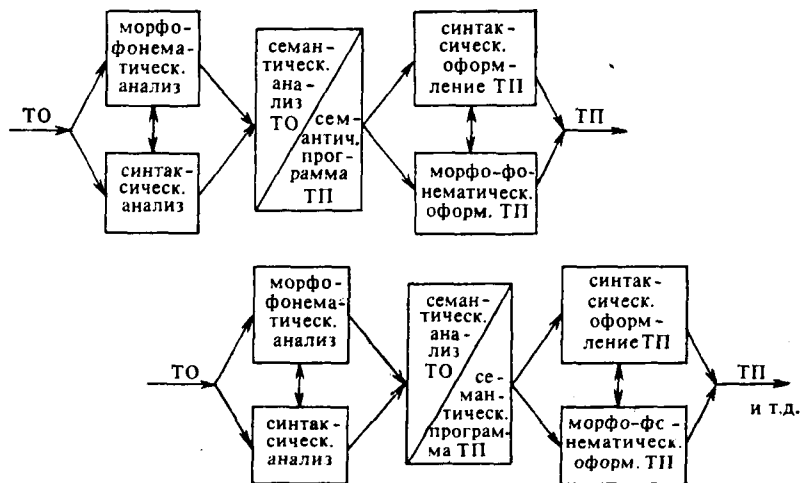
СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: ПУТИ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ

Вопросы подготовки синхронных переводчиков приобретают все большее значение в свете проведения многочисленных международных мероприятий, успешная работа которых в значительной мере определяется профессиональным уровнем синхронного перевода. Особо важным является начальный этап обучения навыкам синхронного перевода, в ходе которого закладываются основы для дальнейшего развития и совершенствования профессиональной квалификации устного переводчика в ходе последующей практической деятельности.

Несмотря на имеющийся опыт подготовки синхронистов на Курсах переводчиков ООН и Высших курсах переводчиков при МГПИИЯ им. М. Тореза, методические основы обучения навыкам синхронного перевода еще не сложились, что приводит к определенным трудностям, особенно при создании новых учебных центров для подготовки устных переводчиков таких, например, как Высшие курсы переводчиков при Тбилиском государственном педагогическом институте иностранных языков им. И. Чавчавадзе.

В этой связи представляется целесообразным изложить некоторые соображения методического характера по данной проблеме с учетом опыта подготовки синхронных переводчиков на Высших курсах переводчиков при МГПИИЯ им. М. Тореза и обучения навыкам синхронного перевода студентов V курса переводческого факультета упомянутого института.

Для практических целей обучения процесс синхронного перевода (СП) можно представить в виде ряда последовательных операций с текстом оригинала (ТО) и текстом перевода (ТП), представленных на следующей ниже схеме.

Предлагаемая схема СП имеет весьма упрощенный вид, в ней, в частности опущены операции, или блоки, самоконтроля, не учитывается вероятный прогноз переводчика на всех уровнях восприятия и порождения речи, не отражена работа оперативной памяти. Тем не менее она содержит узловые моменты переводческого процесса, которые необходимо прежде всего иметь в виду при разработке методики подготовки синхронного переводчика. Как видно из схемы (вертикальное расположение блоков подразумевает одновременность выполнения операций), СП начинается с морфо-фонематического и параллельно идущего синтаксического анализа ТО, в процессе которого линейная последовательность разворачивающихся во времени лексических и синтаксических единиц речи, поступающих в слуховой анализатор переводчика, подвергается фонематической, морфологической и синтаксической обработке. В процессе этой обработки определяются фонетические и просодические характеристики речи: темп, интонационно выраженная или невыраженная эмоциональность оратора, акцент, наличие или отсутствие фонетических искажений и т. п. Кроме того, устанавливается круг референциальных и грамматических значений, идентифицируются грамматические и синтаксические структуры.

На этапе семантического анализа происходит уяснение смыслового содержания воспринятого отрезка ТО на основе проведенного морфофонематического и синтаксического анализа и с учетом коннотативных и прагматических значений и коммуникативной направленности ТО, заранее известной переводчику или прогнозируемой им. Иными словами, воспринятая и обработанная на первом этапе анализа развернутая поверхностная структура речевого сегмента преобразуется в свернутую глубинную семантическую структуру, которая и послужит семантической программой для построения поверхностной структуры соответствующего отрезка ТП.

Семантическая программа на следующем этапе переводческого процесса получает синтаксическое и морфо-фонематическое оформление в соответствии с нормой языка перевода и вербализуется переводчиком.

Все перечисленные этапы переводческого процесса при СП, кроме анализа начального сегмента ТО, происходят одновременно с проговариванием ТП, т. е. оформлением и вербализацией семантической программы соответствующего речевого отрезка. Одновременность восприятия устной речи и порождения перевода и представляет собой главную особенность СП по сравнению с другими видами перевода и обуславливает необходимость приобретения специфических навыков и знаний.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что методика обучения синхронному переводу прежде всего должна быть ориентирована на развитие у слушателей базового навыка одновременного восприятия устной речи и порождения перевода. Освоение этого навыка требует длительной и дифференцирован-

ной подготовки, основанной на комплексном подходе к проблемам поэтапного усвоения и развития навыков одновременного слушания и говорения, умения распределять и переключать внимание, быстроты переводческой реакции в экстремальных условиях синхронного перевода.

Развитию навыка одновременности восприятия и проговаривания помогают так называемые упражнения «слежения», при которых слушателям зачитывается цепочка слов, которые следует повторять за преподавателем без отставания на языке оригинала. Обязательным условием этого упражнения является то, чтобы слова в цепочке были связаны одним понятийным или ассоциативным полем или описывали некоторый предмет действительности. В этом случае слушателям дается задание по окончании упражнения ответить на вопрос: что было ключевым понятием в цепочке? или какой предмет можно описать с помощью этой цепочки слов? и т. п. В этом случае само упражнение нацеливает не на механическое повторение и удержание в памяти некоторых лексических единиц, а на осмысление некоторой воображаемой ситуации, что, во-первых, развивает вероятностный прогноз, а, во-вторых, тренирует навык семантического анализа в условиях одновременного слушания и говорения. Это упражнение способствует развитию оперативной памяти будущих переводчиков и, что немаловажно, расширяет тематический словарный запас, способствуя переводческой активизации словаря. Упражнение на слежение обязательно получает логическое завершение в упражнении на перевод.

Развитию оперативной памяти содействует упражнение по резюмированному изложению содержания небольшого (не более 5 минут звучания) отрывка, который зачитывает преподаватель. Последующим этапом является аудирование более продолжительных отрывков оригинальных выступлений с последующим резюмированным переводом при особом акценте на необходимость передачи веховой информации. Предшествовать такому упражнению может также упражнение на «слежение», но уже не на цепочках слов, а на связном тексте, который затем может резюмироваться на языке перевода.

Параллельно с развитием базового навыка синхронности восприятия и перевода проводится кропотливая работа по становлению и укреплению навыков, связанных с каждым из описанных выше этапов СП. Так, для выработки у слушателей умения воспринимать быструю речь или выступления ораторов, говорящих с акцентом, используется упражнение по «слежению», суть которого состоит в том, что переводчик повторяет за выступающим каждое слово, устраняя в случае необходимости акцент и другие фонетические неточности. Для такого вида работы безусловно требуются пленки с текстами реальных выступлений. Однако преподаватель может читать текст и сам. В этом случае полезно варьировать скорость чтения, добываясь от слушателей полного и точного воспроизведения текста при любых условиях

его подачи. При этом не следует ограничивать задание только слежением за оратором. Дополнительным заданием к упражнению по «слежению» обязательно должны быть вопросы, касающиеся содержательной стороны текста — самые общие: о чем шла речь? и более конкретные, касающиеся деталей, аргументации приводимых в тексте фактов и, наконец, вопросы, касающиеся коммуникативного задания текста.

Хорошее понимание ТО предполагает наличие у переводчика тезауруса по целому ряду отраслей человеческой деятельности, к числу которых относятся не только социально-политические, но и специальные области знания. Без широких фоновых знаний такая универсальная деятельность, как синхронный перевод, вызывает большие трудности. Однако и при наличии большого тезауруса и обширных фоновых знаний начинающий синхронный переводчик зачастую испытывает определенные трудности в мгновенном нахождении необходимого эквивалента. Субъективно такая трудность воспринимается им как некоторое косноязычие. Причина здесь в том, что при большой концентрации внимания на семантическом анализе ТО и составлении семантической программы ТП на поиск необходимой лексико-грамматической единицы вербализуемой поверхностной структуры языка перевода времени практически нет, она должна быть уже наготове. То есть, желательно уже на этапе семантического программирования иметь готовые структуры, речевые штампы, клише, наиболее частотные фразы и словосочетания (по тематике ТО) на языке перевода, которые займут так хорошо известный начинающему синхронному переводчику вакуум, когда «смысл ясен, а слова нет». Решить эту проблему хотя бы частично помогут упражнения на прямое перекодирование с предшествующим «слежением». Так, у начинающих переводчиков могут возникнуть затруднения при передаче так называемых слов широкой семантики, перевод которых возможен только с опорой на контекст. Для практических целей желательно, чтобы слушатель имел своего рода «дежурные» русские эквиваленты таких слов, передающие их наиболее часто встречающиеся значения, например:

pattern — закономерность, форма, структура
challenge — задача, проблема, трудность
routine — регулярный
habitat — местообитание, среда
marginal — нерентабельный, минимальный
phylosophy — принципы, подход
history — развитие
meaningful — убедительный, эффективный, конструктивный

При обучении СП с английского языка на русский у слушателей также следует вырабатывать навык передачи английских отглагольных существительных русским глаголом. Это не только

повышает качество русского текста, но и содействует его компрессии, сравните:

He gave us a sharp awareness of the situation. — Он позволил нам глубоко осознать происходящее.

I wish to express my profound concern. — Я глубоко озабочен.

Одна из трудностей перевода вообще, и СП в частности, заключается в присущей каждому языку специфической сочетаемости слов. В качестве примера можно назвать английские атрибутивные сочетания, где позицию определяемого элемента нередко занимают слова, не имеющие легко находимого соответствия в русском языке. Слушателей необходимо ознакомить с основными приемами передачи подобных словосочетаний, позволяющими найти русский эквивалент в условиях предельно ограниченного бюджета времени. Основной подход заключается в определении ядра словосочетания и отыскания его русского эквивалента. Перевод определительного элемента осуществляется в этом случае с опорой на его общее значение и сочетаемость русского слова в ядерной позиции, сравните:

down-to-earth research — исследование *практического характера*

confusionist attempts — попытки *внести путаницу (спутать карты)*

gratuitous acts of barbarism — *беспричинные (ничем не спровоцированные) акты насилия*

Другой способ состоит в замене атрибутивной синтаксической связи на другой тип связи, чаще всего сочинительной, сравните:

conniving indifference of the international community — проявление попустительства и равнодушия со стороны международного сообщества

callous disregard — проявление черствости и неуважения

Аналогичный подход используется при переводе глагольных словосочетаний, сравните:

to meet threats to international peace — отразить угрозу международному миру

Говоря об особенностях этапа порождения ТП, следует остановиться на двух наиболее существенных его моментах, а именно компрессии и парафразе. Метод смысловой компрессии исходного текста при СП следует понимать творчески, а не как простое усечение высказываний. В своем стремлении к максимально сжатой форме ТП переводчик, конечно, использует такие

приемы компрессии, как передача парных синонимов одним словом, использование антонимического перевода, опущение вспомогательных фраз и «упаковочной» лексики. Но основной резерв компрессии состоит в использовании метода парафразы, под которым понимается возможно более краткое изложение важнейшей информации, заключенной в ТО. Развитию навыка парафразы помогает упражнение по выявлению информативных «пиков» в небольшом отрывке на иностранном языке, который зачитывает преподаватель, с последующим реферативным пересказом верховой информации на русском языке. Для закрепления навыка парафразы переработанный текст переводится синхронно. В ходе практических занятий у слушателей необходимо вырабатывать психологическую установку на то, чтобы они не «держались за слово», а стремились к пересказу услышанного в максимально сжатом виде.

Качество СП во многом зависит от переводческого анализа ТО, поэтому соответствующий этап перевода заслуживает особого внимания. На начальной стадии обучения СП переводу выступлений должен предшествовать подробный анализ трудных для синхронного перевода мест, идиоматических сочетаний, клише, пословиц, синтаксических комплексов и т. п. В скобках следует заметить, что такой работой достигается двоякая цель. Во-первых, облегчаются задачи СП, и слушатель может уделять больше внимания выработке базового навыка, во-вторых, расширяется его словарный запас и общее знание языка оригинала. Практика занятий по синхронному переводу в языковом вузе показывает, что их отдача может быть большей при увязывании тематики уроков по СП с теми вопросами, которые обсуждаются на занятиях по другим аспектам преподавания языка, в частности, практики письменного перевода на русский и иностранный языки.

Важное значение имеет умение пользоваться контекстом при прогнозировании последующей части высказывания и восполнения пропущенных или неточно понятых слов. Для этих целей полезно упражнение по переводу стандартных текстов с вкраплением незнакомых слов и незавершенных предложений.

На этапе порождения ТП необходимо также уделять особое внимание развитию навыка самоконтроля.

И, наконец, в отношении того, что касается проговаривания ТП, то уже на начальном этапе обучения необходимо вырабатывать правильную манеру перевода, делая особый акцент на устранение шумового фона, отработку дикции, плавность подачи материала и интонационную оформленность высказывания.

Закрепление и усовершенствование полученных навыков осуществляется на основе усложнения материала для СП, связанного с фонетической, грамматической и стилистической спецификой перевода выступлений представителей развивающихся стран (Индии, Пакистана), стран Африки и Юго-Восточной

Азии, а также ускоренным темпом речи ораторов. Это дает возможность охвата разнообразной тематики выступлений наряду с различными отклонениями от нормативного английского языка.

Особого внимания заслуживает постоянная целенаправленная работа над нормативным русским языком перевода с точки зрения структурно-синтаксической корректности конструкций и правильной сочетаемости. В этом плане наряду с регулярным прослушиванием международных обзоров и чтением прессы можно рекомендовать участие в прениях, дискуссиях и развитие у себя навыка выступления перед широкой аудиторией.

Павел Грушко

(Москва)

ПОИСК ЕСТЕСТВЕННОЙ НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ (ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПОЭМЫ ЛУИСА ДЕ ГОНГОРЫ-И-АРГОТЕ «СКАЗАНИЕ О ПОЛИФЕМЕ И ГАЛАТЕЕ» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Это произведение, одно из наиболее барочных у великого испанского поэта XVII века Луиса де Гонгоры-и-Арготе, требует определенных познаний и немалых усилий даже от читателей испанского оригинала. С избытком наделенная приемами изощренного стиля, поэма изобилует темными местами, порой трудно поддающимися расшифровке, — в то же время многие из ее октав светятся неповторимыми, поразительно свежими красками¹. Содержание поэмы — любовь нимфы Галатеи к Акиду, вызвавшая ревность и гнев Полифема, который убивает соперника, — история, пересказанная многими авторами и прежде всего Овидием, однако перо Гонгоры придало этому сюжету редкостную яркость и завершенность.

При переводе главной трудностью и явилось воссоздание образа поэмы, которая должна восприниматься современным русским читателем, как произведение «культуриста», эрудита, не только знакомого со всем объемом поздневозрожденческой культуры, но намеренно «затемняющего» свое творение. Сам Гонгора объяснил, почему он это делает: «То, что находится под спудом данных тропов, будучи открытым, силой завоевывает сознание и, завоевав его, доставляет ему удовольствие». Иными словами, Гонгора хотел пробудить любопытство читателя, распалить его страсть разгадывать, льстя себе разгадкой.

Что же это за тропы? Каковы способы их воссоздания на русском языке?

Прежде всего рассмотрим лексический материал, словесную массу.

Это, во-первых, широкий круг имен, названий и понятий мифологических (таких, как *Талия*, *Полифем*, *Галатея*, *Нептун*, *Амур* и т. п.), географических (*Низбла*, *Уэльва*, *Пиренеи*, *Европа*, *Эритрея* и т. п.), космографических (*Солнце*, *созвездие Пса*

¹ Работая над переводом «Сказания» и других произведений Гонгоры, мы, в основном, опирались на труды Дамасо Алонсо, значение которых для исследователей и переводчиков Гонгоры трудно переоценить.

и т. п.). Они легко поддаются воссозданию и — в силу несколько большей отдаленности русской культуры от античной мифологии и средиземноморской географии — хорошо «работают» на стиль поэмы в переводе, особенно в случаях придания отдельным именам архаичного написания: *Талья, Нептунов*. В отдельных местах, из соображений рифмовки и для большего «ритмического удобства», мы заменяли латинское имя греческим аналогом (*Амур — Купидон*) и наоборот, исходя из того, что сам Гонгора не был последователен в этом.

Во-вторых, это затемняющее стиль заимствование слов из других языков (чаще всего из латинского). За невозможностью черпать в большинстве случаев из этого источника (и нерациональностью, ибо у русского слуха нет родственной чуткости к латыни, как у испанского), мы решили в данном случае использовать русские архаизмы и редкие синонимы, зачастую черпая из старославянского, играющего в данном случае роль «русской латыни».

Это такие глаголы, как *наказывать, мниться, торить, сребрить* и т. д.; существительные *цевница, чертог, зрак, лилея, овчар, персты, око, первины, оратай, первоприплодые* и т. д.; прилагательные *полунощный, норовистый, светозарный, тороватый* и т. д.; наречия *от веку, доселе, стократ, тяжеле* и т. д. и другие формы: *сей, сколь, вокруг* и т. д.

Из этого материала в сочетании с обычным, общеупотребительным словарем и реконструировались изобретательные гонгоровские приемы.

Во-первых, метафоры-загадки, которые у Гонгоры образуются эпитетом, сочетающимся с подчас далеким существительным: *de la tierra bostezo — земли зевок (пещера); la exprimida grapa — выжатый кармин (вино); ambas luces bellas — два дивных солнца (глаза); el niño dios ... de la venda — младенец-бог в повязке (Амур)* и т. д.

Во-вторых, замечательные гонгоровские двучленные, распаханые, как крылья бабочки, строки:

*peinar el viento, fatigar la selva —
ветров не режешь, не гнетешь дубрав;
que un silvo junta y un penasco sella —
призывом свист, большой валун запором;
o purpura nevada, o nieve roja —
снег пурпурный иль пурпур снеговой.*

В-третьих, причудливые «волюты» инверсий, как в этом фрагменте октавы:

*Был как большая мускулов гора
свирепый сей (Нептунов сын, страшила,
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней старшего светила)
циклоп...*

В-четвертых, большие, порой переходящие из октавы в октаву периоды.

В-пятых, аллитерации, как мягкие, так и обостренно подчеркнутые: *перстами цедит он густые струи; птиц полунощных безобразный сброд; он блеск в златую заточил подвеску; там шерсть как снег, пушит бока вершинам; доныне гордый норв Галатеи; обвил стволы и обнял валуны.*

* * *

Лишь в некоторых, особо сложных случаях, мы позволили себе поиск эквивалентов, исходя из функции образа, стараясь при этом посылно сохранить его структуру, а также звуковые и колористические черты, как, например, в этом случае: *que es rosas la alba y rosicler el dia* — *на мальву дня меняет мак денница*, когда, за отсутствием совпадающих по корню слова аналогов, мы заменили пару *rosas* — *rosicler* на *мальва* — *мак*, перенеся внимание с корневого подобия на звуковое (при сохранении «цветочной» природы образа) и усилив аллитерационный заряд строки новой парой *день* — *денница*.

Немаловажным сочли мы и воссоздание «плотности» русского поэтического материала с помощью повышенной «компрессии», сжатия, напряжения строки, а порою и целых блоков, что сближает, на наш взгляд, перевод с барочным оригиналом и отчасти с испанским стихосложением вообще, в котором наличие «синалефы» (соединение воедино последнего слога слова с первым слогом последующего слова) и дифтонгов повышают удельный вес строк: *коль ты уже у стен Уэльвы, граф; стопы, чей страх утих, пыл гонит смело; чем, нежа юный вяз лозой, в напасте;* и т. д. При этом мы исходим, в противовес некоторым нормам «благочтения», из того, что русская речь, при всем консонантизме языка, обладает прекрасными артикуляционными возможностями, звуковым симфонизмом, который в данном случае как нельзя более уместен.

В отдельных случаях нами были намеренно оставлены неточности, встречающиеся у Гонгоры, как например: *previene gaou fulminante trompa* — *опережает гул слепящий луч.*

Выбирая способ рифмовки, мы сочли необходимым чередовать от начала до конца поэмы мужские и женские рифмы, что соответствует балансу окончаний в русской поэзии. Перевод одними женскими рифмами, какие только и наличествуют в оригинале «Полифема», практикой русского стихосложения определяется как монотонность.

Для придания ритму менее закованного хода, мы допустили использование ударений, «возбуждающих» канонический двенадцатисложный ямб, что, к слову сказать, «намекает» на менее акцентуруемую структуру испанской силлабики. К примеру:

Был как большая мускулов гора... ('— —' — —')

Верней для аспида в траве засада... (—'—'— —'—'—)
Коих и Акид умолить спешит... ('—'—'— —'—')
Чтя зятя, нарекла его рекой... ('— — —'—'—')

* * *

Избранный метод перевода мы определили бы как формально (но отнюдь не формалистически) «жесткий» метод, максимально использующий приемы самого автора для перевыражения формы, которая является как бы «еще одним содержанием». Иными словами, последовательно заимствуя у Гонгоры, как у «иноплеменника» несколько странные для языка перевода средства (по примеру его самого, откровенно заимствовавшего из других источников), мы таким образом попытались воссоздать образ поэмы.

Разумеется, данный подход уместен далеко не всегда, а лишь в случаях, подобных этому, когда «естественна неестественность», когда имеешь дело с произведением подобного стиля, который Дамасо Алонсо назвал «конденсатом, уплотнением до крайности всех элементов поэзии Возрождения».

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА-И-АРГОТЕ

Поэма о Полифеме и Галатее

(1) Поэт просит графа выслушать его стихи.¹

Стихи, чей звучный мне насканан строй
премудрой Тальей, что пастушкой мнится,
когда — мой граф! — багряною порой
на мальву дня меняет мак денница, —
услышь, златя Низблы мрак сырой,
стихи, что извлекла моя цевница,
коль ты уже у стен Уэльвы, граф,
ветров не режешь, не гнетешь дубрав.

(2) Чтобы стихи могли быть услышаны, поэт просит охотничьих животных угомониться.

Пусть на руке сокольника сонливо
лощит перо пресыщенный ловец
или на жердочке, столь тих на диво,
что чуткий не очнется бубенец;
узду златую — пеной — пусть лениво
посеребрят арабский жеребец;
и пес уймется на шелковой своре.
А зычный рог уступит цитре в споре.

(3) Поэт просит графа, пользуясь отдыхом на охоте, выслу-

Нелегкий, да прервется миром спор
в досуге чутком и молчанье чинном,
чтоб в августейший твой проник шатер

¹ Для кратких объяснений строф взяты извлечения из работы Дамасо Алонсо «Гонгора и "Полифем"», в скобках — порядковые номера строф.

шать стихи, обещая достойно прославить ими господина.

(4) Поэт указывает место действия поэмы (это Сицилия) и начинает описание пещеры Полифема.

(5) Описание пещеры Полифема.

(6) Завершается описание пещеры.

(7) Описание самого Полифема.

(8) Продолжение описания Полифема.

напев свирепый, спетый исполином.
Твой вкус дай Музам усладить, сеньор,
и пусть моя ликующим зачином
рожка (а он у Фамы — не второй)
в земных пределах род прославит твой.

Там, где подошву Лилибея рьяно
понт сицилийский пеною сребрит
(таит ли эта полость горн Вулкана
иль этот склеп Тифея прах таит),
где бледный пепла след хранит поляна,
чей тяжким ремеслом унижен вид
или позывом гнусным, — кляпом стала
высокая скала во рту провала.

Убранством скудным стынут над скалой
стволы, их кронам, схожим с дикой
шкурой,

безветрием обязана и мглой
пещера больше, чем скале понурой, —
слепое ложе и приют гнилой
для жуткой ночи, а приметой хмурой —
птиц полунощных безобразный сброд,
чьи клики скорбны и тяжел полет.

Таков провал, который в толще черной
разъят земли томительным зевком,
где Полифем, гроза округи горной,
глухой чертог обрящет, темный дом
и для овечьих стад загон просторный:
все кряжи скрыты мрачные кругом
их массами skleпящими, которым
призывом дикий свист, валун затвором.

Был как большая мускулов гора
свирепый сей (Нептунов сын, страшила,
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней старшего светила)
циклоп, кому сосна, сколь ни храбра,
жердиной легкой став, трусливо льстила,
под грузным гнетом, тоньше тростника:
день — посох овчара, другой — клюка.

Чернеющих волос поток волнистый —
подобье сумрачных летейских вод,
терзает пряди ветер норовистый,
спадающие грязно и вразлет,
а бороды каскад (как сын нечистый
спаленных Пиреней) на грудь течет,
чьи неумело, изредка и всуе
перстами цедит он густые струи.

(9) Поэт рассказывает, как Полифем убивает самых свирепых зверей.

В Тринакрии нет зверя среди скал,
сколь злобным ни был бы и скороногим,
чей бег помог бы и зубов оскал
сберечь свой мех, любезный краскам
многим:

уже овчиной стал тот, кто пугал
того, кто крался призраком убогим,
волов к загону с пахоты гоня
по смутным тропам меркнувшего дня.

(10) Плоды из сумы
Полифема.

С чуланом (чем полней, тем больше)
схожа
сума, где плод круглится налитой,
гнетущий с поздней осени все ложа
травы, чья спорит мягкость с добротой:
рябина, чья морщит на сене кожа
и груша с колыбели золотой
солемы, чья ревнивая охрана
и спрячет плод, и наведет румяна.

(11) Перечисление
плодов

В косматой коже сумы — каштан
(с айвой, ни финиковой, ни зеленой)
и яблоко, чья розовость — обман
в отличие от бледности смущенной
и с дуба (гордость гор — он, как титан,
был веку золотому доброй кроной)
дар и еда (хоть груб сей плод и плох)
невиннейшей и лучшей из эпох.

(12) Поэт описывает инструмент Полифема и воздействие этой дикой музыки.

Воск и пенька скрепили — и напрасно! —
сто камышин, чей дикий стон сгущен
стократным эхом так же громогласно,
как воском и пенькой скрепленный стон.
Лес возмущен и на море ненастно,
ломает свой завитый рог Тритон,
оглохли парус и весло от зыка, —
столь Полифема яростна музыка!

(13) Любовь Полифема к Галатее.
Описание нимфы.

Дориды дочь ему всех нимф милей,
когда-либо рожденных в пышной пене,
То Галатея, прелесть Граций ей
Венера подарила в упоенье.
Два светозарных ока, звезд ясней,
белейшее венчают оперенье:
Юноны лебедь, а равно павлин
Венеры, столп Нептуновых глубин.

(14) Продолжение
описания.

Аврора в нимфе чистоту лилеи
сплела с кармином розы огневой,
смущен Амур: что впору Галатее —

снег пурпурный иль пурпур снеговой?
Зря подражает жемчуг Эритреи
её челу: разгневан бог слепой —
на ушке перламутровом, в отместку,
он блеск в златую заточил подвеску.

(15) Любовь морских божеств к Галатее. Нимфу полюбил Главк.

На зависть нимфам, боги, сколь ни будь их в море, отдают сердца шалунье: малыш крылатый горд, вслепую путь верша на раковине по лагуне. Зеленокудрый, чью стесняет грудь не чешуя, а стоны, — Понтий втуне гордячку на возке из хрусталя умчать в серебряные мнит поля.

(16) Другой морской бог — Палемон (называемый Гонгорой Палемом), тоже влюблен в Галатею, которая его отвергает.

Морской юнец — лазурь чела в кораллах нежнейших — Палемон, кому казной вода от Маяка на злобных скалах до Мыса оконечности иной, — как Полифем (пусть в меньших, но немалых терзаньях) к ветроногой нимфе той стремится, что, его заслышав пени, в цветах быстра, как он в кипящей пене.

(17) Продолжение темы предыдущей строфы

Красивице бегущей стать бы рад пловец влюбленный сладостной препоной: пусть и не аспидом для дивных пят — плодом златым для быстроты смущенной; но разве лестный блеск и смертный яд вольны пресечь полет стрелы, перенной презреньем? Догонял когда и где косылю на земле дельфин в воде!

(18) Начало беглого описания Сицилии.

Сицилия — рог Вакха, сад Помоны, — щедра на все, что прячет и родит: тот множит пышные гроздей короны, а та румяные дары плодит, Цереры воз здесь летним цепом склоны пшеничные от веку не щадит, торят к ее колосьям спелым тропы, как муравьи, провинции Европы.

(19) Завершается описание Сицилии. Любовь, которую испытывают к Галатее все мужчины острова.

Горам завидным Палес воздаст щедрее, чем Церера всем равнинам. Здесь в поле золотого града гнет, там шерсть, как снег, пушит бока вершинам. И все, кто снег стрижет, и злато жнет, и чаны полнит выжатым кармином, —

от веры или страсти нимфу тут
за божество, пусть и без храма, чтут.

(20) Дары, приносимые ей пахарями, овчарами и садовниками.

Но все же есть алтарь: там, где крылатой волною пенной смочен брега скат, — первины оставляет там оратай, овчар — слепое первоплоды стада, рог Альматеи, в благах тороватой, садовник ивовой циновке рад отдать, которую сплетала ловко дочь скромная, сколь ни проста циновка.

(21) Воздействие на юношей острова любви к Галатее.

Пылает младость, и неспешный плуг лишь гладит земли, что взрезал доселе, волом едва влачимый, чей досуг, хозяйскому под стать, — блуждать в безделье, без пастухов, что им свистел, на луг бредут стада, не слыша, чтоб скрипели пращи: там, где пастух-бедняк исчез, свистит — зефир, скрипит — дубовый лес.

(22) В отсутствие влюбленных в Галатею пастухов, псы не охраняют стадо, и волки нападают на него.

Пес ночью нем, а днем, меж скал блуждая из тени в тень, где ляжет, там и спит. Скот блеет, жалким бляньем рождая тень волка, что из тьмы ночной хрипит. Он кровь одной, жестокость услаждая, на то, что кормом для другой, кропит. Свист воскреси, Амур, иль пусть в тенета хозяина возьмет, как пса, дремота!

(23) Галатее отдыхает у ручья и засыпает под напевы птиц.

А быстроногая, под лавр упав, чей ствол ожогов солнечных не знает, жасмины (коих столько, сколько трав, вокруг снега чресел) над ручьем склоняет. Со сладким стоном сладкий стон связав, один другому соловей пеняет, руладой в сон глаза ее маня, дабы три солнца не спалили дня.

(24) В разгар жары, к месту, где спит Галатее, приближается Акид: склонившись к ручью, он пьет, глядя на спящую нимфу.

Как саламандра в Солнце, Пес рычащий, ерошил шкуру звезд своих, когда (пыль во власах, пот на челе, слепящий, как молнии из бисерного льда) явился Акид: видя Запад спящий двух нежных солнц, чей сон двоит вода, — он ртом и взором пьет, про все забывший, хрусталь текучий и хрусталь застывший.

- (25) Краткое описание Акида. Был Акид — Купидонова стрела — рожден Симетис дивной и сатиром, в ком совмещен вид мужа и козла, — и был он чтим земным и водным миром. Так сталь магнит пленительный нашла, поклонник — спящим ослеплен кумиром, — богатый тем, что дарит бедный сад, дают коровы и дубы растят.
- (26) Дары, которые Акид оставляет около спящей Галатеи. Миндаль с небесной влагой загустелой, чья мякоть зелена, но не крепка, близ нимфы ставит он в плетенке белой и масла ком на листьях тростника, а в легкой пробке, выделки умелой, златое чадо дуба-старика, — сладчайший улей из дупла, в чьи недра весна нектар на воск сочила щедро.
- (27) Акид освежает руки и лоб водой из ручья. Робкий ветерок веет над местом, где спит Галатея. Горяч, ручью он руки отдает и холод струй ко лбу подносит ими между двух мирт, подобных в пене вод зеленым цаплям с перьями седыми. Фавоний вольной кисей разлет питает льстиво вздохами своими над ложем (нет воздушней гамака!) чьи тени свежи, а трава мягка.
- (28) Плеск воды, которой умывается Акид, пробуждает испуганную Галатею. Едва, вскипев, ручей серебровозвонный нарушил плеском тишину полей, она, обидев свой приют зеленый, косою стала собственных лилей. Бежала бы, но столь студен рожденный в груди испуг, разлитый ленью в ней, — что стынет быстрый лёт и легкость бега от льдистых перьев и капканов снега.
- (29) Галатея находит дары Акида, но не видит того, кто их принес. Мед в пробке видит, сгусток молока на тростнике и рядом плод в корзине, но где дароподатель, чья рука, даря, богиню чтит и сон богини? Сто раз пропасть готова, но пока немалый знак сей льстивой благостыни, хоть изваянье снега холодней, волненья потеснив, дал думы ей.
- (30) Нимфа думает, на чей счет отнести подношение. И тогда Амур решает сломить неприязнь, ко-
- Нет, не Циклоп — виновник лестной дани, не гнусный фавн и не иной урод, живущий в сельве, чью узду желанье ослабило, а сон трикрат гнетет. Младенец-бог в повязке, — вот чьи длани

торую выказывает
ко всем Галатея.

(31) Амур ранит
стрелой Галатею, и
в сердце нимфы воз-
никают сомнения.

(32) Галатея не ве-
дает имени даронос-
ца. Она ищет, нахо-
дит Акида, который
притворяется спя-
щим.

(33) В трех (свя-
занных по смыслу)
октавах Галатея ви-
дит притворно спя-
щего Акида. Воз-
действие юношеской
красоты на нимфу.

(34)

(35)

пышнейшую добычу, дар высот
готовят древу матери в трофей —
доныне гордый норв Галатен.

И с веток той, чей больше ствол ручьем
оплескан,—мирты, что взросла степенно,
в хрустальный тул злаченным острием
грудь белую он превратил мгновенно.
И львица непокорная тайком
разглядывает щедрый дар смиренно,
пеняя, что хозяину даров
хозяином — дремучий леса кров.

Она бы позвала, но оробела,
не зная, как зовется чаровник,
каков, хоть кистью робкою умело
творит фантазия желанный лик.
Стопы, чей страх утих, пыл гонит смело
в тень, где предстал пугливой в тот же
миг
на ложе поля — иль на поле брани —
юнец, сокрывший сном свое желанье.

Зрит вид его и, в сне не усомнясь,
нависла на одной ноге над сонным
(с дремотою мирясь, на ложь ярясь
риторики немой, сокрытой оным),—
не так гнездо венчает птичий князь,
порой лучем слетая оперенным
на коршуненка, коему была
укрытием возвышенным скала,

как нимфа, в состязании учтивом,
не только спящего венчает сон,
но и не рада нежным переливам
ручья, чей робкий уняла бы звон.
Следя из-за ветвей за этим дивом,—
как радужно набросок оживлен,
который начертал в ее сознание
Амур, что кистью грудь терзал ей ране,—

получше место выбрав, зорко зрит
в чертах его могучих то, что мило
не мягкостью, чей не сразил бы вид,
а силой, чья краса ее сразила.
Волос его копна смущенным льстит
лучам почти запавшего светила;
пушок у рта его — цветник, чей цвет
не столь цветущ, поскольку дремлет свет.

(36) Природная красота милее приукрашенной: в бесхитростной красоте Акида заключен любовный яд, жадно испитый Галатеей.

(37) Лукавый Акид, притворяясь спящим, внимательно следит за Галатеей.

(38) Акид порывается поцеловать ногу Галатеи.

(39) Успокоившись, Галатея позволяет подняться счастливому Акиду. Описание места, которое станет ложем любви.

(40) Они чувствуют любовное влечение, глядя на двух голубков и слыша их воркование.

(41) Акид порывается приласкать Галатею, та мягко уклоняется, что еще

Верней для аспида в глуши засада там, где нестрижен милый взору лог, чем тщательно причесанного сада изысканно-приятный уголок,— его мужавый лик Амур для яда быть сладостной привадою обрек; и Галатея, не страшась нимало, пьет все жаднее зелье из фиала.

И юноша, сколь прорезь ни мала для сна дозорного, следя, как разом и беспокойна нимфа, и смела, в лицо ей впился Аргусом стоглазым; он линзой в думы ей проник,— чела ни бронзой не укрыть ей ни алмазом: в своих палладинах так Эрот, стен не сломав, огонь вовнутрь ведет.

И в тот же миг, покинув дремы лоно, младую гордо он являет стать, к ногам, слоновой кости, пал влюбленно, чтоб золото котурна целовать. Так моряка не может с небосклона луч предугаданный перепугать, тем паче буря, чьи ясны затеи,— нет равной — оторопи Галатеи.

Не столь дичлива, а скорей нежна, веля счастливцу разогнуть колени, юнца с улыбкою блазнит она не сну продленье дать, а роздых лени. Утес крутой, чья вогнута стена, их, как шатер сокрыл в прохладной сени, где плющ — его завесы зелены — обвил стволы и обнял валуны.

А на ковре, чьим изумрудным флером унижен Тирский (ведь его шелка не зря, спрядая нити червем спорым, ткала Весна, искусна и ловка), — под миртой, самой пышной, льнут
с задором
друг к другу — этот пылок, та легка — голубка к голубку, их страсть похожа на рог любви, влюбленных слух тревожа.

Ворканьем хриплым пыл молодой раздут, но Галатеи мягкие уклоны предел отваге Акида кладут и хору птиц, чьи возбуждают стоны.

больше горячит юношу.

(42) Первый поцелуй Акида. Обильный дождь из цветов усыпает место, ставшее для возлюбленных брачным ложем.

(43) Близится день и восход солнца, в эту пору Полифем поднимается на вершину скалы.

(44) Взобравшись на скалу, Полифем играет на своей свирели. Страх нимфы, услышавшей эту музыку.

(45) Любовь и ужас не позволяют Галатее бежать. Поэт Полифем, прежде сыграв на свирели. Чтобы описать это, поэт просит помощи у муз.

(46) Полифем превозносит нимфу, чья нежность сравнима с гвоздиками, белизна — с лебедями, а величавость — с павлином.

Он меж плодов и волн как тот, чей труд — всевечный голод и одни уруны: не малый ад, когда близ райских нег, хрусталь — уклончив, а плоды — как снег.

Едва позволил голубям задорным рубиновых два клюва слить Эрот, — в гвоздику впившись, Акид ртом проворным два лепестка карминовых сосет. Левкоям белым и фиалкам черным, сколь Книд и Пафос их плодят, — с высот Амур ниспасть дает на то, что позже заменит брачное влюбленным ложе.

Дыханье — дым, а храп — огонь, хотя и в мыле удила, — Этон пронесся туда, где, грековы столпы злата, коляски жаркой омочил колеса, когда, слеп от любви, гигант, пыхтя, верх гордого обременил утеса, что на берегу застыл скалистом, как немая вышка и слепой маяк.

Судья горам и берегу, — беззаботно он влил, застыв на выступе крутом, во флейты, кои воск связуют плотно, дыхание, как мех, огромным ртом; и нимфа, вняв им, стала бы охотно былинкой, перстью на ветру, листом, чем, нежа юный вяз лозой, в напасти не жить от страха, умирать от страсти.

Но лозы рук, хрустальные, крепки, — любовь их вьет и страх неизреченный вокруг бедного ствола, что на куски топор изрубит, ревностью точеный. Меж тем пещеры, холмы и пески, цевницей грубою предвосхищенный, настиг, как гром, все пепелящий глас: вам, Пиэриды, уступлю рассказ!

«О Галатее, чья краса нежнее Авророй отягчаемых гвоздик и снежных перьев кликуна снежнее, чей сладок над волной последний крик; ты важной птицы краше и пышнее, чей синий веер столькох глаз тайник, сколь звезд в небесном светится сафире! Но два твоих — прекраснейшие в мире!

- (47) Гигант умоляет Галатею покинуть море и ступить на берег. Тефиды светловласых дочерей и волн беги, — пусть море подивится: хоть свет исчез с коляскою лучей, его двоит в глазах отроковица. Пускай от белизны твоих ступней в песке ракушка всякая сребрится, — им дивная твоя дает нога зачать — не от росинок — жемчуга.
- (48) Полифем молит выслушать его напев. Глухая дочь глубин, как ветру — скалы, не внемлешь ты стенающему мне; крадут ли красностволые кораллы мой стон, тебя баюкая на дне, иль под нестройных раковин хоралы (грубей музыки — да! — нет в глубине) ты водишь хоровод, — услышь, сколь нежен мой голос, пусть глашатай и отвержен.
- (49) Полифем начинает восхвалять свои богатства, сначала описывая стада. Пастух я, но стадами так богат, что долы полоню, сколь ни широки, уступы исключая горных гряд и рек сушу обильные потоки; но вымена сколь щедро ни струят и сколь в моем ни накопилось оке, — там молока, здесь слез, — величина богатств моих и бед моих равна.
- (50) Полифем превозносит свои владения и обилие меда. Сочась нектаром, глушь, благоухая, тайком от коз-прожор мне припасла побольше ульев, чем цветков иная сочла, мечась, сметливая пчела, там, старшие стволы обременяя, рои в апреле, взмывши из дупла, членятся в мае, чтоб янтарь в усладе цедить, прядя лучей златые пряди.
- (51) Он славит свои достоинства, моля Галатею не отвергать столь могучего мужа. Юпитера бескрайних волн я сын, хоть и пастух; ужель не льстит гордыне, что на хрустальном троне властелин тебя обнимет, как сноху, в пучине, — откликнись Полифему, он один могуч на берегу, таких поныне Феб не видал от Инда жарких вод до Волги вялой, заточенной в лед.
- (52) Циклоп бахвалится своим ростом. Я, сидя, не прошу рукой могучей на кроне пальмовой плод наливной, а встав, я заслону тенистой кручей стада бесчисленные в летний зной. Высок ли я, коль зря покрыться тучей

спешит гора, чтоб вровень быть со мной,
коль на небе могу, как на скрижали,
напечатлеть перстом мои печали?

(53) Полифем рассказывает, как взглянув в гладь спокойного моря, увидел свой огромный глаз.

На камне в море кладку берегла
гнездо венчающая альциона,
когда сафиром светлого стекла
лагуна скрала облик мой влюбленно.
Там, узрив солнце моего чела,
я узрил и зеницу небосклона, —
не ведала — чей верх — вода-судья:
циклоп ли в небе иль небесен я.

(54) Полифем говорит, что, полюбив, он сменил жестокость на доброту.

С других дверей олень являет взору
отростки лет, а пасть, где блещет клык, —
зверь, чей крутой хребет размером
с гору —
как вострый частокол гельветских пик,
а голову — тот, кто в иную пору
за то платился ей, что проник
в грот, где, твоей обязан благостыне,
утратив путь, приют обрящет ныне.

(55) В двух октавах Полифем упоминает о гибели генуэзского корабля, набитого восточными товарами

Корабль богатый берега песок,
разбившись в щепы, целовал уныло
богатствами, которые Восток,
пресытясь, изрыгнул из пастей Нила.
В тот день уздой нежнейшей ярый рог
пучины вздыбленной остепенила
(и ветер, необузданный досель, —
вожжами сладкими) моя свирель,

когда о глыбы волн ломая реи,
бук лигурийский, что разъят в куски,
благоуханные тюки Сабеи
и полные Камбая сундуки
(заморский дар, умноживший трофеи
скалистой Сциллы) вынес на пески —
злосчастный хлам, который гарпий своры
два дня от моря уносили в горы.

(57) Полифем рассказывает о приеме, оказанном потерпевшему кораблекрушению, который подарил ему...

Второй доской стал генуэзцу грот —
и телу гостя и его товарам;
лишь эти высохли, оживший тот,
о страшном рассказав крушенье с жаром,
за лучший мой, в соломе зревший, плод
и плод, на нитке зревший, отдал даром
из бивня зверя, что, пугая Ганг,
нес башни, сокрушая строй фаланг,

(58) ...искусно выделанные из слоновой кости лук и колчан, которые Полифем предлагает в дар Галатее.

лук дивный и колчан блестящий — славу искусника, украсившего кость, Малакский принц богине в дар на Яву послал их, как про то поведал гость. Взяв в руки лук, а на плечо оправу, мать превзойди и сыну вызов брось, чтоб тотчас стать под этим небосклоном морской Венерой, горным Купидоном».

(59) Полифем прерывает напев, чтобы прогнать коз, разоряющих виноградник. Крики и камни достигают укрытия Галатей и Акида.

Ужасный голос, но не боль певца, об эту пору прерывают козы, чьи рожки мерзкие и чья трусца на Бахусовы посягнули лозы, гроздь нежную губя. Его лица звероподобен вид, страшны угрозы, и столько мечет валунов праща, что поколеблен занавес плюща.

(60) Галатейя и Акид бегут в сторону моря.

И два влюбленных сердца сладкозвучных нежнейших уз разъяв тугой клубок, по жесткой гальке, среди тёрнов тучных, взыскуют волн морских крылами ног: не так ли, вызволив от птиц докучных посев, неосторожный страж совлек и заячью чету, два дружных пыла, свел коих розный пол, бразда сдружила.

(61) Зоркий Полифем замечает Галатейю и Акида.

И узрив—дикий муж—неслышный скок испуга снежного к морской пучине (столь зорок, что нагого, пусть далек, ливийца зрит, чей легок щит в пустыне), и отрока,—сколь древних буков мог ревнивый гром смутить, смутил в теснине: так, упредив разъять мутных туч, опережает гул слепящий луч.

(62) Отломив огромную скалу, он бросает её в Акида.

Он в ярости безмерной вырывает из кручи горной бóльшую из плит метнув ее, он юношу сбивает,—нет урн грузней, тяжеле пирамид. И нимфа слезно к божествам взывает, коих и Акид умолить спешит, и тут же кровь, что выжал гнет
фатальный,
те обратили в чистый ток хрустальный.

(63) Этот поток впадает в море, где он встречен Доридой.

Как только плоть его угнетена
была столпом ужасного утеса,—
стопы дерев, чья дивна толщина,
текущий бисер вен омыл белесо.
Кость белая,— жемчужная волна,—
целуя дол, сребрит пески откоса:
Дорида, с неизбывною тоской,
чтя зятя, нарекла его рекой.

LUIS DE GONGORA Y ARGOTE

Fábula de Polifemo y Galatea

(1) El poeta pide al conde que escuche sus versos.

Estas que me dictó rimas sonoras,
culto sí, aunque bucólica, Talía
— ¡oh excelso conde! —, en las purpúreas
horas

que es rosas la alba y rosicler el día,
ahora que de luz tu Niebla doras,
escucha, al son de la zampoña mía,
si ya los muros no te ven, de Huelva,
peinar el viento, fatigar la selva.

(2) Para que puedan ser escuchados sus versos, el poeta pide ahora quietud a los animales de la caza.

Templado, pula en la maestra mano
el generoso pájaro su pluma,
o tan mudo en la alcándra, que en vano
aun desmentir al cascabel presume;
tascando haga el freno de oro, cano,
del caballo andaluz la ociosa espuma;
gima el lebrél en el cordón de seda.
Y al cuerno, al fin, la cítara suceda.

(3) Pide el poeta al conde que aproveche la suspensión de la caza para oír sus versos. En otra ocasión cantará como se merecen las alabanzas de tan gran señor.

Treguas al ejercicio sean robusto,
ocio atento, silencio dulce, en cuanto
debajo escuchas de dosel agosto,
del músico jayán el fiero canto.
Aterna con las Musas hoy el gusto;
que si la mía puede ofrecer tanto
clarín (y de la Fama no segundo),
tu nombre oirán los términos del mundo.

(4) Nos indica el poeta el lugar de la acción: Sicilia. Al fin de la estrofa introduce ya la caverna de Polifemo.

Donde espumoso el mar siciliano
el ple argenta de plata al Lilibeo
(boveda o de las fraguas de Vulcano,
o tumba de los huesos de Tifeo),
pálidas señas cenizoso un llano
— cuando no del sacrílego deseo —
del duro oficio da. Allí una alta roca
mordaza es a una gruta, de su boca.

- (6) Termina la descripción de la caverna. De este, pues, formidable de la tierra bostezo, el melancólico vacío a Polifemo, horror de aquella sierra, bárbara choza es, albergue umbrío y redil espacioso donde encierra cuanto las cumbres ásperas cabrío, de los montes, esconde: copla bella que un silbo junta y un peñasco sella.
- (7) Comienza la descripción de Polifemo. Un monte era de miembros eminente este (que, de Neptuno hijo fiero, de un ojo ilustra orbe de su frente, émulo casi del mayor lucero) cíclope, a quien el pino más valiente, bastón, le obedecía, tan ligero, y al grave peso junco tan delgado, que un día era bastón y otro cayado.
- (8) Continúa la descripción de Polifemo. Negro el cabello, imitador undoso de las obscuras aguas del Leteo, al viento que lo peina proceloso, vuela sin orden, pende sin aseo; un torrente es su barba impetuoso, que (adusto hijo de este Pirineo) su pecho inunda, o tarde, o mal, o en vano surcada aun de los dedos de su mano.
- (9) Cuenta el poeta cómo Polifemo mata las alimañas más fieras. No la Trinacria en sus montañas, fiera armó de crueldad, calzó de viento, que redlma feroz, salve ligera, su piel manchada de colores ciento: pellico es ya la que en los bosques era mortal horror al que con paso lento los bueyes a su albergue reducía, pisando la dudosa luz del día.
- (10) Frutas del zurrón de Polifemo. Cercado es (cuanto más capaz, más lleno) de la fruta, el zurrón, casi abortada, que el tardo otoño deja al blando seno de la piadosa hierba, encomendada: la serba, a quien le da rugas el heno; la pera, de quien fue cuna dorada la rubla paja, y — pálida tutora — la niega avara, y pródiga la dora.
- (12) Nos describe el poeta el instrumento de Polifemo y los efectos de su salvaje música. Cera y cañamo unió (que no debiera) cien cañas, cuyo, bárbaro rüido, de más ecos unió cañamo y cera albogues, duramente es repetido. La selva se confunde, el mar se altera,

rompe Tritón su caracol torcido,
sordo huye el bajel a vela y remo:
ital la música es de Polifemo!

(13) Amor de Polifemo a Galatea. La descripción de esta ninfa.

Ninfa, de Doris hija, la más bella,
adora, que vio el reino de la espuma.
Galatea es su nombre, y dulce en ella
el terno Venus de sus Gracias suma.
Son una y otra luminosa estrella
lucientes ojos de su blanca pluma:
si roca de cristal no es de Neptuno,
pavón de Venus es, cisne de Juno.

(14) Continúa la descripción de Galatea.

Purpúreas rosas sobre Galatea
la Alba entre llios cándidos deshoja:
duda el Amor cuál más su color sea,
o púrpura nevada, o nieve roja.
De su frente la perla es, eritrea,
émula vana. El ciego dios se enoja,
y, condenado su esplendor, la deja
pender en oro al nácar de su oreja.

(15) Amor de los dioses marinos a Galatea: Glauco, enamorado de la ninfa.

Invidia de las ninfas y cuidado
de cuantas honra el mar deidades era;
pompa del marinero niño alado
que sin fanal conduce su venera.
Verde el cabello, el pecho no escamado,
ronco si, escucha a Glauco la ribera
inducir a pisar la bella ingrata,
en carro de cristal, campos de plata.

(18) Una rápida descripción de la isla de Sicilia.

Sicilia, en cuanto oculta, en cuanto ofrece,
copa es de Baco, huerto de Pomona:
tanto de frutas ésta la enriquece,
cuanto aquél de racimos la corona.
En carro que estival trillo parece,
a sus campañas Ceres no perdona,
de cuyas siempre fértiles espigas
las provinias de Europa son hormigas.

(19) Termina la descripción de Sicilia. El amor que todos los hombres de la isla sienten por Galatea.

A Pales su viciosa cumbre debe
lo que a Ceres, y aún más, su vega llana;
pues si en la una granos de oro llueve,
copos nieve en la otra mil de lana.
De cuantos siegan oro, esquilan nieve,
o en pipas guardan la exprimida grana,
bien sea religión, bien amor sea,
deidad, aunque sin templo, es Galatea.

(21) Efectos que el

Arde la juventud, y los arados

amor a Galatea produce entre la juventud de la isla.

(22) Sin pastores, absortos en el amor de Galatea, los perros no vigilan, y los lobos hacen destrozos en los rebaños.

(23) Galatea descansa junto a una fuente, donde, con la música de las aves, queda dormida.

(24) En la mayor fuerza del calor, llega Acis a aquel sitio donde reposa Galatea. Se inclina a beber en la fuente, pero, mientras tanto, mira a la ninfa dormida.

(25) Breve descripción de Acis.

(26) Ofrendas que Acis deja junto a Galatea dormida.

peinan las tierras que surcaron antes, mal conducidos, cuando no arrastrados de tardos bueyes, cual su dueño errantes; sin pastor que los silbe, los ganados los crujidos ignoran resonantes, de las hondas, si, en vez del pastor pobre, el céfiro no silba, o cruje el robre.

Mudo la noche el can, el día, dormido de cerro en cerro y sombra en sombra yace. Bala el ganado; al mísero balido, nocturno el lobo de las sombras nace. Cébase; y fiero, deja humedecido en sangre de una lo que la otra pace. ¡Revoca, Amor, os silbos, o a su dueño el silencio del can siga, y el sueño!

La fugitiva ninfa, en tanto, donde hurta un laurel su tronco al sol ardiente, tantos jazmines cuanta hierba esconde la nieve de sus miembros, da a una fuente. Dulce se queja, dulce le responde un ruiseñor a otro, y dulcemente al sueño do sus ojos la armonía, por no abrasar con tres soles el día.

Salamandria del Sol, vestido estrellas, latiendo el Can del cielo estaba, cuando (polvo el cabello, húmidas centellas, si no ardientes aljófares, sudando) llegó Acis; y, de ambas luces bellas dulce Occidente viendo al sueño blando, su boca dio, y sus ojos cuanto pudo, al sonoro cristal, al cristal mudo.

Era Acis un venablo de Cupido, de un fauno, medio hombre, medio fiera, en Simetis, hermosa ninfa, habido; gloria del mar, honor de su ribera. El bello imán, el ídolo dormido, que acero sigue, idólatra venera, rico de cuanto el huerto ofrece pobre, rinden las vacas y fomenta el robre.

El celestial humor recién cuajado que la almendra guardó entre verde y seca, en Blanca mimbres se lo puso al lado, y un copo, en verdes juncos, de manteca; en breve corcho, pero bien labrado,

un rubio hijo de una encina hueca,
dulcísimo panal, a cuya cera
su néctar vinculó la primavera.

(27) Acis se refresca
las manos y la frente
en el arroyo. Un
suave vienteclllo sop-
la sobre el sitio don-
de duerme Galatea.

Caluroso, al arroyo da las manos,
y con ellas las ondas a su frente,
entre dos mirtos que, de espuma canos,
dos verdes garzas son de la corriente.
Vagas cortinas de volantes vanos
corrió Favonio lisonjeramente
a la (de viento cuando no sea) cama
de frescas sombras, de menuda grama.

(28) Al ruido del
agua con que se ref-
resca Acis, despierta
sobresaltada Galatea.

La ninfa, pues, la sonora plata
bullir sintió del arroyuelo apenas,
cuando, a los verdes márgenes ingrata,
segur se hizo de sus azucenas.
Huyera: mas tan frío se desata
un temor perezoso por sus venas,
que a la precisa fuga, aal presto vuelo,
grillos de nieve fue, plumas de hielo.

(29) Galatea encu-
entra junto a sí las
ofrendas de Acis, pe-
ro no al que allí las
puso.

Fruta en mimbres halló, leche exprimida
en juncos, miel en corcho, mas sin dueño;
si bien al dueño debe, agradecida,
su deidad culta, venerado el sueño.
A la ausencia mil veces ofrecida,
este de cortesía no pequeño
indicio la dejó — aunque estatua helada —
más discursiva y menos alterada.

(30) La ninfa se que-
da pensando a quién
podrá atribuir la of-
renda. El Amor, en-
tonces, se propone
vencer el desdén que
a todos ha mostrado
Galatea.

No al Cíclope atribuye, no, la ofrenda;
no a sátiro lascivo, ni a otro feo
morador de las selvas, cuya rienda
el sueño aflija, que aflojó el deseo.
El niño dios, entonces, de la venda,
ostentación gloriosa, alto trofeo
quiere que al árbol de su madre sea
el desdén hasta allí de Galatea.

(32) No sabe Gala-
tea el nombre de
quien le había hecho
los regalos. Se pone
a buscar, y encuentra
a Acis que se finge
dormido.

Llamáralo, aunque muda, mas no sabe
el nombre articular que más querría;
ni lo ha visto, si bien pincel süave
lo ha bosquejado ya en su fantasía.
Al pie — no tanto ya, del temor, grave —
fia su intento; y, tímida, en la umbría
cama de campo y campo de batalla,
fingiendo sueño al cauto garzón balla.

(36) Más enamora la

En la rústica greña yace oculto

natural belleza que la muy adornada: en la hermosura sin alifión de Acis se oculta un veneno de amor que Galatea bebe ansiosamente.

(37) El astuto Acis está, en medio de su fingido sueño, muy atento a todas las reacciones de Galatea.

(38) Acis intenta besar el pie de Galatea. Gran sobresalto de la ninfa.

(39) Serenada Galatea levanta al dichoso Acis. Descripción del lugar en que se reclinarán los enamorados.

(40) Son incitados al amor al ver y escuchar cómo se están arrullando dos palomas.

(42) Primer beso de Acis. Flores llueven profusamente sobre el que ya es tálamo de los amantes.

el áspid, del intonso prado ameno, antes que del peinado jardín culto en el lascivo, regalado seno: en lo viril desata de su vulto lo más dulce el Amor, de su veneno; bébelo Galatea, y da otro paso por apurarle la ponzoña al vaso.

Acis — aún más de aquello que dispensa la brújula del sueño vigilante —, alterada la ninfa esté o suspensa, Argos es siempre atento a su semblante, lince penetrador de lo que piensa, ciñalo bronce o múrelo diamante: que en sus paladiones Amor ciego, sin romper muros, introduce fuego.

El sueño de sus miembros sacudido, gallardo el joven la persona ostenta, y al marfil luego de sus pies rendido, el coturno besar dorado intenta. Menos ofende el rayo prevenido, al marinero, menos la tormenta prevista le turbó o pronosticada: Galatea lo diga, salteada.

Más agradable y menos zahareña, al mancebo levanta venturoso, dulce ya concediéndole y risueña, paces no al sueño, treguas sí al reposo. Lo cóncavo hacía de una peña a un fresco sitio dosel umbroso, y verdes celosías unas hiedras, trepando troncos y abrazando piedras.

Sobre una alfombra, que imitara en vano el tirio sus matices (si bien era de cuantas sedas ya hiló, gusano, y, artífice, tejió la Primavera) reclinados, al mirto más lozano, una y otra lasciva, si ligera, paloma se caló, cuyos gemidos — trompas de amor — alteran sus oídos.

No a las palomas concedió Cupido juntar de sus dos picos los rubíes, cuando al clavel el joven atrevido las dos hojas chupa carmesíes. Cuantas produce Pafos, engendra Gnido, negras violetas, blancos alhelíes,

llueven sobre el que Amor quiere que sea tálamo de Acis ya y de Galatea.

(43) Ya avanzado el día y próximo el sol a la puesta, subió Polifemo a la cima de un peñasco.

Su aliento humo, sus relinchos fuego, si bien su freno espumas, ilustraba las columnas Etón que erigió el griego, do el carro de la luz sus ruedas lava, cuando, de amor el fiero jayán ciego, la cerviz oprimió a una roca brava, que a la playa, de escollos no desnuda, linterna es ciega y atalaya muda.

(44) Toca desde la cima del peñasco su zampoña Polifemo. Temor de la ninfa al oír esta música.

Arbitro de montañas y ribera, aliento dio, en la cumbre de la roca, a los albogues que agregó la cera, el prodigioso fuelle de su boca; la ninfa los oyó, y ser más quisiera breve flor, hierba humilde, tierra poca, que de su nuevo tronco vid lasciva, muerta de amor, y de temor no viva.

(45) Amor y temor impiden toda huida a Galatea. Y comienza a cantar Polifemo, cuya voz había sido preludiada por la zampoña. Pide el poeta ayuda a las musas para reproducirlo.

Mas — cristalinos pámpanos sus brazos — amor la implica, si el temor la anuda, al infelice olmo que pedazos la segur de los celos hará aguda. Las cavernas en tanto, los ribazos que ha prevenido la zampoña ruda, el trueno de la voz fulminó luego: ¡referidlo, Piérides, os ruego!

(46) Polifemo invoca a Galatea comparándola en suavidad con los claveles, en blancura con el cisne y en majestad con el pavo real.

¡Oh bella Galatea, más süave que los claveles que tronchó la aurora; blanca más que las plumas de aquel ave que dulce muere y en las aguas mora; igual en pompa al pájaro que, grave, su manto azul de tantos ojos dora cuantas el celestial zafiro estrellas! ¡Oh tú, que en dos incluyes las más bellas!

(47) Invita el gigante a Galatea a salir del mar y pisar la playa.

Deja las ondas, deja el rubio coro de las hijas de Tetis, y el mar vea, cuando niega la luz un carro de oro, que en dos la restituye Galatea. Pisa la arena, que en la arena adoro cuantas el blanco pie conchas platea, cuyo bello contacto puede hacerlas, sin concebir rocío, parir perlas.

- (48) Ruégale que escuche su canto. Sorda hija del mar, cuyas orejas a mis gemidos son rocas al viento: o dormida te hurten a mis quejas purpúreos troncos de corales ciento, o al disonante número de almejas — marino, si agradable no, instrumento — coros tejiendo estés, escucha un día mi voz, por dulce, cuando no por mía,.
- (49) Comienza Polifemo a ponderar sus riquezas. Y habla primero de sus rebaños. Pastor soy, mas tan rico de ganados, que los valles impido más vacíos, los cerros desparezco levantados y los caudales seco de los ríos; no los que, de sus ubres desatados, o derivados de los ojos míos, leche corren y lágrimas; que iguales en número a mis bienes son mis males.
- (50) Continúa Polifemo jactándose de su hacienda. Su abundancia de miel. Sudando néctar, lambicando olores, senos que ignora aun la golosa cabra, corchos me guardan, más que abeja flores liba inquieta, ingeniosa labra; troncos me ofrecen árboles mayores, cuyos enjambres, o el abril los abra, o los desate el mayo, ámbar distilan y en rucas de oro rayos del sol hilan.
- (52) Jáctase el cíclope de su estatura. Sentado, a la alta palma no perdona su dulce fruto mi robusta mano; en pie, sombra capaz es mi persona de innumerables cabras el verano. ¿Qué mucho, si de nubes se corona por igualarme la montaña en vano, y en los cielos, desde esta roca, puedo escribir mis desdichas con el dedo?
- (54) Cuenta Polifemo cómo el amor ha cambiado de cruel en piadoso. Registra en otras puertas el venado sus años, su cabeza colmilluda la fiera cuyo cerro levantado, de helvecias picas es muralla aguda; la humana suya el caminante errado dio ya a mi cueva, de piedad desnuda, albergue hoy, por tu causa, al peregrino, do halló reparo, si perdió camino.
- (59) Interrumpe su canto Polifemo para ahuyentar a unas cabras que estaban dañando unas vides. Su horrenda voz, no su dolor interno, cabras aquí le interrumpieron, cuantas — vagas el pie, sacrílegas el cuerno — a Baco se atrevieron en sus plantas. Mas, conculcado el pámpano más tierno

Llegan las voces y las piedras al lugar donde están Galatea y Acis.

(60) Galatea y Acis huyen hacia el mar.

(61) Descubre a Galatea y Acis la penetrante vista de Polifemo. Lleno de rabia y celos, da un horrible grito.

(62) Arranca una enorme peña y la lanza sobre Acis. Las deidades marinas hacen que del aplastado cuerpo de Acis salga límpida agua en vez de sangre.

(63) Va corriendo hasta llegar al mar. Allí lo recibe Doris.

viendo el fiero pastor, voces él tantas, y tantas despidió la honda piedras, que el muro penetraron de las hiedras.

De los nudos, con esto, más sùaves, los dulces dos amantes desatados, por duras guijas, por espinas graves solicitan el mar con pies alados: tal, redimiento de importunas aves incauto meseguero sus sembrados, de liebres dirimió copia, así, amiga, que vario sexo unió y un surco abriga.

Viendo el fiero jayán, con paso mudo correr al mar la fugitiva nieve (que a tanta vista el líbico desnudo registra el campo de su adarga breve) y al garzón viendo, cuantas mover pudo celoso trueno, antiguas hayas mueve: tal, antes que la opaca nube rompa, previene rayo fulminante trompa.

Con violencia desgajó infinita, la mayor punta de la excelsa roca, que al joven, sobre quien la precipita, urna es mucha, pirámide no poca. Con lágrimas la ninfa solicita las deidades del mar, que Acis invoca: concurren todas, y el peñasco duro la sangre que exprimíó, cristal fue puro.

Sus miembros lastimosamente opresos del escollo fatal fueron apenas, que los pies de los árboles más gruesos calzó el líquido aljófár de sus venas. Corriente plata al fin sus blancos huesos, lamiendo flores y argentando arenas, a Doris llega, que, con llanto pio, yerno lo saludó, lo aclamó río.

В. Н. Комиссаров

(Москва)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ (ФИТ): СОЮЗ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В декабре 1988 г. Международная федерация переводчиков (ФИТ) будет отмечать 35-ю годовщину своей деятельности. Созданная в 1953 г. на учредительной ассамблее, а работе которой участвовали представители переводческих организаций шести стран, ФИТ за прошедшие годы превратилась в широкую и представительную профессиональную ассоциацию переводчиков всей планеты, объединяющую в настоящее время 49 переводческих союзов из 38 стран. О росте влияния и международного престижа Федерации, на первом конгрессе которой в 1954 г. были представлены лишь десять стран, свидетельствует не только ее количественный рост, но и признание ее заслуг международным сообществом: в 1970 г. ФИТ получила статус неправительственной организации категории «А» при ЮНЕСКО — Организации ООН по вопросам образования, науки и культуры. Всей деятельностью ФИТ руководит Совет Федерации, возглавляемый ее президентом. Президент и члены Совета избираются на Всемирных конгрессах ФИТ, проводимых каждые три — четыре года. С 1981 г. пост президента Федерации занимает известная переводчица и общественная деятельница Болгарии Анна Лилова.

Создание Международной федерации переводчиков явилось выражением осознания переводчиками всего мира общности целей и профессиональной специфики всех видов переводческой деятельности, важной роли и ответственности переводчиков в обмене культурными ценностями и научно-техническими достижениями, в укреплении дружбы и взаимопонимания между всеми народами. С самого начала своего существования Федерация стремилась объединить в своих рядах всех переводчиков как литературных, так и технических, включая в последнюю категорию переводчиков всех видов информативных материалов — научно-технических, экономических, юридических, общественно-политических и тому подобных.

Много сделала ФИТ для повышения престижа переводческой профессии, защиты профессиональных прав переводчиков, упорядочения и улучшения условий и оплаты их труда. К десятой

годовщине создания ФИТ была разработана и принята на четвертом Конгрессе ФИТ, состоявшемся в 1963 г. в Дубровнике (Югославия), Хартия переводчика. Положения этой Хартии легли в основу первого в истории международно-правового документа, посвященного защите прав переводчиков во всем мире, — «Рекомендация по юридической защите переводчиков и переводов и по практическим мерам с целью улучшения условий труда переводчиков», единодушно принятом представителями 143 государств — членом ЮНЕСКО на генеральной конференции этой организации в Найроби в 1976 г.

Характерной чертой всей деятельности ФИТ является стремление Федерации внести существенный вклад во все стороны переводческой деятельности, способствовать улучшению практики перевода и развитию теории перевода, повышению уровня подготовки переводчиков и росту их квалификации. На конгрессах ФИТ, наряду с вопросами, связанными с защитой авторских прав переводчиков и улучшением условий их труда, всесторонне обсуждались проблемы качества переводов, разработки научно-технической терминологии, лингвистического образования переводчиков, специфики работы переводчика для театра, телевидения, радио, кино и т. д. Особо следует отметить обсуждение на конгрессах ФИТ таких общественно-значимых тем, как: «Перевод как фактор сближения между народами», «Миссия переводчика в настоящем и будущем», «Переводчики и их положение в обществе» и т. п.

Федерация ведет большую работу по укреплению переводческих организаций в различных странах, организует и поддерживает многочисленные конференции, симпозиумы и другие форумы, на которых рассматриваются важнейшие вопросы практики и теории перевода. В рамках Федерации действует ряд специализированных комиссий и комитетов, занимающихся детальным изучением отдельных сторон переводческой деятельности. Значительный вклад в дело развития теории и практики перевода вносит журнал ФИТ «Бейбл» («Вавилон»), другие публикации, издаваемые Федерацией или по ее инициативе.

Важной вехой в истории ФИТ явился десятый Конгресс Федерации, проходивший в Вене с 17 по 23 августа 1984 г. На этом юбилейном Конгрессе ФИТ подвела итоги своей тридцатилетней деятельности и наметила основные направления будущей работы. Характер многочисленных докладов и сообщений, сделанных на Конгрессе его участниками, среди которых находились видные теоретики перевода и выдающиеся переводчики со всех концов земного шара, наглядно демонстрирует масштабность и значимость деятельности Федерации. Именно поэтому хотелось бы более подробно ознакомить читателей «Тетрадей переводчика» с работой этого представительного форума.

Конгресс собрал свыше 500 делегатов из 43 стран. На заседаниях пяти рабочих групп Конгресса было заслушано 62 доклада, представленных докладчиками из различных стран, а

также несколько десятков сообщений по важнейшим вопросам теории и практики перевода. Тексты всех докладов и значительной части сообщений опубликованы в сборнике материалов Конгресса¹.

На торжественном открытии Конгресса с докладом выступил известный австрийский языковед Марио Вандрушка. Отметив, что попытки заменить «живого» переводчика переводческой машиной, не привели к ожидаемым результатам, М. Вандрушка в то же время подчеркнул, что исследования в этом направлении дали возможность создать «банки данных», «автоматические словари» и ряд других технических усовершенствований, которые отнюдь не заменят переводчика, но окажут ему неоценимую помощь в работе. Значительная часть доклада М. Вандрушки была посвящена рассмотрению таких особенностей естественного языка, как многозначность, нечеткость, имплицитность, метафоричность языковых и речевых единиц, которые по-разному проявляются в многочисленных языках, существующих в нашем мире. Языкам свойственна нелогичность, неточность, непоследовательность, и все эти качества, которые с логической точки зрения могут считаться недостатками, на самом деле, способствуют превращению языка в гибкий, творческий, стимулирующий инструмент человеческой мысли, чувства и фантазии. Они создают неограниченные возможности варьирования способов языкового выражения. Именно эти свойства языка делают задачу переводчика чрезвычайно сложной и в то же время столь творческой и увлекательной. Язык — это не просто средство передачи информации. Коммуникация предполагает достижение взаимного понимания между людьми и в обеспечении такого понимания, диалога и заключается высокая миссия перевода и переводчиков. В свою очередь, изучение переводческой деятельности раскрывает новые перспективы для ряда областей познания и прежде всего для языкознания. Как подчеркнул М. Вандрушка, даже переводческие ошибки отражают важнейшие стороны реальных процессов речевой коммуникации в человеческом обществе.

Основная работа Конгресса проходила в рабочих группах. Первая рабочая группа рассматривала круг вопросов, связанных с различиями между художественным и «нехудожественным» переводом. В ряде докладов, прочитанных в этой рабочей группе, рассматривалась специфика каждого из указанных видов перевода, обусловленная прагматической направленностью и языковыми особенностями переводимых текстов, а также требованиями, которые каждый из видов перевода предъявляет к знаниям, умениям и литературным способностям переводчика. Вместе с тем большинство выступавших подчеркивали единство переводческой деятельности, общность методов и приемов, ис-

¹ X Weltkongress der FIT. Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit. Wilhelm Braumüller. Wien, 1985.

пользуемых переводчиками всех типов, наличие в каждом виде перевода элементов, характерных для другого вида.

Некоторые доклады в первой рабочей группе касались более общих проблем теории перевода, которые выходят за рамки вопроса о различии между указанными видами перевода. Особый интерес в этом отношении представляют выступления Ю. Найды и С. Гончаренко.

Ю. Найда говорил о четырех подходах к переводу: филологическом, лингвистическом, коммуникативном и социосемиотическом. В центре филологического подхода лежит текст, главным образом, его структура и стилистические особенности. Основная проблема при таком подходе состоит в противопоставлении буквального и вольного перевода. Недостаток такого подхода заключается прежде всего в пренебрежении лингвистическими аспектами процесса перевода. При лингвистическом подходе в центре внимания находятся соотношения между двумя языками на лексическом и синтаксическом уровнях. (В качестве примера приводится работа Дж. Кэтфорда). Этот подход, по мнению Ю. Найды, не учитывает в достаточной степени функцию коммуникации. Третий подход к переводу, основанный на теории коммуникации, сосредоточивает внимание на участниках, условиях и воздействии коммуникативного процесса, но его возможности ограничены тем, что не принимаются во внимание социальные условия и особенно межличностные отношения между коммуникантами. В связи с этим Ю. Найда считает наиболее правильным социосемиотический подход, при котором значение переводимого текста оценивается с учетом трех главных факторов: знака, референта и интерпретанта. Такой подход включает изучение различия между значениями синонимических знаков, учет пресуппозиции и системы оценок, существующих в говорящем коллективе в связи с обозначаемыми объектами, и т. п. Так, в западных странах драконы являются символами грозной опасности, а на востоке они обычно выступают как символы процветания и удачи. Ю. Найда особо подчеркивает, что близость соотнесенных значений в оригинале и переводе (которую он называет «изоморфизмом»), как правило, относительна, так как изменения структуры всегда влекут за собой изменения значений. Вместе с тем в разных языках существуют функциональные универсалии, на основе которых можно обеспечить достаточную степень эквивалентности.

Высказанные в докладе Ю. Найды соображения о различных подходах к переводу представляют несомненный интерес. В то же время обращает на себя внимание характерное для западных лингвистов весьма узкое понимание предмета и задач языкознания. Фактически все указанные подходы оказываются лингвистическими с позиций современного языкознания, изучающего не только систему языка, но и все аспекты речевой коммуникации.

С. Гончаренко в своем докладе предложил разработать типологию поэтических переводов на основе трех типов эквива-

лентности: семантической, стилистической и прагматической. Как правило, обеспечить все три типа эквивалентности в поэтическом переводе не удается и один из них выступает в качестве доминантного. Исходя из этого, следует различать: 1) Собственно поэтический перевод, предназначенный для равноценного восприятия, то есть прагматически адекватный. Это — перевод поэзии поэзией, при чем могут быть переданы с достаточной полнотой и семантические, и стилистические аспекты оригинала. 2) Поэтико-филологический перевод, где основное внимание уделяется семантико-стилистической адекватности, что может быть достигнуто за счет меньшей адекватности прагматической. В отличие от первого типа читатель полностью осознает, что он имеет дело с переводной литературой, дающей подробную информацию о иноязычном литературном произведении. Поэтическая форма оригинала воспроизводится, но перевод не рассчитан на широкий круг читателей. 3) Филологический перевод, предназначенный не для замены оригинала, как предыдущие типы перевода, а лишь для передачи семантической или стилистической информации об оригинале. Соответственно, филологический перевод может быть семантически буквальным (перевод поэзии прозой), стилистически буквальным (формалистическое воспроизведение стилистической системы оригинала) или представлять собой нечто среднее между этими разновидностями. Такой перевод предназначается для узкого круга специалистов или ценителей. Понятно, что любое поэтическое произведение может существовать в переводах всех трех типов.

Во второй рабочей группе изучалась специфика письменного и устного перевода. Особенно широкое освещение получила проблематика синхронного перевода. Несколько выступлений было посвящено вопросам работы переводчика на радио и телевидении, а также в суде. Основное внимание докладчики уделили контекстуальной обусловленности устного перевода, избыточности вербальной коммуникации, обеспечивающей возможность вероятностного прогнозирования (Г. В. Чернов), передаче конкретного смысла высказывания, а не абстрактных значений составляющих его языковых единиц (Д. Селескович). Подобная направленность теоретических концепций в области устного перевода во многом соответствует идеям коммуникативной лингвистики и представляется вполне оправданной и плодотворной. В то же время в некоторых выступлениях во второй рабочей группе Конгресса можно было заметить попытки вообще отрицать роль семантики языковых единиц в формировании смысла речевых высказываний, стремление непосредственно связать звуки речи с объектами реальной действительности. Подобный абсолютный отрыв речи от языка вряд ли можно признать корректным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Заседания третьей рабочей группы были посвящены терминологическим аспектам перевода. В сферу рассмотрения были также включены проблемы машинного перевода и вообще вопросы

использования компьютеров как в процессе перевода, так и в качестве вспомогательных инструментов переводчика. В содержательных докладах, прочитанных в этой рабочей группе, были убедительно показаны широкие перспективы компьютеризации переводческой деятельности, особенно с целью быстрого и точного нахождения переводчиком необходимых терминов. Было отмечено, что исследования проблемы машинного перевода привели к заключению о невозможности полностью автоматизировать процесс перевода во всех сферах переводческой деятельности. В большинстве случаев успешное применение машинного перевода возможно лишь при условии включения в процесс перевода человека на стадии подготовки текста к переводу или для последующего редактирования перевода. В связи с этим целесообразно различать три вида перевода, который можно в той или иной степени называть «машинным»: 1) Полностью автоматизированный перевод, применимый лишь для текстов со строго ограниченной структурой и словарем. 2) Машинный перевод с участием человека. 3) «Человеческий» перевод с использованием машины, т. е. тех или иных технических средств, главным образом, компьютеров.

В ряде докладов в этой рабочей группе подробно рассматривались задачи и методы организации терминологической службы для обеспечения необходимой терминологической правильности переводов, выполняемых в рамках учреждений и предприятий различного типа.

Большое внимание участников Конгресса привлекла работа четвертой рабочей группы, которая занималась широким кругом проблем, связанных с теорией, практикой и преподаванием перевода. Значительная часть докладов в этой рабочей группе была посвящена различным сторонам обучения будущих переводчиков, особенно роли и месту теории перевода в преподавании перевода. Это явилось отражением растущей озабоченности переводческих организаций многих стран и ФИТ в целом подготовкой новых кадров высококвалифицированных переводчиков. Кроме того, в докладах было убедительно продемонстрировано, что результаты, полученные в ходе теоретических исследований в области перевода, могут найти непосредственное практическое применение прежде всего при обучении переводу. Общеизвестна необходимость включать в программу обучения специальные курсы теории перевода, а также полностью использовать достижения переводческой теории в преподавании практики перевода. Наряду с этим многие выступавшие подчеркивали, что программа подготовки переводчиков должна включать целый ряд общеобразовательных и специальных дисциплин, формирующих широкую эрудицию будущего переводчика. Особое внимание обращается на развитие у переводчика коммуникативных умений в устной и письменной форме. Перевод — это вид коммуникации, и переводчик должен уметь понимать, излагать, убеждать, успешно осуществлять коммуникацию любого типа.

Канадские участники дискуссии предложили тщательно изучить естественное умение билингвов осуществлять перевод без специальной подготовки. По их наблюдениям успешная подготовка переводчиков зависит не столько от системы обучения, сколько от характера естественного умения переводить, которым обладают обучаемые до начала процесса подготовки. Таким образом, изучение феномена «естественного перевода» позволит более правильно отбирать кандидатов, из которых после обучения могут получиться квалифицированные профессиональные переводчики.

Пятая рабочая группа рассматривала вопросы социального статуса переводчиков в разных странах. В докладах этой группы освещалось положение переводчиков в государственных организациях, фирмах, предприятиях, работающих по соглашениям, контрактам, самостоятельно предлагающих свои услуги или готовые переводы организаторам конференций, издательствам и другим учреждениям. Докладчики указывали на необходимость принятия во всех странах законодательных актов, регламентирующих права и обязанности переводчиков, улучшения их материального положения и социального престижа, разработки системы присвоения и повышения переводческой квалификации, обеспечения условий работы и охраны труда переводчиков. Отмечалось, что положение переводчиков в разных странах весьма неодинаково и что переводчики ряда стран, особенно развивающихся, нуждаются в серьезной помощи и поддержке со стороны ФИТ. Особое внимание участников привлек доклад, содержащий результаты международного анализа юридического и социального статуса переводчика, предпринятого комитетом ФИТ. Составители доклада пришли к выводу, что, хотя за последние годы положение переводчиков в некоторых странах улучшилось, в целом, достигнутый прогресс был незначителен, и национальным союзам переводчиков надо приложить все усилия, чтобы повсеместно была обеспечена законодательная защита переводческого труда в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО и Заключительного акта Европейского совещания за безопасность и сотрудничество.

Мы ограничимся этим весьма поверхностным обзором работы X Конгресса ФИТ, поскольку рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на содержании многочисленных докладов и сообщений, сделанных в ходе Конгресса. Из сказанного видно, что деятельность ФИТ охватывает все стороны практической работы переводчиков и все направления теоретического изучения перевода. Материалы Конгресса, как и состав его участников, свидетельствуют о поистине глобальных масштабах деятельности Федерации, пользующейся уважением и поддержкой переводчиков всех стран мира. Эти материалы с большим вниманием изучаются всеми, кто интересуется проблемами перевода, языка и коммуникации.

Следует отметить, что свой вклад в успех работы X Конгрес-

са ФИТ внесли и советские переводоведы, выступавшие в роли авторов ряда основных докладов и сообщений.

После X Конгресса Международная федерация переводчиков продолжает свою деятельность по объединению переводчиков всех стран, повышению их профессионального статуса, укреплению связи между теорией и практикой перевода. Этот новый этап работы Федерации завершится проведением ее XI Конгресса, который состоится в Маастрихте в августе 1987 г. Советская переводческая общественность с большим интересом следит за деятельностью ФИТ и желает ей новых успехов.

Г. Л. Рязанова

(Москва)

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ В АВСТРИИ

Переводчик — одна из самых древних на земле профессий. Устные переводчики появились в Древнем Египте, в III тысячелетии до нашего летоисчисления. Первыми «драгоманами» были жители пограничных земель, которые помогали осуществлять контакты, например, между египтянами и нубийцами. С развитием письменности возникла необходимость и в письменных переводчиках. Однако история существования учебных заведений, готовящих профессиональных переводчиков, несравнимо короче.

В наши дни международные контакты на разных уровнях и в разных областях становятся все интенсивнее, и в связи с этим возрастает роль переводчиков в современном мире. Не случайно наш век именуют веком перевода. А это, в свою очередь, выдвигает задачу подготовки кадров высокой квалификации, которую призваны решать специальные учебные заведения.

Подготовка переводчиков в Австрии осуществляется в институтах или на факультетах, являющихся, как правило, составной частью соответствующего университета. Наиболее полное представление о системе подготовки профессиональных переводчиков можно получить на примере созданного в 1943 г. Института переводчиков Венского университета. С институтами и факультетами, где готовят «чистых» филологов или преподавателей иностранного языка, Институт переводчиков объединяет общая задача: обучение языку как профессии. Но в отличие от них обучение в Институте переводчиков предполагает постоянное присутствие двух языков, что требует умения сравнивать, оценивать и выбирать языковые «ценности», а также готовности переключаться с одного языка на другой. При составлении учебных программ здесь исходят из того, что устный и письменный перевод представляет собой совершенно различные виды переводческой деятельности, которые предполагают наличие у

Канадские участники дискуссии предложили тщательно изучить естественное умение билингвов осуществлять перевод без специальной подготовки. По их наблюдениям успешная подготовка переводчиков зависит не столько от системы обучения, сколько от характера естественного умения переводить, которым обладают обучаемые до начала процесса подготовки. Таким образом, изучение феномена «естественного перевода» позволит более правильно отбирать кандидатов, из которых после обучения могут получиться квалифицированные профессиональные переводчики.

Пятая рабочая группа рассматривала вопросы социального статуса переводчиков в разных странах. В докладах этой группы освещалось положение переводчиков в государственных организациях, фирмах, предприятиях, работающих по соглашениям, контрактам, самостоятельно предлагающих свои услуги или готовые переводы организаторам конференций, издательствам и другим учреждениям. Докладчики указывали на необходимость принятия во всех странах законодательных актов, регламентирующих права и обязанности переводчиков, улучшения их материального положения и социального престижа, разработки системы присвоения и повышения переводческой квалификации, обеспечения условий работы и охраны труда переводчиков. Отмечалось, что положение переводчиков в разных странах весьма неодинаково и что переводчики ряда стран, особенно развивающихся, нуждаются в серьезной помощи и поддержке со стороны ФИТ. Особое внимание участников привлек доклад, содержащий результаты международного анализа юридического и социального статуса переводчика, предпринятого комитетом ФИТ. Составители доклада пришли к выводу, что, хотя за последние годы положение переводчиков в некоторых странах улучшилось, в целом, достигнутый прогресс был незначителен, и национальным союзам переводчиков надо приложить все усилия, чтобы повсеместно была обеспечена законодательная защита переводческого труда в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО и Заключительного акта Европейского совещания за безопасность и сотрудничество.

Мы ограничимся этим весьма поверхностным обзором работы X Конгресса ФИТ, поскольку рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на содержании многочисленных докладов и сообщений, сделанных в ходе Конгресса. Из сказанного видно, что деятельность ФИТ охватывает все стороны практической работы переводчиков и все направления теоретического изучения перевода. Материалы Конгресса, как и состав его участников, свидетельствуют о поистине глобальных масштабах деятельности Федерации, пользующейся уважением и поддержкой переводчиков всех стран мира. Эти материалы с большим вниманием изучаются всеми, кто интересуется проблемами перевода, языка и коммуникации.

Следует отметить, что свой вклад в успех работы X Конгрес-

са ФИТ внесли и советские переводоведы, выступавшие в роли авторов ряда основных докладов и сообщений.

После X Конгресса Международная федерация переводчиков продолжает свою деятельность по объединению переводчиков всех стран, повышению их профессионального статуса, укреплению связи между теорией и практикой перевода. Этот новый этап работы Федерации завершится проведением ее XI Конгресса, который состоится в Маастрихте в августе 1987 г. Советская переводческая общественность с большим интересом следит за деятельностью ФИТ и желает ей новых успехов.

Г. Л. Рязанова

(Москва)

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ В АВСТРИИ

Переводчик — одна из самых древних на земле профессий. Устные переводчики появились в Древнем Египте, в III тысячелетии до нашего летоисчисления. Первыми «драгоманами» были жители пограничных земель, которые помогали осуществлять контакты, например, между египтянами и нубийцами. С развитием письменности возникла необходимость и в письменных переводчиках. Однако история существования учебных заведений, готовящих профессиональных переводчиков, несравнимо короче.

В наши дни международные контакты на разных уровнях и в разных областях становятся все интенсивнее, и в связи с этим возрастает роль переводчиков в современном мире. Не случайно наш век именуют веком перевода. А это, в свою очередь, выдвигает задачу подготовки кадров высокой квалификации, которую призваны решать специальные учебные заведения.

Подготовка переводчиков в Австрии осуществляется в институтах или на факультетах, являющихся, как правило, составной частью соответствующего университета. Наиболее полное представление о системе подготовки профессиональных переводчиков можно получить на примере созданного в 1943 г. Института переводчиков Венского университета. С институтами и факультетами, где готовят «чистых» филологов или преподавателей иностранного языка, Институт переводчиков объединяет общая задача: обучение языку как профессии. Но в отличие от них обучение в Институте переводчиков предполагает постоянное присутствие двух языков, что требует умения сравнивать, оценивать и выбирать языковые «ценности», а также готовности переключаться с одного языка на другой. При составлении учебных программ здесь исходят из того, что устный и письменный перевод представляет собой совершенно различные виды переводческой деятельности, которые предполагают наличие у

будущих специалистов соответствующих способностей. Устный переводчик должен обладать способностью к длительной концентрации внимания, хорошим слухом и дикцией, молниеносной реакцией, памятью особого рода, которая способна на короткое время удержать отрезок высказывания (иногда довольно продолжительный) и освободиться сразу же после того, как этот отрезок переведен, для восприятия нового отрезка.

Профессия письменного переводчика предполагает наличие высоко развитого чувства языка, способности различать тончайшие стилистические нюансы и стремление найти оптимальную форму их передачи, отличное знание особенностей и выразительных средств ИЯ и ПЯ. Письменный переводчик должен быть одновременно и изобретательным и педантичным.

В Венском Институте переводчиков считают, что все эти способности и наклонности можно развивать и совершенствовать, можно довести умения до автоматизма, но их нельзя привить. Иными словами, тот кто изначально не обладает необходимыми способностями, не может стать переводчиком (устным или письменным). С этим связана проблема отбора и проблема большого отсева студентов после I-го и II-го курсов.

Горячие споры велись вокруг того, каких специалистов нужно готовить: специалистов по отдельным отраслям знаний, хорошо владеющих иностранным языком (*sprachkundige Fachleute*), или специалистов в области иностранных языков, имеющих знания и в какой-либо другой области (*fachkundige Sprachler*). Спор решился в пользу последних. Языковая квалификация, которую должен обеспечить институт, имеет две стороны: практическую и научно-теоретическую. Выпускники должны хорошо владеть (как правило двумя) избранными иностранными языками, знать особенности этих языков в сравнении со своим родным (синтаксические, семантические, стилистические и т. д.), владеть техникой перевода стандартных текстов, знать основы общей и частной теории перевода, иметь представление о социокультурных особенностях стран изучаемых языков.

В соответствии с целями обучения основное внимание уделяется работе над первым и вторым иностранными языками, совершенствованию и углублению знаний родного языка, отработке умений устного и письменного перевода, занятиям по страноведению.

Как упоминалось выше, действующая сегодня в Австрии модель подготовки переводчиков отражает тот факт, что австрийские переводоведы (напр., В. Петюки) рассматривают устный и письменный перевод как различные виды деятельности, а следовательно и методика подготовки устных и письменных переводчиков, по их мнению, должна быть различной. Весь период обучения разделен на два этапа: четыре семестра будущие переводчики учатся вместе, а затем (еще четыре семестра) обучаются только устному или только письменному переводу.

Абитуранты сдают один вступительный экзамен, на кото-

ром проверяются знания по первому избранному ими иностранному языку (вне зависимости от того, изучали ли они его в гимназии). На экзамене предлагается перевести с иностранного языка на родной и с родного на иностранный небольшие тексты, включающие общеупотребительную (или общеязыковую) лексику. Однако экзамен, проводящийся в форме различных письменных и устных заданий по переводу с целью проверки знаний по грамматике иностранного языка (например, заданий на склонение или спряжение), не дает возможности в полной мере оценить знания и умения кандидатов, а потому не может служить достаточным основанием для прогноза о профессиональной пригодности экзаменуемых (и это признают в Институте переводчиков).

Да и вообще уровень знаний и умений на момент экзамена едва ли позволяет сделать вывод о том, что эти знания и умения будут развиваться в дальнейшем, будут ли они соответствовать требованиям, предъявляемым к переводчику. Ведь гораздо важнее на таком экзамене проверить способность к логическому и аналитическому мышлению, умение делать самостоятельные выводы по аналогии, способность к длительной концентрации внимания. Важно также проверить возможности кратковременной (оперативной) памяти, быстроту реакции, определить общий уровень развития экзаменуемого. Все это целесообразнее проверять на его родном языке, поскольку при оценке интеллектуальных возможностей кандидатов такой подход, по справедливому утверждению Б. Бендиксена, исключает случайности, связанные с языковыми трудностями, не говоря уже о том, что он позволяет судить об уровне владения родным языком (способность излагать свои мысли, грамотность, словарный запас, владение всеми ресурсами родного языка). В качестве возможных заданий Б. Бендиксен предлагает составление синонимических рядов, выбор слова из синонимического ряда, подбор антонимов, распознавание ошибок (грамматических, лексических), стилистическая правка и др.¹ Такая форма вступительного экзамена (он, кстати и называется «die Eignungsprüfung» — экзамен на профпригодность) представляется особенно целесообразной в наших условиях, т. е. в условиях конкурентного отбора абитуриентов.

По завершении первого этапа обучения (четыре семестра) студенты сдают первый государственный экзамен. Успешная сдача экзамена, включающего перевод с первого иностранного языка на родной и со второго иностранного языка на немецкий, является предпосылкой для последующего отдельного обучения. Еще через четыре семестра студенты сдают второй государственный экзамен по переводу, написав предварительно дипломную работу, касающуюся частных проблем перевода (напр.

¹ Подробнее об этом см.: *Bendixen, Bernd. Zur Gestaltung von Eignungsprüfungen für Sprachmittlerstudenten//Fremdsprachen. 1984/3. S. 189—191.*

«Сокращения в русском и немецком языках»). Получив положительную оценку за дипломную работу и успешно сдав второй государственный экзамен, выпускники получают звание «Магистр философии».

Венский университет предоставляет возможность получить профессию переводчика и за более короткий срок (шесть семестров вместо восьми). Свидетельство, которое выдается по окончании такого укороченного курса, дает право работать письменным переводчиком.

В качестве первого или второго языка (в любой комбинации) можно выбрать: английский, французский, итальянский, японский, польский, португальский, румынский, русский, сербохорватский, чешский и венгерский языки. В случае, если один из этих языков является родным языком студента, в качестве первого иностранного он обязательно получает немецкий язык. Все предметы, которые предлагаются в Институте переводчиков, делятся на обязательные (по ним сдают экзамены или зачеты) и факультативные.

На первом этапе обучения (четыре семестра) к обязательным относятся первый (минимум 28 часов в семестр) и второй (18 часов) языки, страноведение (первый и второй языки — 10 часов). Кроме того, студенты должны прослушать ряд теоретических курсов, по которым сдают зачеты: «Научные и профессионально-практические основы перевода», «Основы права и экономики» и один из трех курсов на выбор: «Общее языкознание», «Прикладное языкознание», «Психология языка и речи». Из всех часов, отводимых на первый язык половина (14 часов) отдается переводу.

Программа по языку включает аспекты: работа в фонолаборатории, работа по аудио-визуальной методике, практикум по разговорной речи, фонетика, орфоэпия, грамматика (морфология, синтаксис), контрастивная грамматика, идиоматика, стилистика, лексикология. Четыре последние дисциплины предполагают либо практические занятия, либо лекции. Лекции читаются также по такому предмету как «Язык науки и техники». Он имеет следующие разделы: язык гуманитарных наук, естественных наук, язык техники, язык медицины, язык официально-деловой речи. Студентам предлагается также практикум по написанию сочинений, по ведению протокола и по составлению докладов. Они могут посещать занятия по всем этим предметам (всего 60—100 часов за семестр) или выбрать некоторые из них (но не менее 14 часов).

Переводческие дисциплины на первом этапе обучения включают: упражнения по переводу с немецкого на иностранный, с иностранного на немецкий, практикум по двустороннему переводу, семинарские занятия по переводу (с немецкого на иностранный и с иностранного на немецкий), перевод прессы, перевод текстов по экономике и праву, перевод деловых документов. И здесь студенты выбирают те дисциплины, которые им по ду-

ше, но они должны отработать не менее 14 часов из предлагаемых 40—60 часов. Примерно по такой же схеме, только с меньшим количеством часов, построена программа по второму иностранному языку. Занятия по страноведению на первом этапе включают лекции по культуре страны изучаемого языка, географии, экономике, общественному строю, государству и праву, новейшей истории, прессе, а также практикум по литературе.

Интересный набор лекций предлагается по общему и прикладному языкознанию и психологии речи: «Основы языкознания, Введение в общее языкознание, Теория грамматики, Теория фонологии, Семантика, Лингвистика текста, Социолингвистика. Чистота языка, Психолингвистика и психология речи, Методика изучения иностранного языка, Учение о терминологии» и др. (всего около 30 часов). Но из этих лекций обязательными для прослушивания является только две. А поскольку студенты выбирают разные лекции, то нередки случаи, когда на лекции присутствуют 2—3 человека.

Однако сама идея введения большого количества факультативных лекционных курсов, а также практических занятий, отвечающих разнообразным интересам и склонностям студентов, представляется нам весьма продуктивной или, во всяком случае, заслуживающей внимания. В качестве факультативных дисциплин на первом этапе обучения студентам рекомендуется: техника научной работы (лекции), история изучаемого языка (лекции), стилистика немецкого языка (практические занятия), история литературы изучаемого языка (лекции и практические занятия), гигиена голосовых связок и логопедия (лекция), техника спонтанной речи (практическое занятие), педагогическая психология (лекция), международные отношения (лекция или практическое занятие), международное право (лекция) и др.

На втором этапе, где ведется раздельное обучение письменных и устных переводчиков, предметы, по которым сдаются экзамены, те же, но изменяется количество учебных часов: по языку и переводу увеличивается на шесть часов, а по страноведению уменьшается на четыре часа. В качестве предмета, по которому сдается зачет, предлагается лекционный курс «Международные организации».

В течение всех четырех семестров на занятиях по языку как для письменных, так и для устных переводчиков отводится два часа в неделю, на письменный перевод — два часа, а на устный — четыре часа (по два часа на последовательный и синхронный перевод).

Набор дисциплин по первому и второму иностранному языку, а также по письменному и устному переводу примерно такой же, как и на первом этапе обучения. Изменения касаются только количества часов и сложности учебного материала. На этом этапе значительно расширяется тематика лекций по страноведению. Студентам предлагаются, например, такие темы, как: история духовного развития народа в стране изучаемого

языка, направления современной философской мысли, история искусства, история живописи и архитектуры, современная музыка, литература и литературоведение в стране изучаемого языка, современный театр и т. д.

Курс «Общие и частные проблемы письменного и устного перевода» включает лекции по следующим темам: теория письменного перевода, теория устного перевода, лингвистическая теория перевода, а также практические занятия по критическому анализу опубликованных переводов, по лексикографии и др.

Список факультативных дисциплин остается тот же, что и для первого этапа обучения. Но студенты выбирают те дисциплины, которые они не изучали в течение первых четырех семестров, т. е. на первом этапе. Как видим, удельный вес теоретических дисциплин невелик. Совсем отсутствуют дисциплины общественно-политического цикла. Большая часть учебного времени отводится практическим занятиям по языку и переводу.

Интенсивная работа над языком, жесткий тренаж, углубленное изучение социо-культурных, экономических и политических особенностей стран изучаемых языков нацелены на решение основной задачи: подготовить высококвалифицированных переводчиков с узкой специализацией, способных выдержать жесточайшую конкуренцию в условиях становящейся все более угрожающей безработицы.

Источники

1. Studienplan für die Studienrichtung Übersetzer-und Dolmetscherausbildung an der Universität in Wien 1974.
2. Universität Wien. Vorlesung-Verzeichnis für das Wintersemester 1981/82.
3. Probleme und Ziele der Sprachmittlerausbildung an der Universität. Zum 25-jährigen Bestehen des Wiener Instituts für Dolmetscherausbildung. Vortrag von Victor Petioky.
4. Bendixen, Bernd «Zur Gestaltung von Eignungsprüfungen für Sprachmittlerstudenten» Fremdsprachen. 1984/3, С. 189—191.

Ю. В. Ванников

(Москва)

ВАЖНЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА*

Развитие теории, возникновение новых и переосмысление старых идей определяются как внутренними — концептуальными, так и внешними — прагматическими факторами. С одной стороны, совершенствуется структура теории, уточняется ее понятийный аппарат, обоснование ее объектов и исследовательских методов, выявляются и решаются присущие ей логические противоречия, а с другой стороны, происходит опытное уточнение и верификация отдельных положений теории, претерпевают изменения сама ее предметная область и, соответственно, претерпевают изменения наши знания о ее связях и отношениях с другими сферами действительности, что влечет за собой изменения в представлении об общих целях и конкретных задачах данной науки. В сущности именно эти факторы имел в виду А. Эйнштейн, когда писал, что познавательная ценность теории определяется ее «внутренним совершенством» и «внешним оправданием».

Известно, что перевод является сложным видом человеческой деятельности, а теория перевода, формирующаяся на стыке различных отраслей знания, является междисциплинарной наукой, поэтому на нее должно воздействовать большее количество как внутренних, так и внешних факторов. Действительно, в плане «внутреннего совершенства» на теорию перевода воздействует не только информатика (ибо перевод есть вид информационных процессов, вид преобразований сообщения, изучаемых в теории информации), но и лингвистика (ибо объектом теории перевода являются не всякие преобразования сообщений, но лишь такие, в результате которых текст, написанный или произнесенный на одном естественном языке, преобразуется в текст, написанный или произнесенный на другом естественном языке), а в плане «внешнего оправдания» на содержание и структуру теории перевода возрастающее влияние оказывают новые формы и виды речевого воздействия, развиваю-

* Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода. (На материале испанского языка). М., 1985. 232 С.

щиеся в сфере массовой коммуникации и особенно в сфере научно-информационной деятельности.

Ситуация, сложившаяся к настоящему моменту в области теории перевода, характеризуется как раз тем, что разработанные в разное время концепции, опирающиеся на различные модели переводческого процесса, не удовлетворяют больше требованию «внутреннего совершенства» и не получают достаточного «внешнего оправдания». И на самом деле: становление и развитие коммуникативной лингвистики и перемещение центра тяжести исследований от проблемы организации, проблемы устройства языка к проблеме его функционирования, к проблеме «пользования» языком, прогресс смежных с лингвистикой наук, изучающих социальные, психологические и другие аспекты вербальной коммуникации, и, наконец, развитие самой переводческой практики, особенно в области переработки и массового распространения информации, в первую очередь научно-технической и общественно-политической информации, где под влиянием новых условий общения и новых информационных потребностей идет активный процесс формирования новых видов перевода, выработки нового подхода к адекватности и новых критериев качества перевода, — все это вместе взятое уже как бы предопределило общие контуры пока еще отсутствующей теории, призванной решить комплекс назревших «внутренних» и «внешних» проблем.

Если попытаться выразить одним словом главное содержание этого комплекса, то таким словом будет коммуникативность — распространение коммуникативного подхода на переводческую проблематику.

Коммуникативный подход к любому виду речевой деятельности, в том числе и переводческой, включает в качестве обязательных компонентов функционально-прагматический, социальный и психологический аспекты. Попытки переосмысления переводческой проблематики с позиций коммуникативного подхода в одном или нескольких указанных аспектах в последние годы предпринимались неоднократно, однако они были разрозненными и фрагментарными. И лишь вышедшая в свет в 1985 г. книга З. Д. Львовской «Теоретические проблемы перевода» явилась развернутым и фундаментальным ответом на все более остро ощущаемую потребность в создании коммуникативно-функциональной версии теории перевода.

Особенностью рецензируемой книги является то, что предложенная в ней концепция общей теории перевода разрабатывается на базе одной языковой комбинации — на материале испанского и русского языков. На первый взгляд такое ограничение противоречит замыслу работы. Достаточно напомнить в этой связи, что в свое время некоторые авторы выражали сомнение: были ли у А. В. Федорова основания называть свою книгу «Введением в теорию перевода»? Неправомерность этого названия объяснялась тем, что общая лингвистическая теория

перевода не может основываться на материале четырех языков (русском, английском, немецком, французском)¹.

Однако разработка общей модели перевода есть ни что иное как **теоретическое обоснование объекта** лингвистического переводоведения, поэтому на данной стадии исследования — на стадии разработки коммуникативной модели перевода — языковой материал вполне может быть ограничен рамками какой-либо одной комбинации, поскольку, строго говоря, он выполняет лишь иллюстративную функцию, что, кстати, лишней раз демонстрирует и рецензируемая книга.

Другое дело, что с соответствующей аргументацией самого автора можно согласиться лишь частично. «Насколько нам известно, — пишет З. Д. Львовская, — вплоть до настоящего времени в отечественном и зарубежном переводоведении не было попыток описания теории перевода на материале испанско-русской комбинации... Положение усугублялось отсутствием практических пособий по переводу для указанных языков, в основу которых была бы положена единая переводческая концепция» (с. 4—5). Последнее обстоятельство привело к тому, указывает автор, что «специалисты, работающие с испанским языком или изучающие испанский язык, ... оказались в определенном смысле «обделенными», так как любые общие закономерности перевода находят свое конкретное преломление в каждой комбинации языков» (с. 5). Высказанные соображения и мотивируют выбор испанско-русской комбинации для попытки «обосновать и описать общую теорию перевода» и «включение в книгу значительного количества примеров» (с. 4, 5). Отметим прежде всего, что проблемы русско-испанского и испанско-русского перевода достаточно подробно рассматривались в ряде работ теоретического и практического характера, о чем подробнее будет сказано ниже.

Главное, однако, заключается в том, что в рецензируемой книге могут быть выделены два раздела, или, лучше сказать, два **плана**, которые различаются не только по существу рассматриваемых проблем, но и по ориентированности на разных читателей. Первый план — условно его можно назвать общими проблемами перевода — представлен первыми тремя главами (I. Предпосылки появления науки о переводе; II. Пути развития современной науки о переводе; III. Коммуникативно-функциональная теория перевода); второй аспект, посвященный частным проблемам перевода, представлен заключительной — четвертой — главой книги (IV. Пути достижения адекватности). Подробнее о содержании этой главы можно судить по названиям ее подразделов: 1. Требования к переводческим преобразованиям; 2. Причины, обуславливающие необходимость переводческих преобразований; 3. Типы переводческих преобразова-

¹ Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода // Вопросы языкознания, 1962. № 1.

ний; 3.1. Перестановки; 3.2. Замены; 3.3. Добавления; 3.4. Опущения.

Обоснование и изложение коммуникативно-функциональной версии представляют интерес для всех специалистов в области перевода, а в том виде, в каком оно выполнено в работе З. Д. Львовской — и для всех тех, кто интересуется различными проблемами вербальной коммуникации или разработкой общей теории общения. Поскольку объекты общего переводоведения, вообще говоря, имеют не эмпирическое, а теоретическое обоснование² языковой материал может быть любым. И в той мере, в какой речь идет об изложении концепции коммуникативно-функционального подхода к анализу и описанию перевода как особого вида речевой деятельности и к обоснованию соответствующей модели переводческого процесса, читатель, не знающий испанского языка, сможет извлечь из этих глав книги не меньше полезного, чем «специалисты, работающие с испанским языком или изучающие его». (Из этого, кстати, следует, что автор значительно усилил бы доходчивость и убедительность своей аргументации, если бы снабдил все испаноязычные примеры русскими переводами). Что же касается второго аспекта — рассмотрения типов переводческих трансформаций, общих условий их применения и конкретных приемов, обеспечивающих достижение адекватности, — то он, конечно, в полной мере полезен и доступен не всякому читателю, но лишь специалистам, работающим с испанским языком или изучающим его. Только с учетом этой двуплановости могут получить правильную оценку использование языкового материала, структура да, пожалуй, и сам жанр рецензируемой книги. Что касается последнего, то синтез научной монографии и практического пособия по переводу с испанского языка на русский не только не умаляет достоинств работы, но, напротив, придает ей особую ценность, расширяя сферу применения и потенциальную читательскую аудиторию.

Вернемся однако к концептуальному ядру книги — к коммуникативно-функциональной трактовке перевода, понимаемого как сложный речемыслительный процесс, в котором теснейшим образом взаимодействуют лингвистические и экстралингвистические факторы. Коммуникативно-функциональный подход к переводу исходит из разграничения и взаимного соотношения понятий языкового значения и речевого смысла, осуществленного как углубление и развитие разграничения языка и речи (= речемыслительной деятельности) и соответствующих основных единиц коммуникативного уровня — предложения и высказывания. Предложение как единица особого уровня языка — уровня норм реализации языковых единиц — выражает сигни-

² О теоретическом и эмпирическом обосновании объектов теории подробнее см. в кн.: Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973. С. 55—134.

Фикативное (языковое) значение, являющееся результатом взаимодействия денотативного и коннотативного значений и актуального членения. Высказывание как единица особого — коммуникативного — уровня речемыслительной деятельности выражает смысловое (речевое) значение, являющееся результатом взаимодействия его основных компонентов — речевой ситуации, прагматической и семантической структур. Смысл высказывания — категория субъективная: он ориентирован на коммуникативное задание автора и на речевую ситуацию в целом. Значение предложения, лежащего в основе высказывания, — категория объективная: оно ориентировано на описываемую им предметную ситуацию действительности. Диалектика взаимосвязи предложения и высказывания проявляется, в частности, в том, что высказывание имеет как бы двойную соотнесенность: в плане языкового, предметно-понятийного содержания оно соотносится с предметной ситуацией действительности, а в плане мыслительного содержания оно соотносится с речевой ситуацией. Таким образом, сигнификат высказывания, с одной стороны, является формой выражения смысла, а с другой — одним из компонентов смысловой структуры. Диалектическое единство и взаимосвязь языковых значений и смысла, языкового и мыслительного содержания текста, заключает автор, есть частный случай отражения взаимосвязи между философскими категориями формы и сущности (с. 89).

Соссюровская аспектизация языка (*langue-langage-parole*), существенно переинтерпретированная в работах Э. Косериу, получает дальнейшее развитие в рецензируемой книге не только за счет привлечения к анализу высказывания новейших данных психолингвистики, но также и потому, что рассматривая механизм общения, автор не ограничивает себя собственно лингвистическими рамками, а включает в сферу исследования речевую ситуацию в целом, выявляя всю совокупность ее компонентов и их роль в порождении и понимании текста. Однако главное, что определяет принципиальную новизну рецензируемой работы, это последовательное применение коммуникативно-функционального подхода к анализу наиболее сложного вида речевой деятельности — двуязычной коммуникации, осуществляемой при участии языкового посредника, т. е. к анализу перевода. Центральной проблемой при таком подходе к переводу оказывается соотношение языкового значения и речевого смысла высказывания (текста). Переводчик «передает» в переводе именно смысл высказывания. Суть деятельности переводчика определяется его срединным («ключевым») положением в цепочке многократного перекодирования информации, составляющей основу процесса двуязычной коммуникации: смысл→значение→→смысл→значение→смысл.

Для того чтобы более глубоко раскрыть содержание процессов многократного перекодирования, необходимо выявить роль объективных и субъективных факторов, формирующих ре-

чевую ситуацию двуязычного общения. Детальный анализ формантов речевой ситуации, в рамках которой вычленяются ситуация общения и предметная ситуация, дают автору возможность выделить и различные виды информации переводимого текста и указать главные условия, определяющие их релевантность для участников коммуникации.

Форманты речевой ситуации неоднородны и с точки зрения информационного содержания, и с точки зрения выполняемой функции в процессе коммуникации (с. 92).

Взаимодействие мотива и цели автора высказывания определяют коммуникативное задание автора. Мотив и цель, в свою очередь, являются результатом взаимодействия всех формантов речевой ситуации: личности автора текста, предмета речи, места, времени общения, личности партнера по коммуникации.

Поскольку коммуникативное задание автора текста формируется под влиянием всех указанных факторов, то и адекватно интерпретировать, т. е. понять смысл текста можно только при учете всех тех факторов, которые оказываются релевантными для конкретной речевой ситуации.

Однако возникнув под влиянием факторов, формирующих речевую ситуацию, коммуникативное задание, будучи «материализованным» в высказывании, в свою очередь, становится формантом речевой ситуации, предопределяя ее дальнейшее развитие.

Компоненты смысловой структуры текста — его прагматическая и семантическая структуры — определяются речевой ситуацией, так как в конечном счете именно она мотивирует речевой поступок. Прагматическая структура текста, в согласии с современными психолингвистическими воззрениями, представляет собой внутреннюю программу речевого поступка, формирующуюся в сознании автора под влиянием речевой ситуации. Она может быть представлена как иерархическая линейная последовательность коммуникативных заданий, подчиненных главному коммуникативному замыслу автора. Семантическая субструктура представляет собой предметно-понятийное языковое содержание текста и в то же время языковую форму реализации коммуникативного замысла. Семантическая структура представлена высказываниями, объединенными в более крупные смысловые блоки: абзацы, разделы и т. д.

Одним из важнейших понятий излагаемой в книге концепции является коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на ИЯ и ПЯ. Основой коммуникативной равнозначности текстов является их смысловая эквивалентность, предполагающая, в первую очередь, инвариантность их прагматических структур. Коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на ИЯ и ПЯ рассматривается в книге как основной оперативный принцип процесса перевода и, соответственно, выступает как главный критерий адекватности перевода оригиналу. В последней главе, посвященной переводческим преобразова-

ниям, показывается, что конечным критерием их целесообразности и эквивалентности является обеспечение инвариантности смысловой структуры текста в целом, или—в более конкретных терминах коммуникативно-функциональной модели перевода — инвариантность соотношения семантической и прагматической структур текстов на ПЯ и на ИЯ. При этом предполагается, что эквивалентность семантической субструктуры текста на ПЯ обеспечивается релевантными формантами речевой ситуации и нормами речевого поведения, которые приняты в иноязычном коллективе для данной речевой ситуации. Наконец, общим условием эквивалентности переводческих преобразований является их соответствие речевым нормам и узусу на ПЯ.

Таковы основные, «несущие» элементы теоретической конструкции, излагаемой в рецензируемой работе. Убедительно аргументированная и последовательно осуществленная трактовка переводческой деятельности с позиций коммуникативной лингвистики позволила автору раскрыть психолингвистическую сущность процесса перевода, разработать модель этого процесса, обосновать понятие коммуникативной адекватности и сформулировать систему критериев для оценки адекватности текстов на ИЯ и на ПЯ, а также систему критериев оценки смысловой эквивалентности отдельных переводческих преобразований. Таким образом, теоретическую лакуну, наметившуюся в отечественной науке о переводе, в целом можно считать восполненной.

Разумеется, многие положения, доводы, анализ и оценка отдельных примеров могут вызвать у читателей возражения, уточнения, дополнения. Так, например, слишком сильным представляется утверждение автора о том, что «любая модель — теория, поэтому понятия „модель перевода“ и „теория перевода“ употребляются как синонимы» (с. 42). Модель и ее интерпретация — (собственно теория) в общем случае — взаимосвязанные и дополняющие друг друга компоненты научного знания. Другое дело, что с позиций коммуникативно-функционального подхода, когда предметом переводоведения является определенный вид деятельности, процесс преобразования текста и обуславливающие его внешние и внутренние факторы, ядром теории может выступать именно модель, однако такая редукция требует особых оговорок. Здесь, кстати, возникает интересный вопрос о связи характера теории с типом обоснования ее объектов, но его решение выходит далеко за рамки проблематики рецензируемой работы.

В ряде случаев аргументация автора выглядела бы убедительней при более строгом и последовательном разграничении понятий, относящихся к разным уровням и аспектам описания. Так рассматривается коммуникативное задание (с. 119), то как поведенческая, то как лингвистическая категория. В принципе эти два понимания не обязательно являются взаимоисключающими, но условия их совместимости, по-видимому, также следовало оговорить особо.

В тщательно подобранной и представительной библиографии отсутствуют, тем не менее, некоторые работы образующие в каком-то смысле непосредственный контекст рецензируемой книги. Так, среди работ общего характера необходимо было упомянуть фундаментальный труд Ж. Мунена, сыгравший важную роль в формировании лингвистической теории перевода как самостоятельной отрасли научного знания. Изложение проблемы смысловой структуры текста желательно бы сопровождать ссылками на известные работы А. И. Новикова и Л. А. Черняховской, посвященные решению этого вопроса. При обосновании испанско-русской языковой комбинации и при анализе конкретного языкового материала следовало бы ориентировать читателя также на работы Н. Д. Арутюновой, М. Виннарски, А. Триста, С. И. Канонич. В связи с проблемой типологизации текстов полезно было отослать читателя к работам Катарины Райс.

И, наконец, последнее (по порядку, но не по важности) соображение по вопросу, обсуждение которого на самом деле требует более объемного жанра, чем рецензия. «Теоретические проблемы перевода» З. Д. Львовской написаны на материале художественного и общественно-политического перевода. Это ограничение нельзя рассматривать как чисто языковое, поскольку оно имеет далеко идущие концептуальные последствия, оказывая существенное влияние на трактовку смысловой структуры текста, инвариантности, адекватности, требований к переводческим трансформациям и т. д. Пожалуй, именно при разработке общей теории перевода нельзя забывать о том, что переводческая деятельность весьма неоднородна по содержанию, структуре и даже по организации. В частности, научно-технический перевод (не говоря уже о различных видах делового перевода), на долю которого в современном мире приходится львиная доля переводческого труда, характеризуется специфическими особенностями, определяемыми специфическими чертами смысловой организации переводимых текстов, специфическими функциями самих переводов, специфическим пониманием адекватности и др. Ясно поэтому, что любая модель, претендующая на обобщенный характер, должна строиться так, чтобы охватить и научно-технический перевод. В этом смысле требует уточнения и высказанная автором в предисловии к книге надежда на создание единой теории перевода на базе одной (имеется в виду коммуникативно-функциональной) модели. Единство теории может мыслиться лишь как синтез подходов, концепций и моделей, обобщающих разные стороны переводческой деятельности и разные методы их исследования в единой перспективе координированного и систематизированного знания.

Возвращаясь в заключение к ценностным критериям А. Эйнштейна, можно сказать, что разработанная З. Д. Львовской концепция перевода и коммуникативно-функциональная модель процесса перевода удовлетворяют требованиям «внутреннего

совершенства» теории и поднимают научное знание о переводе на новую ступень. Что же касается «внешнего оправдания», оно пока реализовано не в полной мере. Автору и его последователям открываются широкие и разнообразные возможности для дальнейшего осмысления с позиций коммуникативного подхода различных видов и форм переводческой практики.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Издательство «Высшая школа» продолжает выпуск научно-теоретического сборника «Тетради переводчика», направление и содержание которого формируется редакционной коллегией, состоящей в основном из преподавателей Московского ордена Дружбы народов государственного педагогического института иностранных языков имен Мориса Тореза — ведущего вуза страны в области подготовки переводчиков.

В редакционной коллегии сборника, работающей на общественных началах, участвуют также многие ведущие ученые-переводоведы. Сборник представляет собой безгонорарное издание. Цель сборника — способствовать развитию наиболее важных вопросов теории перевода, методики его преподавания, повышению качества перевода, ознакомлению всех интересующихся проблемами перевода с новыми перспективными направлениями и результатами исследований в этой области.

Редколлегия сборника приглашает работников высшей школы, а также практиков перевода принять участие в развитии и дальнейшей разработке этой проблематики. Направляемые в редколлегию статьи не должны превышать 0,5 печатных листа (одиннадцать машинописных страниц). Автор представляет рукопись, напечатанную в двух экземплярах, включая сноски, примечания, таблицы, список литературы, подрисовочные подписи на одной стороне листа белой бумаги формата А4 (210×297 мм), на машинке с крупным очком литер, через два интервала с четко обозначенными абзацами. На странице должно быть не более 30 строк (не считая номера страницы), в каждой строке — 60 знаков вместе с междусловными интервалами; левое поле страницы — 25 мм, правое — 10 мм, верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм.

Заголовки и подзаголовки печатаются строчными буквами и отделяются от основного текста сверху и снизу тремя интервалами. Абзацный отступ соответствует трем ударам на машинке.

Поправки (исправления) в машинном оригинале отдельных знаков и букв могут быть сделаны на машинке или от руки только черными чернилами (пастой). Поправка, состоящая из двух слов и более, печатается на машинке и наклеивается на исправляемое место. Количество всех поправок на одной странице не должно превышать пяти.

Не принятые редколлегией рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Наш адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, МГПИИЯ им. М. Тореза.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение

- А. Д. Швейцер.* Новые задачи «Тетрадей переводчика»
Вопросы теории перевода в трудах проф. Л. С. Бархударова

II. Теория и история перевода

- С. И. Канонич.* Семантическая ситуация перевода
Г. В. Чернов. Импликативность и перевод
Л. А. Черняховская. Информационные компоненты текста как объект перевода
С. Ф. Гончаренко. Информационный аспект межъязыковой поэтической коммуникации
М. П. Брандес. Стилистический инвариант перевода текста

III. Практика перевода

- В. А. Иовенко.* Лексико-грамматические трансформации при переводе высказываний каузативного смысла (на материале испанского и русского языков)
А. В. Михеев. Общественно-политический перевод и современная английская риторика

IV. Вопросы устного перевода

- А. Е. Мосьяков.* О роли штампов в синхронном переводе
И. В. Полуян. Опыт эмпирической проверки интроспективной модели

V. Вопросы научно-технического перевода

- Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт.* Некоторые психолингвистические аспекты процесса перевода научно-технической литературы. (Взаимодействие фоновых и языковых знаний переводчика)

VI. Методика преподавания перевода

- Д. И. Ермолович.* О практике редактирования в подготовке переводчиков
А. Л. Коралова. Осторожно, — фразеологизм!
Е. В. Бреус, А. А. Дементьев, Е. Н. Сладковская. Синхронный перевод: пути овладения профессией

VII. В творческой лаборатории переводчика

- Павел Грушко.* Поиск естественной неестественности. (Воссоздание образа поэмы Луиса де Гонгоры-и-Арготе «Сказание о Полифеме и Галатее» на русском языке)

VIII. Наша информация

- В. П. Комиссаров.* Международная федерация переводчиков (ФИТ): Союз практики и теории перевода
Г. Л. Рязанова. Подготовка переводчиков в Австрии

IX. Рецензия

- Ю. В. Ванников.* Важный шаг в развитии теории перевода
От редколлегии

65 коп.